

4

2007

МИВА

Н. Зайцев. Бесовщина (повесть)

Азиза. Четыре рассказа

А. Булекпаев. Воспоминанья о былом

А. Устинов. Казахи и русские: эпоха Кунаева

Б. Канапьянов. Кулагер (Судьба Поэта)

О. Григорьева. Цветаевский теплоход

В. Шестериков. Розы и ракеты

№ 4

2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Издаётся с 1991 года.

Выходит ежемесячно.

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН** (г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ** (г. Уральск), **В. Г. КОЧЕНОВ** (г. Астана), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ** (г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ** (первый зам. главного редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

- В. Михайлов.** «Ничего нет превыше любви...». *Поэмы и стихи* 3
Новое имя
- Г. Жиренов.** Чингисхан. *Поэма* 19
- И. Матвеева.** «И всё ещё впереди...». *Стихи* 63
- Д. Ревякин.** «... ты всегда рядом — я знаю...». *Стихи* 71

Проза

- Азиза.** Четыре рассказа. (*Убийство, Дорога, Масло, Свет*) 12
- Н. Зайцев.** Бесовщина. *Повесть* 26
- И. Матвеева.** Лирические миниатюры 67

© «Нива», 2007, Астана

Наш общий дом

А. Булекпаев. Воспоминанья о былом 80

Культура. Общество. Личность

Дополнительный урок

Б. Канапьянов. Кулагер (Судьба Поэта) 100

А. Устинов. Казахи и русские: эпоха Кунаева 105

И. Винтер. Гордость павлодарского Прииртышья 128

Наследие

О. Григорьева. Цветаевский теплоход 132

Далёкое — близкое

В. Шестериков. Розы и ракеты.

Из цикла «Пришимские хроники» 155

Краеведение

Б. Токарев. Фрагменты истории 162

В семейном кругу

В. Аксёнов. Волчица, Кузнечиха 167

Изоальбом «Нивы»: фотоиллюстрации к материалу «Цветаевский теплоход». На первой странице обложки — Дом памяти М. Цветаевой в Елабуге, на четвёртой — Чистополь. По этой улице не раз ходила Цветаева....

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция журнала «Нива» в этом году открыла свой сайт: www.niva-kz.narod.ru

Надеемся, что посещение нашего сайта будет для вас информативным и полезным. А мы, в свою очередь, приложим все усилия, чтобы вы стали нашими постоянными читателями.

Валерий МИХАЙЛОВ

“Ничего нет превыше любви...”

Годовая свеча

*о. Владимиру Нежданову,
священнику и поэту*

Поэма

“... ибо время близко.

Откр. 1, 3

“И возрыдают пред Ним все племена земные.”

Откр. 1, 7

**“... времени уже не будет; но в те дни, когда
возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит,
совершится тайна Божия.”**

Откр. 10, 6-7

I

Свечой Богоматери светит Святая Гора
Средь мрака земного, и зла, и тщеты, и распада,
И бьют в неё волны морские с утра до утра,
Как страсти мирские, и дышат дыханием ада.

Там прежде бесовские капища в свежей крови
Дымилась, возвысивши мраморные колоннады,
Пустыми глазницами гордо на жертвы свои
Взирали кумиры тогдашней Аполлониады.

Но в бурю корабль с Приснодевой прибило сюда,
И только лишь на берег Божия Матерь ступила,
Как рухнули оземь кумиры, пропав навсегда,
Рассыпались пылью и прахом поганого мира.

И Сад Богородицы чудной молитвой расцвёл
Под чистым Её благодатным и светлым Покровом,
И в небо вознёсся столп света, где Божий Престол
Встречал по успению души в сиянии новом.

II

Свечой Богоматери светит Святая Гора.
Афонской молитве гореть до последнего срока.
Сказали монахи: — Темнеет. Настала пора
Затеплить свечу годовую пред именем Бога.

... Желтели в убогих могилах святых черепа
И в костницах миром преблагоуханным точили,
Как будто б смиренная не прерывалась мольба,
Что старцы когда-то при жизни своей возносили.

И золото, ладан и смирна заветных волхвов —
Дары Иисусу Младенцу — они на Афоне,
Они не исчезли в горниле нещадном веков,
А будто склонились пред Ним в неизменном поклоне.

Андрея апостола в храме благая стопа
Была средь мошей, что вслед за Иисусом ступала,
Куда б ни вела её прежде святая тропа, —
Светилась с тех пор, как Путь праведный в мире познала...

И плавился мёдом священным живительный воск,
И пламя тишайшее у алтаря трепетало.
Сгорела свеча годовая в назначенный срок.
Решили монахи: — *То время* ещё не настало.

III

И так в тишине началось измеренье времён
Свечой годовою — молитвой пред Небом нетварной,
Поскольку лишь Богу поистине верит Афон,
Не внемлющий правде земной, отрывной, календарной.

И мерю времени — та годовая свеча,
Единственно точная благословенная мера:
В миру тёплохладном одна лишь она горяча,
Как в Бога одна горяча Православная вера.

Века, как молитвы, чредою заветной текли,
Монахи свечу годовую в черёд возжигали,
Просили у Бога пощады для бренной земли
И время по истине верной свечой измеряли.

И вот преступила свеча календарный порог —
Однажды она дольше года земного горела.
Тогда восскорбели монахи: — Уж близится срок.
Суров Судия, Он грядёт неподкупный, и жатва поспела.

IV

Твердыней сугубой молитвы сияет Афон,
Пльвут над пучиною вдаль колокольные звоны,
И явственней знаменья стали Последних Времён —
То миром и кровью сочатся святые иконы.

Всё дольше и дольше горит годовая свеча —
Сжимается время шагреновой кожей распада.
В миру тёплохладном одна лишь она горяча,
Но всё ощутимей и смрадней дыхание ада.

— Вы скорость взлюбили — скорей же настанет вам срок! —
Свеча годовая гореньем тишайшим пророчит.
Одни лишь монахи постигли наглядный урок
Во храме, где чистые плачут Заступницы очи.

V

Свечой Богоматери светит Святая Гора
Средь мрака земного, и зла, и тщеты, и распада,
И бьют в неё волны морские с утра до утра,
Как страсти мирские, как огонь пожирающий ада.

Всё медленней, тише горит годовая свеча —
Летят Времена, и Конец их всё ближе, всё ближе.
В миру тёплохладном лишь только она горяча,
И пламени срок ей не нами отмерен, а свыше.

Есть Время Бессмертное, то, в ком покоится Бог,
Оно не прейдёт никогда, бесконечно живое.
Всему остальному отмерен пылающий срок.
Молитесь! Сжимается смертное время земное.

**14 октября 2006 г.,
Покров Божией Матери.**

Русский хаос

Поэма

Кудлатый, звероватый, бородатый,
Башку готовый чёрту проломить
(Хоть возьмётся в волосьях бесенята),
О Русский Хаос, сам собой богатый
И сам собою, как вулкан, чреватый,
Тебя ль *порядок* не хотел сломить.

Яришься ты, как по весне Ярило,
Огнём ты пожигаешь, как Чурило,
И рыкаешь громами, как Перун.
Берёзами тебя заговорило,
Снегами по макушку завалило,
Разбередило душу пеньем струн.

Ревмя ревьешь с Днепрового порога,
Тайга мохнатая тебе берлога,
Полярным мишкой плещешься во льдах,
В колдобинах веков твоя дорога,
Где травами горчит, как встарь, тревога,
В горбатых, словно грех, немых горах.

Тебя числом колючим не расчислишь
И разумом ползучим не размыслишь,
Ты *сам большой* в клубящейся судьбе.
Ты тёмн и глубок, как тайна крови,
Ты ясен и высок, как смысл любви,
Пределы не по норову тебе.

Тебя не взять ни силой, ни измором,
Не обротать ни лестью, ни позором,
Заезжему не покорить уму —
Ты Ванькой-дураком вмиг обернёшься,
Царевичем Иваном усмехнёшься
И умников преодолеешь тьму.

Тебя взнесла, взмутила, закрутила
Невиданная неземная сила,
Мешая пышный свет с гремучей тьмой,
И понесла без сна и без продышки
В буране, где ни дна и ни покрышки,
Беспутной околёсицей хмельной.

Лесной, густой, ведьмачий и лешачий,
Колдует и шаманит дух бродячий
В прожильях перепутанных шальных.
Несёт по кочьям, топям и стремнинам,
Распластывает влѣжку по равнинам
Людишек неприкаянных твоих.

Народ единый в клочья разметало
Так, что врагу не показалось мало,
По белу свету вихрем размело.
Ты щедро косточки горстями сеешь,
Льёшь кровушку рекой и пеплом веешь,
И переводишь всё добро на зло.

Что жива душенька в кипучем смерче!
Полегче бы, полегче бы, полегче...
Да не сойти бы только бы с ума...
Пересчитали мужики и бабы
Все до последнего твои ухабы,
Где то сума по жизни, то тюрьма.

Личиною гусяр, плясун, кудесник,
Ты ликом столпник и монах-отшельник,
Ты странник по судьбинушке земной.
От синя моря и до океана
Зияешь ты, дымящаяся рана
Бездомной своей совести больной.

А поле твоё вольно и широко,
А небо твоё чисто и высоко,
И ветер облака твои несёт
От полюса и тундры до пустыни,
От идолищ до Спасовой святыни
И дождь, как слёзы, над тобою льёт.

В крови твоей, влекучей словно Волга,
Ручьи и реки тают долго-долго
Раскосою бегучею волной.
Народы, сотня с гаком, колобродят,
Теряются и вновь себя находят,
На вольной воле обретя покой.

И сонмище словес в тебе клокочет
И плещется, ручьится и лопочет,
И слух ласкает и глаза слепит.
Пословицы твои огнём играют,
И песни тёплым золотом блистают,
И речь твою Господь животворит.

Помилуй, Бог! Ведь я твоя кровинка,
Твой лист кленовый, острая хвоинка,
Степей душистых сизый полынок,
То подсладит мне жизнь твоя рябинка,
То зарумянит ягода малинка,
То высью приголубит василёк.

И душу захлестнуло мне тобою,
Как будто тёмной водкою лихою,
И жаром опалило до нутра,
И понесло куда-то за собою
Разгонистой безумною волною,
Что искорку из шаткого костра.

Душа безмерна, ей не ведать края
И вширь и ввысь, от ада и до Рая,
Ей шар земной что шарик в небеса.
Полярное сияние играет,
И самоцветом сердце озаряет
Земли и неба вечная краса.

Во мгле, где ни ответа ни привета,
Я вижу столп струящегося света,
Пронзившего слепую темь насквозь, —
То Божий знак в дымящемся тумане,
То перст судьбы в незаживлённой ране,
То Неба на земле живая ось.

То Хаоса нездешняя опора,
То Правда среди смрада, глума, ора,
То Лестницы светящаяся суть,
То Меч Христа в навек сражённом мраке,
То Дерево Жизни, вставшее на прахе,
То наших душ неистребимый Путь.

В тусклом небе предутреннем тает звезда,
Никогда не увидеть её, никогда...

Смутный отблеск скользит по земле, по воде.
... Никогда и нигде, никогда и нигде...

Так невидим души отлетающей след,
Только свет промелькнёт, ускользящий свет.

И ничто не удержит его, и никто
Никогда ни за что, никогда ни за что.

25 ноября 2006 г.

Всё только начинается..
Плывёт по небу солнышко,
Листок летит, качается —
Прозрачной молви пёрышко.

Две бабочки сиреневых,
Две стрекозы малиновых
По-над землёй слетаются
И снова разлетаются
В объятых крепдешиновых.

На воздухе кольшимом —
Напевом еле слышимым
Их крылышек касание,
Шуршанье, трепетание...

А солнышко осеннее —
Как в золоте весеннее,
И неба бесконечнее
Летучее мгновение.

Листок летит, качается,
На ветерке колышется —
И песня не кончается,
А видится и слышится.

29 сентября 2006 г.

За полночь, в неясном звёздном зареве,
В лёте неразгаданном Земли,
С головой в зыбучем плавком мареве,
С молодостью, кинутой вдали,
Что-то непредвиденное чудится,
Что-то непонятное томит...

Всё, что ни помыслишь, то и сбудется,
 Всё, что ни захочешь, предстоит.
 Только вот ни мысли, ни желания,
 Только вот ни неба, ни земли.
 Зарева лишь колкое мерцание
 В зыбкой отлетающей дали.

11 октября 2006 г.

Листву осыпят деревья,
 Возденут в небо ветви-руки..
 Слова повянут, как трава,
 Растают в воздухе, как звуки.

Чтоб чёрным веткам искупить
 Заката неземную тягу,
 Корням в немых потёмках пить
 По капельке живую влагу.

Одно безмолвие не лжёт,
 Неопалимой жаждой живо,
 Коль чистым помыслом живёт
 Неукоснимого порыва.

Ну что ещё осталось мне?
 Глядеть, как в небе длится битва,
 Как тает в медленном огне
 Дерев безмолвная молитва.

24 октября 2006 г.

Мимо ржавого чертополоха,
 Мимо мятых вчерашних газет
 (Где болотом исходит эпоха
 Всё быстрее, быстрее на нет).

Мимо щебета птиц на рассвете,
 Мимо лепета родников,
 Мимо волн, разрывающих сети,
 Мимо вишенных лепестков.

Мимо пыли и праха пространства,
 Мимо колкого крошева звёзд,
 Мимо родины и чужестранства,
 Мимо соли и сладости слёз.

Мимо встреч, и разлук, и прощаний,
 Мимо на ветер брошенных слов,
 Мимо вязких, как кровь, обещаний,
 Мимо напроочь растаявших снов.

Мимо смерти напрасного пыла,
 Мимо жизни нелепой глуши,
 И всего, что ни будет и было, —
 Но не мимо любви и души.

11 октября 2006 г.

Никого ни о чём не проси,
 Всё, что надо, получишь с лихвою.
 Тихо звёзды цветут на Руси
 И срываются вниз головою.

Это вечная льётся река,
 Не видать ни конца и ни краю.
 Ничего что она глубока,
 Я другой никакой не желаю.

Унесёт золотая волна
 Или чёрная гибель слепая?..
 Всё когда-то получишь сполна,
 Этой чудной рекой уплывая.

24 октября 2006 г.

Ночной дождь

I

Я слушал дождь о тысячи листов,
 Душа освобождалась от оков,
 Как листья в темноте от знойной пыли,
 И думы свежие куда-то плыли,
 Свободно восставая и широко
 Встречь мерно с неба льющего потока, —
 То вольная взмывала ввысь душа,
 Ночною чистой влагою дыша.

II

Дождь шёл всю ночь — и встречь душа парила,
 Её несла неведомая сила
 В пространство влажное, в его глухую тьму,
 Где нету места воле и уму,
 Где только шум вод многих и широких
 И песнь о воздух капель одиноких,
 Где слово растворяется вдали,
 Как отзвук небу листьев и земли.

1 октября 2006 г.

Поучение

Коль худим ты — молчи, за себя не боюсь.
 Напиши на воде свою неприязнь,
 И волна её прочь унесёт,
 Зыбкой тенью обида пройдёт.

А гоним — так терпи, не страшась ничего,
 На земле предначертана Воля Его.
 Стало быть, на тебе есть вина,
 Оттерпи наказание сполна.

Ненавидим — люби, а лишаем — не мсти,
 Дабы душу свою и чужую спасти.
 Ничего нет превыше любви,
 Грех смирением умертви.

1 октября 2006 г.

Сизые стрекозы
 Шьют в тиши лесной
 Сизые узоры
 Ниткою сквозной.

Шепчутся берёзы
 В яве ли, во сне,
 Синие их грёзы
 Не слышать мне.

Лётают беспечно...
 Сутемь зелена,
 Лишь янтарной свечкой
 Теплится сосна.

Всё на свете тайна,
 Словно тишина,
 Зелена, хрустальна,
 Не разглашена...

30 сентября 2006 г.

Щетинистая просека.
 Лохматые леса.
 Куда с добром неброская
 Тягучая краса.

Красавицы неподвижные,
 Что на ногу легки.

Тут в пепле мха валёжины
 То вдоль, то поперёк,
 Источены, изгложены,
 Свой дотлевают срок.

Как царствуют сиятельно
 В лучах наискосок,
 Как чествуют внимательно
 То бабочек, то блох.

Какие сети пышные
 Сплели здесь пауки,

И глядячи с презрением
 На сей лихой измор,
 Гражданским возмущением
 Пылает мухомор.

24 октября 2006 г.

г. Алматы.

Четыре рассказа

Убийство

Если бы в давние времена босоногому ледящему русоволосому замухрышке, гордо носившемуся по округе с запущенным в небо воздушным змеем с цветными хвостиками и уминавшему пшеничный чурек на ходу, сказали бы, что пройдут годы, и у него будет роскошный трёхэтажный особняк на берегу моря, он бы ничуть не удивился. Может, даже, задрал нос, спросил бы, а будет ли у него и персональный самолёт.

Откуда в нём эта гордыня, это тщеславие — никто не мог взять в толк.

Учился он в школе неплохо, и драчуном, забиякой не был. Но все хотели, чтоб он поскорее окончил школу, поступил бы в вуз или же зацепился в Баку за путное дело, чтобы уже не возвращаться в село.

Его мать умерла при родах. Многие думали, что и младенец погиб. Но тёмный комочек мяса, который отставила в сторону метавшаяся возле роженицы акушерка, со страху ли, с тревоги ли потерявшая голову, — так вот, этот комочек вдруг возьми и заори, да так, что в роддоме все обомлели, и даже угасавшая роженица вроде вздрогнула, открыла глаза и отдала Богу душу.

Азиза

Алигимет кызы

ЛАЛАЕВА

родилась в 1986 году в г. Нахичевани Азербайджанской Республики. Студентка Бакинского государственного университета (факультет философии).

С 2002 года активно занимается литературным творчеством и журналистикой. В том же году опубликован её первый рассказ под названием “Красный свет”. В 2002 году на конкурсе “Юные журналисты республики” шестнадцатилетняя Азиза удостоилась первой премии.

В 2004 году получила Гран-при на конкурсе ЮНИСЕФ “Позаботимся о каждом ребёнке”. В том же году издана её первая книга “Письмо”.

В 2005 году рассказ Азизы Лалаевой “В нетрезвом состоянии” опубликован на узбекском языке в молодёжном журнале Узбекистана. С 2005 года молодая писательница возглавляет республиканскую молодёжную организацию “Талант”.

В том же году она становится членом Союза писателей и членом Союза журналистов Азербайджана. Имя Азизы Лалаевой вошло в Молодёжную энциклопедию Азербайджана.

В 2005 году за активную творческую деятельность она получила первую премию Министерства молодёжи и спорта в номинации “Лучший прозаик года”. По её сценарию снимается художественный фильм “Дорога”.

С 2006 года Азиза Лалаева член парламента молодёжи Азербайджана.

В ноябре 2006 года она была участницей международного фестиваля творческой молодёжи “Шабыт” (“Вдохновение”), ежегодно проводимого в столице Казахстана Астане, и получила звание лауреата и медаль в номинации “Проза”.

Все в селе от мала до велика знали про этот случай. Ещё не вышли сороковины после родов, ещё не умолкли эти разговоры, как привезли в село тело погибшего отца, — одни говорили, в райцентре машина задавила, другие — что нашли труп на сельской дороге, отвезли в морг, кто-то узнал, откуда покойник, вот и доставили в село. А по сути, до сих пор никто толком не знает, чей труп привезли в деревянном ящике, и вообще был ли чей-то труп в нём...

Когда встал вопрос, кому призреть сорокадневного младенца, все отстранились, родня предложила отвезти кроху в Баку, сдать в сиротский приют, но тут вышла вперёд женщина по имени Семая и молча забрав запелёнаного младенца из рук его дядиной жены, повернулась и направилась прочь. Провожавшим её вопрошающим взорам бросила:

— У меня ни мужа, ни брата, ни свата. Может, этот малыш опорой мне станет...

Но этот сирота не стал опорой ни пригревшей, вскормившей, взрастившей его доброй Семае, ни кровным родичам, хотя выбился в люди, заполучил власть. Окончил школу — умотал в Баку, и поминай как звали. Никто не понял причины этого беспамятства. Семая с горечью обмолвилась, но прилюдно на эту тему распространяться не стала:

— Как ни корми волка — он всё в лес смотрит... Бывает чадо — отца родного не пощадит ради злата-серебра... Бывает — и мать родную не признает... — потом дрожащим голосом добавила: — Видно, так судил Аллах...

И люди поняли, что Семая хоть и не кается за своё добро, а судьбой своей не довольна. Потому предпочли помалкивать, не говорили ни худого, ни хорошего.

Когда, по прошествии лет, его портреты стали видеть на телеэкране, в газетах, опять же не стали ворошить прошлое, перемывать косточки бывшему земляку. И Семая уже покинула бренный мир. Но никто не ведал о горе, которое она унесла с собой в могилу.

А её выкормыш шёл в гору, продвигался всё выше и выше. Женился. Породился со знатной семьёй — и все двери на свете раскрылись перед ним. Но, увы, семейной идиллии не получилось, ни жена, ни дети, ни новые родичи так и не прониклись любовью к выскочке, некогда носившемуся по селу с бумажным хвостатым змеем и краюхой пшеничного хлеба. Никто не смог полюбить его.

Когда его жена вместе с сыном уехала за границу на постоянное жительство, он был огорошен: почему никто не сказал ему об этом ни слова, почему не посоветовались, не посчитались с ним? Этот вопрос так и остался загадкой для него. Потом он махнул на всё рукой. Вычеркнул из памяти, как если бы этой семьи и не было в его жизни.

“Ну их всех к чёрту! У меня дом, достаток... До конца дней хватит...”.

Так он размышлял, созерцая рассветное море с балкона своего трёхэтажного особняка. Занятый этими мыслями, он почувствовал, что его знобит. Подумал: простыл. Прохладное дуновение с моря обвело лицо, а его прошибал пот. Дрожь пробирала тело, уже и зуб на зуб не попадал.

“Какого рожна я думаю об этом? Зачем ворошу память? Всё ещё впереди... Приди, утро!”.

Мысли его прервало удушье. Ему не хватало воздуха. Здесь, на приволье, в десятках шагов от моря.

“Может, давление подскочило?”.

Сунув ноги в шлёпанцы, вернулся в комнату, по винтовой лестнице спустился на второй этаж, вошёл в спальню. Развевающаяся на сквозняке белая тюлевая занавеска обвила его, повергнув в страшное смятение. Он резко пытался отстранить занавеску, но ещё больше запутался в ней. Что за чертовщина, что за тревога? Он рванул с себя и отшвырнул занавеску.

Вышел на балкон. Удушье не отпускало. С моря доносился странный гул. Ветра не было, волн не видать. Откуда этот гул?

Он закрыл дверь из спальни на балкон, захлопнул окна, обычно распахнутые, словно пытался отгородиться от охватившего его страха.

Решил прилечь, снял покрывало с постели, но замешкался — ему показалось, что, если ляжет в постель, то канет в беспробудный сон...

Почудилось, что в комнате есть кто-то, кроме него.

“Кто?” — хотел было вскричать, но из горла изошёл хрип.

... Нет, больше я не могу писать. Рука дрожит. Я слышу, как колотится сердце. “Он смежил глаза. Будто уснул. Умер...”.

Написав эти три фразы, останавливаюсь. Это же убийство! Я убила его! Убила человека, который и своим появлением на свет принёс смерть. Не представляю, как он выглядит в эти минуты.

Знаю только, что это была для него очень дешёвая смерть.

А по сути, это было настоящее убийство.

Это я убила его...

Руки мои дрожат...

Дорога

Господи, как так мы очутились на этой дороге? Я впервые вижу такую дорогу. Ни края, ни конца ей. Куда она ведёт? Может, это площадь? Нет, дорога, — постепенно сужается, а затем расширяется вновь. Никто не ведает, откуда мы попали на эту дорогу.

Кто-то в очках предостерегает:

— Смотрите внимательно под ноги.

Другой продвигается, обходя ухабы и рытвины. А идущий позади всё считает, считает, произнося цифры. Что он считает?

Ага, впереди, кажется, тропинки.

— Пойдём по этой? — предлагает кто-то.

— Ты спятил, что ли? — огрызается другой. — Мы только вышли на столбовую дорогу, а ты предлагаешь свернуть на тропинку?

Господи, помилуй! Разве с такими людьми можно одолеть путь?

А вот, гляди, как спокойно идёт та женщина с ребёнком. Устанет малышка от ходьбы, — берёт на руки, а напоследок — взваливает себе на спину...

— Почему никто не поможет ей? — спрашивает другая у спутницы.

— Эх, чужак-человек, каждый о себе печётся, своих забот хватает, не до неё...

— А что это за песня? Кто поёт? И как жалобно...

— Да какая тебе ещё песня в этой толчее... Ты всмотришься, вот там, впереди всех нищий бредёт, плачет. А ты — “поёт”?! Странные вы люди, ей-Богу.

Но кто такую массу людей привёл на эту дорогу? Куда движутся эти толпы? Ведь будут и дожди, и холода. Зима же не за горами. Вот уже и туман наплывает. Туман ли? Или пыль клубится? Ни зги не разглядишь в этом мороке.

Господи, и зачем ты людей подвергаешь такой пытке? И без того ведь изнемогли, из сил выбились!

А на этого глянь, ради Бога! Пузо выпятил на два метра впереди себя. И за корзину свою держится обеими руками, тащит, хоть и тяжела, не оставит. То и дело достаёт из неё что-то и — в карман. А после извлекает из кармана и пихает в рот. Ему кажется, никто не видит его ловки.

И как такому пузатому под ноги глядеть? Ведь обзор-то закрыт. Нет, похоже, у него и ноги зрячие. Идёт ровненько, прямёхонько, аккуратненько обходя колдобины, — будто дорогу наизусть только он единственный знает. Но не дай Бог, если угодит в рытвину. А их, ухабов, не счесть.

Ребёнок, кажется, заметил, как пузатый украдкой уплетает свои припасы. Молча приникает к матери, проглатывая слюну. Ясно чувствуется, слюнки текут. Но малыш молчит.

Вдруг туманную пелену пробивает свет. Люди, вскинув головы, взирают на небо. Нет, солнца не видать. На землю опустилось солнце, кажется.

Но ведь не время заката.

Так что же это?

Не свет, а Солнце.

Солнце снизошло на Землю!

Глаза матери, вот уже столько времени возившейся с малышом, неся его то на руках, то на спине, — эти глаза светились радостью. Вот она поставила ребёнка на землю. Перевела дух.

Малыш будто и сам хотел “приземлиться” — рванул бегом вперёд.

Ей-Богу, Солнце снизошло на землю. И ему, видно, надоело томиться в небе. Недавний туман ли, пыль ли рассеивается, уходит прочь.

Шаги людей убыстряются.

От солнца рябит в глазах, но это не беда, люди уже могут смотреть под ноги и прозревать дорогу, по которой идут.

Долгую, нескончаемую дорогу к Солнцу.

Они знают, куда держать путь.

Впереди шествует малыш.

Он уже не одинок.

Его бегом догоняют другие дети...

Масло

Накрыв стол к завтраку, Назлы хотела было заварить чай, как её опять стошнило, спазмы подступили к горлу. Крепко зажав углом платка рот, кинулась в ванную. Попыталась вырвать, но вытолкнуть что-либо из пустого желудка не смогла... Поднатужившись раз-другой, обрызгала лицо прохладной водой из крана. Подумала: сегодня обязательно пойду к врачу, пусть обследует, что да как.

При виде Рамиза у дверей ванной удивилась:

— Ой! Что ты встал так рано?

Рамиз раскрыл заспанные глаза со слипшимися ресницами.

— На твоё кряхтенье проснулся! Похоже, ты крепко простыла.

— Я тебе всё твержу — не от простуды это. Вчера дочь Сальби, соседки нашей, банки мне поставила. Ни одна не пристала. Дурдана обхохоталась.

— Тогда с чего ты так рыгаешь-икаешь?

— Тошнит.. Всё из-за масла... Мы же варим пищу на такой дряни... не приведи Аллах... Вот Сальби говорит — если готовит не на сливочном — тотчас же у неё пучит желудок. Вот и у меня, похоже... из-за масла...

— Не глупи, — проворчал Рамиз. И добавил громче: — Давай выходи. Дай мне умыться. Опаздываю на работу.

Она молча прошла на кухню. Хотела подогреть на плите пару ломтиков вчерашнего чёрного хлеба — горячий хлеб с сыром под сладкий чай — самый смак.

Рамиз же, умывшись в ванной, в сердцах досадовал на соседку, вбившую в голову Назлы эту чушь насчёт масла. Да кто сейчас готовит пищу на сливочном?! Вон и телевидение уши прожужжало: мол, на растительном — полезнее. “Верно говорят, сосед соседу рознь... Вот ещё, сливочное масло! А на какие шиши? С моей-то зарплатой?”.

Прошёл на кухню, сел, помешал ложкой чай. “Я уже помешала”, — напомнила Назлы. Обычно Рамиз отзывался с улыбкой: “Пусть ещё слаще будет”. Но сегодня отмолчался: его мысли занимало сливочное масло.

Едва он вышел за порог, как в ноздри ударил густой запах жареного мяса из квартиры Сальби. Быстро закрыл за собой дверь — чтоб запах не вторгся в его жильё. Но было поздно. До него донеслись сдавленные звуки из ванной...

Спустившись по лестнице, он вышел из подъезда. По обыкновению, он оглядывался на балкон, но сейчас подумал, что Назлы не до этого. Однако, кажется, кто-то окликнул его. Вскинул голову и, увидев улыбающуюся жену, воспрянул духом. Усмехнулся: “Валлах, сегодня всё заработанное угрожаю на сливочное масло”.

... Рамиз бережно нёс синий пакет со сливочным маслом, поднимая руку чуть ли не до уровня плеч, как будто нёс нечто хрупкое. За ним опять плелась лопухая дворняга, ежедневно сопровождавшая его от магазина до дома. Рамиз всегда подкидывал ей что-нибудь из съестного, вот и теперь собака ждала поживы. Но её не последовало, и дворняга не отставала. Он невзначай поднял голову и, увидев на балконе жену, улыбнулся. Это была торжествующая улыбка. “Ага, кажется, у тебя дела пошли на лад!” — хотел крикнуть ей, но не решился, так как заметил у парадной двери соседку Сальби, поджидавшую кого-то с сияющим лицом. Похоже, что дожидалась именно его. И он мстительно подумал: “Если опять заикнётся про масло, ткну ей в глаза... посмотрим, что теперь скажет...”.

Но глаза у Сальби прямо-таки источали лучезарный свет.

Стоит у дверей, как Арабзанги.¹

— А... похоже, сливочное масло купил? С тебя причитается магарыч! У твоей жены проблема не из-за масла. Дурдана отвела её сегодня

¹ Арабзанги — персонаж оперы “Шах Исмаил”.

к врачу. У тебя будет сын. — Сальби сообщила эту новость шёпотом, а ему показалось, прокричала, как на учениях в армии, когда объявляли сигнал тревоги: “Воздух!”.

В ушах зазвенело. Голова закружилась. Шагнул к лестнице, а нога провалилась в пустоту. Теряя равновесие и держа в одной руке пакет с маслом, он хотел подставить другую, но... пакет выпал и моментально стал добычей преследовавшей его дворняжки, рванувшей прочь. Рамиз хотел приподняться, но тут грохнулась и Сальби, пытавшаяся догнать собаку.

На шум высыпали соседи. Рамиз как шмякнулся, так и лежал пластом. Он и не спешил подняться. Назлы, с балкона видевшая происходящее, покатывалась со смеху. Сбежавшиеся на крик Сальби соседи не могли поднять её. Кто говорил — ногу сломала, кто предполагал перелом руки.

А отбежавшая лопухая дворняга смачно облизывала сливочное масло...

Свет

Прозвенел будильник. Но она и без того не спала. Просто дожидалась звонка. Вот и звонок. Пора вставать. Выпростала из-под одеяла руку. По телу пробежал лёгкий озноб. Опустив ладонь на глаза, сделала глубокий вдох-выдох. Вспомнился ей отец, — будь он рядом, сказал бы сердобольно-участливо: “Да переймут твои вздохи горы, доченька”. Но теперь отца нет, и не от кого ей было ждать такие слова.

Вспомнился вчерашний парень, сидевший рядом с ней в автобусе и с кем-то переговаривавшийся по мобильнику. В его голосе был какой-то удивительный тембр. Не видя его лица, она чувствовала, что её случайный попутчик — человек ухоженный, холёный, с некоторым гонором. Кажется, и позавчера этот парень ехал с ней в одном автобусе. По голосу узнала. И голос напомнил ей очень близкого человека.

— Позвольте пройти... — когда парень протиснулся к проходу, её обдал запах не очень дорогих духов...

Зазвонивший телефон прервал мысли. Ей было неохота брать трубку. Сумрак, объявивший её, будто увлекал куда-то в далёкую даль.

Телефон, прозвонив несколько раз, умолк. Кто это мог быть? Да кому ещё быть, кроме сокурсницы Хавер... Или... кто? Нет, Хавер не стала бы в такую рань звонить.

Она уже и сожалела: “Зря не подняла трубку...”.

Ах, как уютно было в тёплой постели под одеялом. Ни о чём не хотелось думать.

— Уже поздно, Наргиля... — почудился ей тёплый, но властный голос отца.

Голос, похожий на вчерашнего парня в автобусе.

Нет, в голосе отца всегда сквозила ласка. Бесконечная ласка — больше ни у кого на свете не было такого голоса. И она не перепутает этот голос ни с чьим другим.

— Позвольте пройти... — это был вчерашний голос. Чуть похожий на голос отца. Чуть-чуть.

Улыбнувшись, накрылась с головой одеялом, запрятав руки. По телу разлилась истома, руки отогрелись, и щёки, и шея. О, Боже, как ей было

уютно и покойно. Давно ей не было так легко и безмятежно. Обычно голова была занята всякими неуследимыми мыслями. Особенно, когда оставалась наедине с собой. Лежала без движения, предаваясь потоку сменяющихся с молниеносной скоростью видений памяти. Вспоминала отца, маму, полные жизни дни родного очага, всплывали весёлые голоса гостей, смех, хохот, звон посуды, шум застолий, кто пел, кто пускался в пляс.

Позвонили в дверь. Настойчивый, долгий звонок.

— Не буду открывать... Кто бы ни был... Надоест — уйдёт.

Не хотелось даже голову высунуть из-под одеяла.

Но, похоже, звонивший у дверей не собирался сдаваться.

Может, молочница? Банку ей вчера не вернула. Наверно, за банкой явилась. Не отстанет.

Губы её тронула улыбка.

— Да пусть трезвонит, сколько хочет..

Её разбирал смех. И она залилась хохотом, звонок не умолкал.

Но вдруг настала тишина. Безмолвие объяло всё вокруг. Оглушительная тишина. Ей стало не по себе. Ей показалось — ещё немного полежи она вот так, под одеялом, и тьма поглотит её... Она испугалась своих мыслей, нескончаемых мыслей, всегда влекущих её в далёкую даль, в никуда.

Скинула с себя одеяло. Раскрыла глаза: потолок, родное лицо на фотографии над головой, тонкий поток света, струящийся сквозь тюлевую занавеску.

Накинув на плечи халат, поднялась, раздвинула занавеску — и в комнату хлынул свет, лучи солнца дотянулись до её постели.

Боже, почему она до сих пор не замечала эту красоту?

Поспешила в ванную — умыться, причесаться.

Позавтракает и — бегом — на занятия. Впервые в этой спешке стала прикидывать, в какую форму убрать волосы.

... И улыбнулась внезапно промелькнувшей в голове мысли: “Интересно, увидит она в автобусе того самого вчерашнего парня?”.

Комнату заполонил поток света.

*Перевод с азербайджанского
Сиявуша МАМЕДЗАДЕ.*

Чингисхан

Поэма

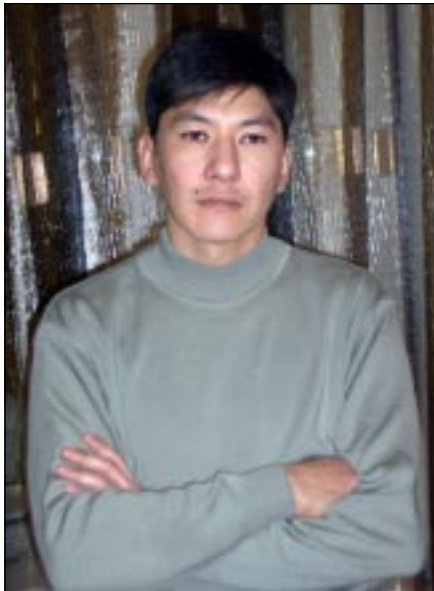
**Посвящается 800-летию образования
Великой Монгольской империи**

Скучая в двадцать первом веке,
Я для прочтения взял роман
О необычном человеке,
Что грозно звался Чингисхан.

Закрыв я книгу ночью поздней
И, выйдя на пустой балкон,
Наедине я слушал звёзды,
Свидетелей былых времён.

А звёзды к разговору звали
Про позабытые миры,
Во тьме они напоминали
Монгольских воинов костры.

И было ль это в кратком сне,
Или в игре воображенья:
Гигантский всадник на коне
Возник на небе без движенья.

**Габит
Сабитович
ЖИРЕНОВ**

родился 13 мая 1964 года в г. Алма-Ате. В 1981 году окончил среднюю школу с золотой медалью.

В 1986 году окончил механико-математический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, после чего вернулся в Алма-Ату. Работал в КазПТИ, КазГУ, Алматыметрострое.

В 1998-2000 гг. получил второе образование, окончив Евразийский институт рынка по специальности — «Финансы и кредит». С 2000 года постоянно проживает в г. Астане. Работал в Министерстве образования и науки РК, АО «Қазақстан темір жолы», АО «Астана-финанс».

Стихи начал писать в 2003 году. Публикуется впервые.

Он возвышался надо мной,
А небо вдруг закрыли тучи,
И в тишине предгрозовой
Услышал голос я могучий:

1

“В Монголии ударил гром,
И степь наполнил шёпот капель,
Передавая весть о том:
Пришёл Вселенной потрясатель!

Средь зеленеющих равнин
В семье известного нойона
Родился я, их первый сын,
Наследник будущего трона.

Мне имя дали Темуджин
И предрекли мой нрав железный,
Предчувствуя, что властелин
Подарен голубою бездной.

И небо сына берегло
Для высшего предназначенья,
И сказку детства вдаль несло
Онона плавное течение.

Отец в седле сидеть учил,
Его дела пример подали,
Для рода много он свершил,
Но рано горе мы познали.

Погиб отец мой Есугей,
А родичи врагами стали,
И от предательских мечей
Мы, сыновья его, бежали.

Меня от смерти спас Онон,
Сокрыв крутыми берегами,
Там юность, как тяжёлый сон,
Прошла, забытая богами.

Тогда, в преддверии побед,
Я испытал немало бед,
Сквозь голод, боль и униженья
Судьба вела меня к свершеньям.

В ожесточившейся степи
Во дни тяжёлые гонений
Пред испытанием судьбы
Не встал я всё же на колени.

Я верил в сонме горьких дней:
Дела отца добром вернутся,
И слёзы матери моей
Врагам возмездьем обернутся.

В борьбе я путь наверх искал
И, напрягая ум и жилы,
Я по крупицам собирал
Друзей и приближённых силы.

И по прошествии тех лет,
Строптивую судьбу стреножив,
Познал я первый вкус побед,
Могущество своё умножив.

И миг настал мне, наконец,
Тот, что принёс почёт и силу:
Мне небом послан был гонец,
Что некогда призвал Аттилу.

На курултае был мне дан
Верховный титул Чингисхан.
Подлунный мир, забудь покой,
Я отправляюсь за тобой.

2

Пришли другие времена,
И по примеру кереитов
Мне подчинились племена
Найман, ойротов и меркитов.

И коньраты рядом встали.
И первый я нанёс удар
По тем, что нам название дали,
И племя истребил татар.

Под рвущиеся к небу туги
Стекались воины округи —
Как будто силы всей Вселенной
Вобрали грозные тумены.

И с этой роковой минуты
Взорвался мир соседних стран:
Я стёр с лица земли тангутов,
И пало княжество Турфан.

За кровь хагана Амбагая
Своей ответили сполна
Чжурчжэни и народ Китая,
Не защитила их Стена.

А вслед за ними был Отрар:
Тиски невиданной осады
Удерживали млад и стар,
Увы, не получив награды.

У покорённых древних стен
Мы верных жителей казнили,
А с ними умерли и те,
что в ночь ворота отворили.

Расплавленного серебра глотком
Казнил юнца я Гайир-хана,
Чтоб помнил он на свете том
О разграбленьи каравана.

И город вровень стал с землёй,
Покрытый кровью и золой,
И та жестокость наказания
Врагов повергла в содроганье.

Не выдержал хорезмшах
Монгольских войск свирепый натиск,
Исчез с эмирами в песках,
Но всё же смерть смогла догнать их.

И Самарканд, и Бухара
Не отразили нападения,
И наступила им пора
Войти в монгольские владения.

Звения, летели тучи стрел,
И земли мусульман стонали.
Свершался мира передел,
Все города Хорезма пали.

Отнял я земли правоверных,
Но выбранной дороге верный,
Я взор свой устремил на запад,
Меня манил добычи запах.

И дальше мой приказ повёл
Нойонов Субэдэя с Джэбэ
Туда, где ни один монгол
С Вселенной сотворенья не был.

Они с туменами прошли
По краю голубого моря
И новым племенам несли
Опустошение и горе.

Алан, кипчак и славянин
У Калки бой нойонам дали,
Но посреди родных равнин
Они сраженье проиграли.

И по безбрежию полей
Текли воинственные реки,
Пришли на Русь враги страшней,
Чем половцы и печенеги.

И покорились мне народы
На растянувшиеся годы.
Земля, одна большая рана,
Признала волю Чингисхана.

Жестокий жребий был мне дан,
Он гнал меня из дали в дали,
И я узнал немало стран,
И много стран меня узнали.

Потомкам я своим оставил
Великий свод железных правил
И завещал не прятать лица,
А храбро, беспощадно биться.

Они на запад, дальше, шли
И продолжали путь мой ратный,
До Балтии, где край земли
Им повернул коней обратно.

Отца и деда чтя обычай,
Они стремились за добычей,
И был повсюду слышен стон
Порабощаемых племён.

3

Но возвращался вновь и вновь
Я к разрешенью тайны жгучей:
Не рода ли другого кровь
Течёт по венам сына Джучи?

Зачем взывает он к добру
И просит за врага пощаду,
И равнодушный к серебру,
Он ищет в знаниях отраду?

Он позабыл мои слова:
Победы слабый не достоин,
Что люди — это лишь трава
Тому, кто по рождению воин.

Он не предатель и не трус,
Но слишком любит свой улус
И защищает, словно враг,
Страну степей Дешт-и-Кипчак.

Не оправдать поступок скверный —
В своём улусе он укрылся
И, не сумев быть сыном верным,
На зов отцовский не явился.

И в ярости слепой мгновенье
Пришло ужасное решенье,
И в степь отправился гонец,
Чтоб положить всему конец.

И не вмещает это разум,
Со мной монгольский род скорбит:
Вдали, по моему ж приказу,
Мой сын, мой первенец, убит.

Седая степь, скажи, ты знала ль,
Чем я, суровее отца?
И не убийство ль сына стало
Началом моего конца?

Прошёл я, жизни забирая,
В сердца людей всеяя жуть,
И вот, случайность роковая
Мой прервала кровавый путь.

Нелепый случай на охоте:
Зловещий хищника оскал
Коня спугнул на повороте,
И я, монгол, с коня упал.

Остатки сил в себя вбирая,
Ещё земли держала твердь.
Стонал я, волей побеждая
Ко мне крадущуюся смерть.

Ещё я верил во спасенье,
А предо мной вставали вновь
Опустошённые селенья,
Костры, пожарища и кровь.

И перед краем чёрной бездны,
Жестокий завершая век,
Я понял: я, как все, исчезну,
Что я всего лишь человек.

Мне изменил мой путь высокий,
Мне не достичь уже вершин,
И смерти отодвинуть сроки
Не в силах даже властелин.

Потомков время разбросает,
Как ветер разметает пыль.
Зачем я жил на свете, знают
Лишь звёзды да седой ковыль”.

Прошла гроза, умылись звёзды,
Но долго я не спал в ту ночь.
Я сквозь века увидел слёзы
Того, кому нельзя помочь.

И думал я, зачем так странно
Ко мне явился грозный дух
И горькой речью Чингисхана
Пронзил недремлющий мой слух?

Зачем нас небо сотворило
И для чего дано любить?
Не для того ль в нас эта сила,
Чтоб попытаться разрешить

Загадку вечную природы,
На что даются жизни годы?
Ведь лишь на время нам даны
Короткие о жизни сны.

И если вдруг тебя случайно
На крыльях вознесёт успех,
То помни, есть на свете тайна,
В свой час равняющая всех.

Ушёл во тьму правитель древний,
Отец султановских династий,
К своей звезде дорогой терний,
Но знал ли он покой и счастье?

Звезда сверкнула и погасла,
Стрелой прочертила путь,
Чтоб не пройти его напрасно,
О той легенде не забудь.

Николай ЗАЙЦЕВ

Бесовщина

Повесть

... И этим утром он проснулся, чувствуя недомогание. Нет, ничего не болело, но неприятное напряжение в теле усиливалось душевным беспокойством, исходящим от серого света в окне. Всю ночь, во сне, он проплутал по загадочной стране, где толпы обнажённых женщин дразнили его своим вниманием, но не было ни малейшей возможности уединиться хоть с одной из них. И так, продолжая бродить, он пытался отыскать кого-то, даже припомнил Париса, прекрасную Елену и Троянскую войну. С яблоком, свалившимся ему в руку с ветви раскидистого дерева, он не знал как поступить, вовсе не потому, что некого было одарить райским плодом, а как раз наоборот. Женщины отстранялись от его объятий, отдавая жарким теплом, и исчезали, не давая совершенно приблизиться.

Вконец измученный сновидениями, огорчённый несоответствием сна и действительности, теперь он лежал в постели, не желая узнавать обшарпанные стены и мебель, тягостно воспринимая контрасты обыденности и райских садов, где только что побывал.

С недавних пор уж очень навязчивы эти сны, потусторонняя жизнь, где никакой реальности, сюжеты выдуманы кем-то другим, и почему он должен в этом ночном спектакле участвовать, утром не хотелось понимать. С пробуждением оставалось впечатление, что он действительно бил свои ноги, волочась за всеми этими женщинами, красивыми и не очень, но одинаково влекущими. Больше всего щекотал ноздри возбуждающий аромат женского тела, обещавший наслаждения...

Эти, вначале неожиданные, сны становились привычными и даже, что, собственно, и тревожило, были ожидаемы. Весь день он проводил в мыслях о предстоящих ночных видениях и даже пытался создавать сценарии будущих снов, включая в них свои желания. Сновидения перестали жить отдельно, они вторглись в его мир и поменяли его сущность, виртуальные ночные похождения жили и преследовали его разум, как настоящие

**Николай
Петрович
ЗАЙЦЕВ**

родился 3 декабря 1950 года в г. Талгаре Алматинской области. После окончания средней школы работал в топографической экспедиции, закройщиком на трикотажной фабрике, радиомехаником в телевизионном ателье, мастером по изготовлению очковой оптики. В талгарской газете "Звезда Алатау" публиковал стихи, рассказы, статьи. Печатался в литературных журналах "Простор" и "Нива". Лауреат конкурса "Сорос-Казахстан" 2000 года в номинации проза. В 1993 году в издательстве "Жибек жолы" вышел его поэтический сборник "Талгар", в 2004 г. он выпустил книгу повестей и рассказов "Через прочее", в 2005 — сборник избранных стихов "Вершины Талгара". Живёт в г. Талгаре.

земные впечатления и чувства, очень близкие и радостные. Дневной свет уже не радовал, и жизнь не представляла былого интереса. Ещё недавно увлекательная и плодотворная работа казалась тяжкой подёнщиной, и потому ещё не совсем отлучившийся в ночную тьму разум протестовал против подмены действительности. Всё, баста. Сегодня же, не откладывая, даже если день будет самым светлым в этой жизни и по дороге ему будут улыбаться самые красивые женщины, он посетит психиатра, расскажет содержание своих снов и доверит всю неразбериху в голове и тьму в душе, возникающую поутру, после просмотра видений. Пусть его укутут в психушку, это, может быть, тоже выход из маяты, хоть какая-то ясность...

А из чего, собственно, выход? Из неясности снов и размягчённого осознания действительности? Слабости мыслей наяву? Чёрт знает, какой-то бред! Вот с этой всей чертовщиной он и отправится к врачу.

Доктор принял его, сидя на столе, дурашливо улыбнулся, спросил:

— С чем пожаловали?

— Кажется, я начинаю сходить с ума, — заявил Иван, поморщившись.

— Обычно так не говорят, — врач почесал округлую плешь промеж длинных, “горшком” стриженных волос.

— А как говорят?

— О, порой такое говорят, что только должность не пускает присоединиться к их миру. Это очень заманчиво — навсегда распрощаться с нашим дурацким существованием и стать свободным в достижении вершины безумства, в желании моментального перевоплощения в свою мечту, в того кумира, похожим на которого ты всегда хотел быть, и только прояснение сознания, сбросившего путы разума, шелуху запретов, в одночасье разрешило твою проблему. Ты и есть он, и всегда им был, только надо было об этом заявить. Во весь голос, и пусть тебя считают сумасшедшим, но ты теперь тот, кто есть на самом деле. А вы говорите — “схож с ума”. Стать безумным непросто. А вы как думали? Увидеть во сне райский сад, вовсе не значит в него войти. Вот когда вы поселитесь в нём, и женщины, живущие в этом саду, станут принадлежать вам, тогда вы просто не пойдёте к нам, а останетесь навсегда в том, снящемся вам, раю. Почему вы пришли к нам? Потому что не можете достичь полноты блаженства, манящего видениями, но исчезающего утром. Досадно, и оттого вы страдаете. И я ничем не могу вам помочь, нет средств, которые избавили бы от страданий. Вернуть душевный непокой можно, а вот уберечь от этого — увы. Наркотики, алкоголь — всё это временное безумие, оно лишь усиливает страдания в будущем. Парадокс, но пока человек изнуряет свою душу и тело страданиями — он не считается сумасшедшим, а когда освобождается от нужды в покаянии — становится безумным. Запомните, молодой человек, к нам приходят только нормальные люди, сумасшедших мы находим сами. Счастливые не желают лечиться и протестуют, когда их пытаются вернуть к опостылевшей им разумной жизни. Я не помню случая, чтоб хотя бы один счастливый безумец заявил мне о своём сумасшествии. Ступайте домой и найдите себе занятие, влюбитесь, работайте день и ночь, изучайте метод голоданий и похудений, купите машину и ремонтируйте её каждый день, не давайте своему разуму отлучаться и заглядывать в виртуальное пространство... Приходите к нам, в конце концов, чтобы лишний раз убедиться в своей маленькой человеческой нормальности, такой нудной и бесполезной.

Иван вышел из клиники и оглянулся на вывеску. Нет, действительно, больница. Но с кем же он разговаривал? Врачи такого не говорят.. Он вернулся, вошёл в тот самый кабинет, но доктора, с которым только что беседовал, не было, а за столом сидел старичок, с остренькой бородкой, востроглазый и весь игольчатый, как ёж.

— А где тот, другой врач? Он только сейчас был здесь вместо вас? — спросил Иван.

— Он уже ушёл, — старичок ревниво поджал губу. — А зачем он вам? Пациентов принимаю я.

— А он кто будет? — добивался ясности Иван.

— Консультант по вопросам несовершенства восприятия человеческим сознанием причин его просветления, именуемого в медицине сумасшествием, — мудрёно ответил старичок и, сунув два пальца в рот, свистнул.

Появилась медсестра и вопросительно посмотрела на доктора.

— Возьмите у него анализы жизнедеятельности головного мозга, — велел ей доктор.

— Зачем? — воспротивился Иван. — Я ведь только спросил о враче, с которым недавно беседовал.

— Да, но мы всегда поступаем так, если пациент после беседы с консультантом начинает вновь искать встречи с ним. Это наш метод.

— Но я смогу потом встретиться с вашим консультантом? — настаивал Иван.

— Да, но, возможно, для этого придётся остаться у нас. Не совсем у нас, но в мире, куда имеют доступ только посвящённые, а это вам не за бабами по ночам гоняться.

— Почему вы так со мной разговариваете? Я же просто зашёл убедиться, что здоров и способен жить среди людей. Мне показалось, что мы не договорили с консультантом о чём-то важном, потому и вернулся, а вы тут ерунду несёте и какие-то анализы брать собираетесь. И откуда вам известны мои сны?

— Работа у меня такая. А вернулись вы сюда, чтоб убедиться: был ли вообще этот доктор и то ли он вам внушал. Может, был, может, нет, но ведь вы вернулись за этим знанием? И сны не только вы видите, их всем кто-то показывает. Они, эти сны, не только ваша тайна, а общая — вселенская. Вот мы и хотим позволить вам разгадать вашу же тайну. Сдайте анализы, и мы будем знать, что вам нужно.

— Какие анализы? Какого чёрта вы лезете ко мне с вашими позволениями, я не нуждаюсь в них. Спасибо за вашу болтовню, которая всё равно ничего не проясняет. Пойду домой, попью чаю, но не дадите ли мне чего-нибудь успокоительного, после ваших слов у меня и вправду возникает ощущение, что я действительно схожу с ума, — взволновался Иван.

— Вы с этим сюда и пришли, чего же теперь уходить? Начнём разговор с начала или сдадим анализы? — доктор зачем-то подмигнул.

— Нет, уж лучше я пойду. С вами недалеко и до греха, — Иван поднялся.

— Какого греха? Убить меня хотите? Пистолет вам подать или ножичком обойдёте, уважаемый Иван Карлович? — доктор пододвинул скальпель к краю стола.

— Вы тут рехнулись все, что ли? К вам за помощью приходишь, а вы к смертоубийству принуждаете. Это больница или психушка? — бормотал, пятясь к двери, Иван.

— А вы куда шли, неужели не помните? Рехнулись мы давно и бесповоротно, и не надо нам напоминать об этом скорбном событии, сами знаем и про вас хотим узнать. Прошу пройти в процедурный кабинет для сдачи анализов, — упорствовал доктор.

— Нет уж. Лучше я пойду, разговор с вами ничего хорошего мне не сулит, — Иван повернулся и двинулся к двери.

— Не хотите слушать нас, будем слушать тебя, милейший Иван Карлович, — услышал он за спиной обиженный голос старичка, а у двери будто из-под земли выросли двое дюжих санитаров. Они подхватили его под руки и потащили в соседнюю комнату, усадили в кресло, защёлкнули стальные зажимы на руках и ногах, надели на голову прозрачного материала аппарат, напоминающий шлем. Иван пытался кричать, но голос пропал, потом исчезло изображение предметов и возникло ощущение плена.

... Перед ним лежал просёлок, ведущий неизвестно куда по жёлтой неприветливой земле. Жёсткая стерня топорщилась вдоль этой дороги клочками, торчали ветви мёртвых деревьев, разбросанных по всему долу, тянувшемуся к далёкой горе. Свет, исходящий от невидимого источника на вершине горы, указывал направление движения, по сторонам же сумрак густел и самой мрачностью своей как будто подталкивал на единственный путь, которому и суждено состояться. Иван уже двигался туда, к свету, не сомневаясь в правильности выбранного направления. Оно ему было предназначено с самого начала пути. Другое дело, что не было ясности: сам ли он или кто-то другой, отделившийся от него, бредёт покорно по высохшей, но совсем не пыльной дороге. То, что он — Иван, он знал достоверно, остальное утонуло во мраке, который начинался сразу за его спиной и, казалось, вытолкнул его тело из себя. Про то, как долго он шёл, не ведало даже само остановившееся время. С вершины лысого холма, будто сложенного из сыпучего песка, скреплённого жёлтой глиной и казавшегося горой только издали, он увидел у края склона высокие городские ворота, дома за ними и тёмную ленту реки, делившую город на две части и терявшуюся в серых, безжизненных сопках, во множестве своём скопившихся у горизонта.

Он вошёл в город и тут понял, зачем пришёл сюда. Надо найти консультанта, он должен быть здесь, со всеми ответами на уже заданные и ещё только возникшие вопросы. А вот идёт человек в тёмной одежде, хотя в этом нависшем над городом сумраке всё кажется серым. У него и надо спросить про консультанта. Плохо, что он не помнит его лица, а только дурацкую улыбку и плешь, но непременно узнает, как только увидит... Сумрак разомкнулся и открыл лицо человека при бороде и усах, с пустым, неживым взглядом совершенно нелюбопытных глаз, где остановился давешний свет другого, утраченного мира, оставленного, но ещё не совсем забытого.

— Скажите, что это за город? — спросил Иван.

— Здесь живут люди и даже есть постели, где они спят, — не глядя на него, ответил человек.

— А не знаете ли вы доктора, консультанта?

— Знаю. Вчера его видели на бегах, он опять выиграл большие деньги и теперь, наверное, кутит по кабакам.

— Мне бы хотелось его увидеть.

— Все хотят встречи с ним, и даже очень, но он всегда занят и принимает только по пятницам.

— А сегодня какой день?

— Не знаю, может, понедельник, а может, и пятница. Если вы пришли сегодня, значит, вторник. Сюда приходят по вторникам, но случается это очень редко, долгое время казалось, что уже все пришли, кому было нужно, но вот я вижу вас и даже немного рад этому, но не за вас, потому что до пятницы очень много времени, оно может двигаться — и тогда будет пятница, а может стоять — и тогда не наступит даже четверг. Впрочем, всё это неважно. В любом случае место, где принимает консультант, неизвестно. По телевизору и в газетах объявляют, что каждую пятницу бывает приём граждан, но адреса не пишут.

— Но вы сами-то его видите?

— Каждый день он читает с экрана телевизора лекции о строении коры головного мозга, но принимает только в пятницу.

— Подскажите тогда, где можно снять комнату, чтобы дожидаться пятницы.

— Можно и комнату, но там уже живёт человек, и у него нет зубов и он очень этим недоволен. Ему нужно пережёвывать пищу, а питается он четыре раза в день, ест дерьмо, соблюдая какую-то необычную диету. Иногда он делается злым и может убить и уже убил двух человек.

— Почему его не посадят в тюрьму? Убивать людей — это же преступление!

— У нас нет тюрьмы и нет суда, есть только Консультант, и он принимает по пятницам.

— Но кто же мешают тому злодею жевать своё дерьмо, не убивая при этом людей?

— У него нет зубов, и жевать должны за него другие.

— Но почему он только это ест, что, больше здесь ничего съестного нет?

— Заявку подал на изобретение вечного двигателя. Так вот этим “перпетуум-мобиле” должен стать он сам. Но неувязка вышла в расчётах: если он использует свои, личные испражнения — без сомнения, налицо вечный двигатель, а если пытается разнообразить своё меню чужим, пусть даже отработанным сырьём, тогда считается ли это самостоятельным изобретением? Пока идут дискуссии на эту тему, он пытается научно доказать, что отработанное сырьё не является топливной базой, а лишь отходами её и не может считаться новой жизненной энергией, получаемой вечным двигателем. Попросту, не хватает ему своего дерьма и он пытается привлечь постороннюю дешёвую энергию, обосновать её незначимость в мировом масштабе запасов сырья, чтобы получить патент на своё изобретение. Конечно, сама перспектива этого проекта сомнительна, но если найдутся последователи превращения самих себя в вечный двигатель, может произойти, буквально, смещение центров самих непреходящих человеческих ценностей. Немного, согласитесь, непривычно будет видеть, что мелкие человеческие распри, глобальные войны и даже спекуляции валютными ценностями будут иметь цель отхватить себе лишнюю долю этого самого дерьма. И, поверьте мне, вскоре найдутся его разновидности — дешёвое, дорогое и деликатесные формы этих образований украсят столы новоявленных гурманов. А гурманы найдутся, как находятся везде — в

еде, политике, искусстве — и любовании этими их изысками есть не что иное, как поедание дерьма. Пока мы делаем то, что нам не нравится, следуя лжепророкам, нам всегда найдётся кому подать дерьмо, приправить, похвалить и превратить мерзкое угощение в хлеб насущный. Опасно не само изобретение, а его использование людьми, убеждёнными в полезности такого “перпетуум-мобиле” для всех жителей планеты. Но ещё один факт может повредить проекту.

Он использует наёмный труд, улучшая качество потребляемого топлива за счёт пережёвывания дерьма чужими зубами (за неимением своих) и представляет в пользование желающим делать эту работу — квартиру, в счёт оплаты за нелёгкую и непривычную подёнщину. Он требует молчаливого согласия на предложенное участие в своём необычном проекте. Никто не должен прознать процесс, предвещающий получение энергии. Потому он убивает несогласных и могущих рассказать о своём рабстве, в угоду его амбициям. Всё в этой жизни, по его замыслу, должно быть подчинено одному закону: дерьмо — потребитель — дерьмо, и никаких отклонений.

— Тут я ему не помощник, — отверг Иван перспективу превращения в машину по обогащению топлива для подпитки вечного двигателя. — Больше никто, кроме этого изобретателя, не сдаёт комнаты?

— Можно остановиться у меня, но в комнате всего одна кровать. Есть, правда, диван, но без ножек, очень низкий и слышно, как на первом этаже плачет старушка.

— Пусть себе плачет, я остановлюсь у вас, — сразу же согласился Иван.

— Тогда пойдёмте, это недалеко, — человек повернулся и пошёл между однообразными, в сумерках, двухэтажными домами.

У одного из таких домов вожатый остановился, пошарив в кармане, отворил ключом парадную дверь и они вошли в хорошо освещённый, на удивление, подъезд. Поднялись на этаж и вошли в незапертую дверь комнаты, широкой и очень светлой, хотя никаких приборов, освещающих жилище, видно не было, там находилась кровать, без одеял и подушек, и только полосатый матрац покрывал лежбище здешнего жильца. В центре помещения стоял стол с кипой писчей бумаги на нём и два стула, массивных и, видимо, очень тяжёлых, а у окна, повернутый на бок, стоял, прислонённый к стене, тот самый диван, без ножек. На окне, забранном толстыми прутьями решётки, прямо из подоконника рос цветок белой хризантемы. Больше в комнате ничего не бросалось в глаза, и только потолок держал под собой несуразно громадную люстру, без лампочек.

— Для чего такие массивные решётки, от воров? — поинтересовался Иван.

— Нет. От сумрака, чтобы он не проник в дом, а воров у нас нет — красть нечего. Есть, конечно, богатые люди, у них много комнат, но кровать у всех только одна и много сундуков с золотом, но они очень тяжёлые и стащить их никому не под силу. Вы располагайтесь, поверните диван, ложитесь, можете взять мой матрац, всё равно я никогда не сплю.

— Чем же вы занимаетесь по ночам? — рассеянно спросил гость.

— Пишу, — хозяин указал на кипу бумаги.

— А можно будет что-нибудь прочесть?

— Читайте. Только не надо рецензий. Обсуждают плохие книги, хорошие просто читают, — присел у стола хозяин и подвинул бумаги в сторону гостя.

Иван взял первый же лист, но он был абсолютно чист, второй — тоже, и третий, и ещё...

— А где же написанное вами? — не понял он.

— Там, — указал на листы хозяин. — Ночью я пишу, а утром всё написанное мной исчезает, но я продолжаю работать, и каждую ночь вся бумага покрывается моими записями, и когда произойдёт моя встреча с Консультантом, у меня будет закончена основная часть моей книги.

— О чём же ваше будущее произведение? — задал всегдашний вопрос Иван.

— Оно о том, чего здесь не хватает, о диванных ножках, например. Вы слышали что-нибудь про диваны, у которых есть ножки? Они, наверное, очень красивы. Я хочу описать их поразительную красоту. Может быть, мне это плохо удаётся, и потому листы бумаги чисты. Ведь я никогда не видел диванов на ножках, — огорчённый этим, писатель уже присел к столу.

— А где живёт старуха, что плачет по ночам? — не слыша посторонних звуков, спросил Иван.

— Она начнёт плакать, когда вы уляжетесь, а живёт старая карга этажом ниже, но я её никогда не видел.

— Почём же вы знаете, что это старуха?

— Потому, как больше некому, — уверенно ответил хозяин. — Укладывайтесь, после трудного дня нужно отдохнуть, а я начну работать.

Иван развернул диван и присел с краю. Он очень устал, но, кроме усталости, в нём появилось раздражение, непокой мыслей от перехода из сумрака дороги, города в свет комнаты. От неправильного освещения улиц и домов возникло боязливое чувство недопонимания чего-то, и другим мыслям было неоткуда взяться — воспоминания исчезли, а новые впечатления первых встреч напрочь испорчены ярким светом, без всяких его источников. Громадина люстры, совершенно bestолово висящая под потолком, без ламп и свечей, не давала ему возможности успокоиться, он видел в ней, в её безобразности, насмешку над его верой, что свет должен иметь светило, но люстра странным образом становилась похожей, в его глазах, на виселицу, на которую был повешен свет комнаты, едва достигавший дивана. Но уже под диваном было темно, он заметил это, когда перевёртывал свою будущую постель. Перевёрнутым диваном накрыло тьму и, наверное, там жила плачущая старуха, а не этажом ниже, как объяснял писатель. Под диваном скрывалось многое, на улице жил сумрак, в доме — свет, и только под диваном находилась тьма, и там, должно быть, скрывалась не только старуха, но и ещё много интересного, о чём не хочет рассказать писатель. И Консультант тоже прячется там, и пятница — дни его приёма — сразу после четверга сбежит туда же, чтобы никто не мог встретиться с боссом, потому что сразу наступит суббота, а это выходной день, и никто работать не будет. Надо дожидаться утра и подсмотреть, останется тьма на месте или исчезнет вместе с пятницей и Консультантом и разузнать, почему люстра держит на себе свет и не падает от его тяжести.

Он прилёг на диван без ножек, без матраца, сказала детская боязнь всего сине-полосатого, оно напоминало море, где он однажды едва не утонул. Только начал дремать, как послышался плач старухи (писатель оказался прав), рыдания тянулись из-под дивана, звук их, скрипучий и

застаревший, не оставлял сомнений в древности источника происхождения. Будто крутилась старая грампластинка с записанными на неё стеланиями женщины, никогда не видевшей радости. Под этот монотонный всхлип Иван заснул.

Когда он проснулся, в комнате по-прежнему стоял белый свет — решётки на окнах надёжно задерживали сумрак, писатель шибко водил скрипящим пером по бумаге и, исписав, складывал листы по правую руку, внизу всё так же плакала старуха, и никак нельзя было определить, какое время суток за окном. Иван пошевелился, и писатель проговорил:

— Спите ещё, когда наступит утро, мы отправимся на поиски синего цвета, если посчастливится, найдём кусочек синего стекла, только в таком свете проявляется Консультант, а потом посетим конские бега, где в том же синем цвете и станем наблюдать нужный нам объект. Только бы он не поменял свою наружность. Вы помните его внешний вид?

— Да. На Гоголя похож, если профилем брать.

— Он Гоголь и есть, хоть профилем, хоть фасом бери. Чичиков у него распорядителем на бегах служит, дурят они всю публику, ревизоры у них свои, кормятся от них, да вы про то, поди, лучше моего ведаете. Ладно, спите, утро ещё не скоро будет.

— А когда утро наступает?

— Как старуха перестанет хныкать, так и утро будет, а следом день. Спите, у меня замысел может растеряться от пустячного разговора, а этого нельзя допустить.

Под заунывные старушечьи причитания Иван стал вспоминать личину Консультанта и удивился тому, что сам не сумел угадать в нём, при первом же разговоре с ним, Гоголя — нос крючком, тихопомешанный взгляд, стрижка горшком. Но плешь отчего? Постарел, наверное, времени уже много минуло. От него, от этого его носа, вся чертовщина по стране завелась, забегала, задрогалась, захохотала. Чичиковых выпустил по свету бродить, шарлатанов всяких, нагнал в мозги туману, большевики его слова подхватили и в лучшие писатели произвели. По нутру он им пришёлся, они с бесами кровная родня. Не вспомнил сразу, как мог такое забыть, что как-то давно встречал в Крыму одного татарина, и он сказывал ему, будто видел на полуострове самого Гоголя со свитой бесенят, жуть тогда того басурманина одолела и он больше в Крым ни ногой, хоть и родная ему земля там. Но как же он в Консультанты просочился из Крыма-то? Крым, Рим, Консультант — разберись теперь — писатель пишет, старуха плачет, люстра не горит, и Гоголь по пятницам принимает. Надо бы всё записать по порядку, про татарина в Крыму не забыть, старуху в граммофоне, а люстру в починку сдать. Люстру починят, и в Крыму светло станет, тогда и татарин сможет домой к себе ехать. Но сперва надо татарина найти и про люстру подсказать.

Когда они утром с писателем выходили из подъезда, вперёд прошмыгнул некто и сразу растворился в сумраке. Тело Ивана заныло от потери чего-то бывшего в нём.

— Ваш Карлович сбежал, — прокомментировал событие писатель. — К Консультанту ушёл, они, видимо, с ним давние знакомцы. Как же вы так его просмотрели, теперь упрячется по углам, на чердак куда-нибудь заберётся, а ночью сговорится с кем-нибудь, его и проводят к начальству. Он про вас и доложит, что было и нет. С Карловичами осторожней быть

надо. Они везде норовят либо от вас избавиться, или себя от всего на свете избавить. Как это вас угораздило с ним сжиться? Петровичей не хватило, что ли? Разнообразия захотелось, теперь помучаетесь с этими выдумками, пока изловите его да водворите восвояси, может, и пятница к тому времени взойдёт, вместе на приём и пожалуете, хотя Карлович к тому времени такое про вас наговорит, что вас уже никто и слушать не пожелает. Зря вы его упустили. Я его в прошлом знавал, ох, и зловерный тип — проныра, бестия прямо, в газетёнке работал и про всех всё знал.

— А как же мне было удержать его при себе? Тут и способа никакого не вижу.

— Никакого средства и нет, одно только вместе с ним стать, куда он, туда и ты, а самовольно ни шагу. Вот у меня Листратыч жил, тот без меня никуда, я, себе знай, пишу, большую тогда книгу написал, про то, что жениться мужикам не надобно, от баб, дескать, один только вред людям, и подписался Листратычем. Его и замели, под микитки — и в тундру отправили, а он оттуда в Америку перебрался, громадные деньжищи за ту книгу получил, что я написал. Письмо присылал, звал меня к себе, скучаю, писал. Я, было, собрался, но туман стоял, погода нелётная до этой самой Америки. Прожил я в том тумане год или два и остался один насовсем. Он потом внове писал, но я молчок, думаю, соберусь, опять туман падёт, а это страх как не нравится. Сыро, мокро и тоска.

— А как мне теперь Карловича сыскать, прежде чем он успеет набедокурить?

— Сейчас зайдём в ресторанчик, перекусим и поспрошаем, не видали ли его здесь.

Они зашли в отворившиеся перед ними массивные двери и сразу же очутились в очень светлом помещении, где играла музыка, бродили и сидели за столами люди, а за стойкой бара стоял старый-престарый дед, покрытый зелёным мхом и чёрными прошлогодними листьями, в белой пробковой шляпе, наподобие гриба, с хохлацкими усами, но без бороды. В чёрных, от старости, руках он держал свежайшее полотенце и обтирал им зелёное стекло бокала. На окнах висели толстенные решётки от сумрака, на потолке — люстры без лампочек. Множество бутылок, на этикетках которых был изображён Гоголь-Консультант, заполняло полки бара.

— Чего бармен такой старый, молодых нет, что ли? — спросил Иван, глядя на старичка.

— Всякие есть. Этот тоже молодой был, состарился на этой работе, дело знает, как никто другой, привыкли к нему.

— Не помрёт почему? — продолжил вопрос Иван.

— Здесь никто не помирает самостоятельно. Исчезают — бывает такое, а помирать нет, дело неслыханное, — кивнул бармену писатель. Тот покрутил в руке бутылку с косящимся с этикетки на Ивана Гоголем и булькнул всё её содержимое в два бокала. Иван потянул носом и спросил:

— Что это за пойло?

— Текила.

— Откуда здесь текила?

— Везде текила — из кактуса и здесь тоже, — спокойно отвечал писатель.

— Какие же тут кактусы, оранжерея есть или как?

— Из Мексики. Тамошние мачо такой самогон выдумали и пьют, а нам название понравилось, компоненты те же — буряк и всё остальное, что скисло и забродило в нашем отечестве.

— Водки нет, что ли?

— Есть, но по распоряжению Консультанта.

— А эти откуда берут напитки? — Иван указал на группу молодых людей, которые, как ему показалось, пили именно водку.

— Эти, — взглянул в указанном направлении писатель. — Это согладатаи, они без спроса, что хотят, то и пьют. Не дашь им водки, они на тебя заявление напишут, и тогда никому не поздоровится и текилу запретят пить. А разрешение по пятницам выдают.

— Когда же она бывает, эта чёртова пятница? — в сердцах вскричал Иван.

— А здесь не только пятницы, но и среды не бывает. Дни постные, разгуляться чертяке нечем и потому, как вы только сейчас заметили, чёртовых пятниц не бывает. Будет сплошная неделя, тогда и пятница появится.

— И когда же она, та неделя с пятницей и чертями придёт?

— Не знаю, поди, объявят, когда приём будет, а может, нет — их власть.

— О, Господи, что же это творится? — выдохнул Иван, приготавливаясь выпить. Но от этих его последних слов задрожали на полках бара бутылки, из бокала повалил пар, и зелье испарилось прямо из-под его носа.

— Не поминай имя Господа всуе, — последовал совет писателя. Старик-моховик тут же набухал новую порцию текилы. Иван выпил, огонь прокатился в желудок, распалая новое желание выпить.

— Ещё налейте, — сразу же попросил он.

— А платить как будете? Или в залог чего-нибудь оставите? — прошамкал свои первые слова бармен.

— Вот есть какие-то, а у вас что здесь в ходу? — нашарил в своих карманах деньги Иван.

— Какие дают, те и берём, но больше зелёные, их сподручнее в бутылке прятать, не видать через стекло, чего там есть. Вы пейте, не то остынет, и жажды никакой не повторится. Мы жажду горчицей поддерживаем. Сыплем, не жалеем. Но никому этот секрет не рассказываем. Не любят они горчицу, а без неё пить не желают. А мы её, голубушку, горячую подаём, чтобы по вкусу не распознали. Текилой назвали, чтобы тайну сохранить. А попросту — горчица варёная.

От второго бокала у Ивана загло в пятках и захотелось бежать, и он спросил икающего жаром писателя:

— Куда дальше-то пойдём?

— На бега, куда же ещё. Играть будем, сегодня, должно быть, повезёт. Видите, Гоголь на бутылке, во втором ряду, правее шляпы бармена, правым глазом подмигивает — быть фарту.

— Может, это он другим знак подаёт? — спросил на всякий случай Иван, взглядевшись в витрину, но ничего указанного ни в одном ряду не обнаружил. Все Гоголи на этикетках были задумчивы, но моргать не спешили.

— Нет, нам, — уверенно возразил писатель. — Больше в зале игроков нет, так, пьянь одна.

— Музыка чья звучит? — отвлёкся на раздражающие сердце скрипичные аккорды Иван.

— Паганини, другой не бывает. Иногда Мусоргского включают, Шопена к закрытию кабака дают, но чаще — Николашу. Говорят, они с Гоголем родственники, образом схожи — носы крючком и в глазах жуть.

— Современное почему не крутят? Много хорошей музыки сейчас есть.

— Временного ничего нет, только вечное. Люди в этом городе подолгу живут — столетиями, к каждому не приспособишься, вот и играют Паганини, его мелодии больше всего к сумраку подходят. Слушайте что есть, не то в подвал закроют и пилу заставят жужжать день и ночь, гиеной завоешь, стук барабана “Лунной сонатой” покажется.

— В какой ещё подвал, что ещё может быть хуже, — повёл кругом взглядом Иван.

— В тёмный, сырой, мышами пахнет и кругом пилы разные — ручные, бензиновые, электрические, выбирай музыку на вкус и надолго. Не выберешь сам, подберут другие, здесь композиторов много, такие ноты на пилах забирают, душу леденит. Музыку любите? — участливо спросил писатель.

— Не помню, — честно признался Иван. — Читать желание есть.

— Читать можно в библиотеке, там Гоголями все полки забиты, всё, о чём писал и что только задумал — собрано. Кафку можно спросить, но редко позволяют брать, потом читатели его несуразно действиям говорить начинают, а то и вовсе молчат или плачут, человека-паука жалко, а сами хуже тараканов живут. Ежели поэтами интересуетесь, выбор большой — Данте, Петрарка, Хлебников. Последнего видели здесь, говорят, в город вошёл, но растворился в сумраке, заплутал. Сюда многие приходили, но не все проявляются, мешаются с тьмою до своего времени, понятны станут, так и объявятся. Критики наперебой нудят, всё им понятно, про что писано и даже не виданное ещё знают, а спросить бы тех, кто сам рассказывал. Но тут загвоздка: пока живёт, не дают высказаться, незрел ещё, а когда протестится с нами, не спросишь, а так всё догадки декадентские строим, тем и живём, тому и рады. Пошли быстрее, скоро представление на бегах начнётся, не опоздать бы. Билеты ещё взять надо. Игроков мало, но билетов всегда не хватает, шулера раскупают.

Опять, всё по тому же нескончаемому сумраку, Иван шёл за своим проводником и никак не мог определить направлений, каких-нибудь значимых ориентиров, но вот показались развалины строений, где у оставшихся целыми частей стен, на ровных, мощённых камнем, площадках толпился народ.

— Театр. Нерона ждут. Петь будет. Может, ещё кого занесёт. Чаплин бывал, но ненадолго, а Неронов много, и все поют, сволочи, — пояснил присутствии людей писатель.

— Других надо приглашать, — внёс предложение попутчик.

— Никого сюда не приглашают, сами идут, но сейчас настоящих артистов мало, всё больше наследственная посредственность на подмостки взошла, а чтобы до самозабвения, такие нынче редки, потому сюда не доходят. Раньше яркие личности заглядывали, того же Высоцкого возьми, иногда подолгу гостил, Тарковский здесь пару своих фильмов снимал, Миронов на этой площадке выплясывал. Михаил Афанасьевич захаживал, но только с Гоголем общался, под ручку с ним хаживали, видно, сюжеты бесовские обсуждали, для своих романов. Кто в боге себя ищет, кто в дьяволе, а где найдёшься — там и жить. Сейчас не тот народ пошёл, с именем в

ладу и у него же в поводу, с ремеслом справляется, а вот талант не наследовал. Помню, на этих развалинах яблоку упасть негде было, Мопассан появлялся, такое рассказывал, рты забывали закрывать, но отлучался часто, одна радость — гостил нередко. А так больше тёмные личности бывают, на шумят, набаламутят, но зримого ничего не показывают. Талант, как и всё настоящее, в глубине таится, невидимо, незримо до поры, а если обнаружат до случая, до зрелости его — засмеют, в костюмы шутовские нарядят, денег дадут — гуляй, мол, чего взаперти сидеть, думы ясные не надо лелеять, трать, не желей. Вон нас сколько на сценах ручками, ножками подёргивают, гримасничают да хохочут, весь срам наружу, а лучше нас нету — соединяйся, дерьмом попахиваем малость, ну дак это такие мы есть — духовицкие.

— А Нерон откуда здесь взялся? — задал свой вопрос Иван.

— Какой Нерон, самозванец, их тут, как собак нерезаных, слушают их, больше некого, — походя отвечал писатель, но тут из-за колонны выдвинулась фигура человека, в макинтоше и со взлохмаченной кудрями головой.

— Давно тебя поджидаю, — сказал он, обращаясь к писателю. — Не видать что-то стало. Я и сам редко где бываю. От скуки только и выхожу погулять, гляжу, ты идёшь.

— Ты будто маленький ребёнок, зашёл бы ко мне, чего под колонной стоять, у меня, небось, дел по самое горло, книгу закончить желаю и потому времени в обрез, — как старому знакомому отвечал писатель.

— Мне времени не занимать, — начал противоречить первым своим словам вышедший навстречу. — Болтаюсь по театрам, поэму новую начал писать. “Бычок полуторагодовалый” называться будет, про трёхлеток многие пели, а подростков обидели вниманием литераторы. Теперь хожу кругом, слова нужные подыскиваю, хотя главное сделано, название произведению дано. Оно в веках живёт. Возьми роман “Евгений Онегин” — название весь мир помнит, содержание — никто, так, бубнят что-то под нос себе и то хорошо, а назвал бы “Лето в деревне”, так только на природе про Пушкина и вспоминали бы. Во-первых, деревня далеко и лето не всегда бывает, а тут всё рядом — и Онегин, и Евгений, у нас в городе человек пять такие имена носят. Заголовок — дело важное, придумать нужно, остальное чепуха, можно и не писать. У меня одних заглавий на 338 книг готово. Всякие замыслы в голове бродят, но жду, настоятся, тогда и засяду за стол, главное всё уже названо, а написать — с моим талантом и именем — плёвое дело, можно просто автограф поставить, и так все поймут. Меня с полуслова понимают, графоманы пускай слова зря тратят, а мне недосуг славословить. Заглавие книге изобрести, обложку преотличную вылепить, она всегда в первую очередь смотрится, и подпись позакovskyристей с виньеткой да крючками, непросто чтобы — и успех в кармане. Ладно, пойду, скоро Нерон явится, песни горланить начнёт, и сразу у меня голова заболит. Прощайте.

— Кто это? — пожелал узнать Иван.

— Поэт известный. Запоматывал, как его величают. Пойдём отсюда, орать сейчас начнут, Нерона славить, могут и нас привлечь.

— А если мы не хотим. Демократия же?

— Какая может быть демократия у Нерона, хотя у остальных ещё хуже, сами смотрите, их тут всяких управителей видимо-невидимо, от Цезаря и

до святых апостолов, и у каждого своя правда. Демократия — сука паршивая, стелется под каждого, особо, кто сильнее.

Через пролом в стене амфитеатра они вышли на улицу, ведущую к зареву огней на краю города.

— Костры жгут, чтобы коням скакать легче было и зрителям виднее наблюдение вести, — пояснил происхождение пожара писатель. — Смотрите, когда придём на место и билеты возьмём, никому номера их не говорите, соглядатаи узнают, и сразу все цифры переменяют, а лучше все числа с бумаги языком слизните и пусть талоны чистые станут, а когда победителя объявят, назад номер ставьте и в кассу бегите, деньги получать. И рот не разевайте, пока кони не пробегут. А то ваш Карлович подскочит и закричит приветом к вам, вы ему всё и доложите, а он уже наверняка у Гоголя служит. Ох, боюсь, вляпаемся мы с ним в историю. Пуще всего надо Карловича теперь опасаться, он и ушёл потому, чтобы досаду нам чинить. Лучше бы нам было его изловить и запереть в комнате. Проморгали вы его.

Они приблизились к пространству, похожему на перепаханное поле, по которому вразной горели костры и возле них кругом стояли фигурки людей.

— Думают у тепла, на кого ставить будут. Но там, в огне, всякое мерещится, лучше не смотреть и к ним не подходить, собьют с толку. Пойдём сразу в кассу, я знаю, куда ставить.

Касс, как оказалось, было множество, размещались они по обочине поля в маленьких будочках, на крыше каждой из которых отсветом от пламени костров горело изображение коня, с номером на спине.

— Вот этот сегодня будет наш, — указал на коня под № 3 писатель. Хотя Иван не видел разницы в этих магических фигурах лошадей, но его внимание привлёк жеребец под № 5. Он повернул голову в сторону Ивана и заржал, приветливо обнажив крупные жёлтые зубы. Иван ответил вниманием на приветствие и направился к окошку этой кассы, несмотря на protestы писателя, тащившего его к своему коню. Но Иван заупрямился и купил билеты в понравившейся ему будке. Писатель был очень недоволен его самоуправством, но, купив билеты себе, успокоился, и они отправились на трибуны, которые оказались земляным валом с выбитыми в нём ступенями для сидения. Беговые дорожки начинались прямо от будок-касс с пронумерованными конями и заканчивались у трибун.

— Эти самые кони и побегут, — мелькнула догадка. — Это и значит — конь-огонь, — подумал о горящих на будках лошадях Иван. На трибунах, в то же время, стояла удивительная тишина, народ уже уселся на земляные скамьи и словно затаился в ожидании начала представления.

— Так не бывает, — почему-то подумал Иван, хотя никогда, в прежней жизни, не бывал на скачках. Он огляделся вокруг и только сейчас заметил, что до сих пор нигде не встретил ни одной женщины, не считая плачущей старухи, которой он тоже не видел, и спросил писателя:

— Женщины в вашем городе посещают конские бега?

— Нет, и нигде не присутствуют, их просто нет.

— Почему? От них бывает много пользы, — высказал сомнение Иван.

— Может, и бывает, но только я этой благодати от них не видал, а если бы узнал в них свою надобность, сразу бы бросил писать. Бабы все толстые и потеют шишко, а потом этот свой дух дорогими ароматами замазывают, и такая вонь полчается, что бегом от них бежишь, и даже лошади от них шарахаются. Нет никакого резону их сюда впускать.

— Вам просто не встретилась хорошая, добрая женщина.

— Не встретилась и не встретится никогда. Потому что женщин здесь нет. Не приходят они сюда, солнце здесь не греет, а им надо догола раздеться и загорать. Они теперь на юге живут. А женщина у меня жила, красивая и молодая и не пахла потом, она была моей музой, но состарилась, и я её выгнал. Теперь она рыдает по ночам и не даёт мне сна и покоя. Но когда я закончу свою книгу, она снова помолодеет и вернётся ко мне. Но это произойдёт только после приёма у Консультанта в пятницу, на сплошной неделе.

— Вы же говорите, что он всегда участвует в играх на скачках. Нельзя ли к нему подойти прямо здесь, незаметно от других просителей?

— Соглядатаи не пустят. Все рёбра изомнут, волосы обрезают, после никуда незамеченным не пройдёшь.

— Может, льготы какие-то есть? Ветеранам труда, например, почётным гражданам. Вы же очень давно в городе проживаете, писатель известный — должны послабление получать в очередях.

— Есть льготы, но только братьям Эдгара По, потомкам Макиавелли и родственникам Кассандры и более никому.

— Так, может, с ними сговориться, своим признают и на приём попадём?

— Попадёшь, как же. Соглядатаи всех льготников годами проверяют, простые очередники вперёд их проходят, пока тех на правду принадлежности к названным личностям определяют.

— А что, и родичи указанных списком лиц находятся?

— Как же не быть. Два брата у Эдика, двенадцать потомков жуткомудрого итальянца и целый табун племянников троянской царевны, но до сих пор ни одного подлинного — самозванцы все, их на генном уровне сравнивают с эталоном, не сходятся. Тогда их в кислоте растворяют и в музее выставляют в бутылках, с этикетками и званиями — кто кем был и за кого себя выдавал, чтобы другим неповадно, но другие лезут, и спасу от них никакого нет, и кислота им, как елей, причастие к великому лику. В музей можно сходить, там этих бутылок, с растворёнными братьями и племянниками, до потолка наставлено, по этикетке можно каждого найти, а зачем искать, не нужно никому, но учёт должен быть соблюден. Поговаривают, скоро новую льготу введут для потомков коня Александра Македонского — Буцефала, тут можно попробовать, поле большое — вся ахалтекинская порода, и тесты, для пробы с эталона, ещё не готовы, можно будет проскочить спервоначалу, а потом, когда очухаются, далеко будем.

Народ на трибунах начинал волноваться. По мановению чьего-то ока или руки, огненные кони сошли с верхов будочных касс и встали у линии старта, нервно переступая ногами, играя холкой и поводя кругом безумными, горящими глазами. Вот уже на них вскочили бравые жокеи, в ярко-оранжевых куртках, с хлыстами и шпорами на сапогах, на шапке у каждого красовался номер, соответствующий гарцующим под ними лошадям. Началось объявление забегов, кто-то хлётко выговаривал через рупор имена жокеев и клички скакунов, но Иван мало слушал, а всматривался в суету у линии старта, выискивая взглядом Консультанта, и тут же вспомнил, что они забыли взять в кафе синий цвет, за которым туда специально заходили. Жар местной текилы отшиб их мысли от нужного дела. Он склонился к замершему от волнения, вросшему в землю трибуны писателю:

— Мы с вами забыли синий цвет и не сможем увидеть Консультанта.

— Возьмите это. У меня осталось с прошлого раза. Были целые, но их поломали в давке на выходе с ипподрома. На один глаз хватит и вам, и мне. Одним наблюдайте за скачками, а другим, вооружённым, ищите наш объект, — и он подал Ивану ровно половину очков, со стеклом иссиня-чёрного цвета, и сам приладил себе на лицо другую. Иван зацепил за ухо свой обломок очков, наладил стекло к одному глазу, и сразу в этом, чудовищно-синем объективе света, слева от старта, появились люди — небольшая группа в шляпах, лиловых пиджаках, красных трусах и с тростями в руках.

— Это его люди, сам только к окончанию забега появится. Ждите, — предупредил писатель. И тут ударил гонг, наездники вскочили на коней, и они резво начали бег, перешли на галоп и понеслись прямо на трибуны. Иван заволновался: расстояние небольшое, а лошади неслись очень уж прытко.

— Не бойтесь, перед самой трибуной вскопытят землю, обсыпят всех мелкой пылью и встанут. Так всегда, напугают, а страшного ничего не случится, — успокоил писатель. Кони, меж тем, неслись на трибуны, пылая огненными гривами, и наперёд всех мчался выбранный Иваном пятый номер. Со стороны сидевшего рядом писателя раздались проклятия в адрес Ивана и Консультанта:

— Опять коней подменили, билеты перепутали на тотализаторе. Консультант всех обманул и снова выиграет, я видел, как его люди ставили на “пятёрку”. Вы, наверное, тоже из его банды, как я сразу не понял этого, в дом пустил, диван отдал, а вы сманили меня взять билеты на “тройку”, она как раз-то в хвосте и плетётся. Мне нужно выиграть деньги, чтобы издать свою книгу, а мне голову дурят обманом, и вы с ними в один ряд стали. Ваш-то конь, небось, на выигрыш скачет.

Радость Ивана сразу померкла от этих слов писателя, душою овладела жалость, и он отдал ему все свои “пятёрочные” билеты, забрал ненужные себе, на “тройку”, проговорил, желая понравиться:

— Возьмите мои, выигрывайте на здоровье, не хочу жуликом прослыть у вас.

Писатель схватил в охапку подаренные билеты и замер, без слов благодарности, от предвкушения будущего счастья. Номер пятый, между тем, разметав пену по удилам, неудержимо мчался к финишу, но, когда оставалось не более двух корпусов до заветной линии, вперёд, каким-то невероятным прыжком, похожим на выстрел, вылетел третий номер и, вздыбив тьму пыли, стал победителем. Писатель зарыдал, размазывая руками осевшую на лицо пыль, ставшую от обильных слёз грязью, выговаривая с горькой злостью сразу всем:

— Опять обманули. Всегда так. Никому веры нет. Держал я выигрыш в своём кармане, так нет, вы мне подлог совершили, украли мои билеты, — и он запричитал ещё горше.

Острая тоска прошибла грудь Ивана от созерцания чужого несчастья и, надеясь скорее унять эти, бередящие сердце, слёзы, он протянул охапку выигравших билетов, искренне оправдываясь:

— Берите, мне чужого не надо. И мои не нужно возвращать, я так просто, из-за вас, сюда пришёл, мне Консультанта увидеть надобно, а кони, дьявол с ними, пусть скачут, как хотят. Покажите мне, где Гоголя увидеть, а сами идите деньги получать.

Последние слова прозвучали уже вдогонку, писатель мчался, не разбирая дороги, к кассам, на которые взлетели красные кони и замерли там, угасая без надобности. Иван так и эдак вертел перед глазами свою половину очков, но нигде не находил ничего нового, кроме тех же людей, в трусах и шляпах, которые теперь сошлись в круг и оживлённо беседовали между собой. Поняв, что самому в этих делах не разобраться, он бросился догонять писателя и нашёл его у кассы, ревущего так, что на него было страшно смотреть, он крыл весь этот сумеречный свет и находящихся в нём людей последними словами, многие из которых Иван слышал впервые:

— Чертополохи, скоты, фарисеи, ползучие твари, гондурасы, ишаки Нагорного Карабаха, санкюлоты, большевистская сволочь, убийцы, жулики, шакалы! Смотрите, что они сделали, — и он показал билеты, ставшие все, как один, пятым номером. Иван тоже, на минуту, обалдел от такого превращения, хотел заругаться, но потянул листки бумаги к себе и, взяв в свои руки, обнаружил, что часть из них проявила на себе чёткий третий номер.

— Успокойтесь, сейчас я получу выигрыш и отдам деньги вам, — старался этим замирить писателя с неблагоприятной для него действительностью.

— Не нужны мне чужие деньги, — неожиданно отказался неудачник. — Я хочу сам выигрывать и получать, но тотализатор подменяет билеты и я никогда не могу получить приз. Мне нужно издать книгу, но я не имею возможности ни победить, ни получить деньги. Враги мои боятся, что пропишу в своей книге все их козни, и тогда им придёт погибель, потому они подменяют мои билеты. И вы тоже один из них, прикидываетесь добреньким, а сами заграбастали весь выигрыш и теперь будете с деньгами, и пойдёте ко мне ночевать, и снова будете обманывать меня. Вас и подослали для этого, — и писатель ушёл в сторону, где толпились на выходе из ипподрома люди. В кассе без лишних слов отдали Ивану деньги, скидав зелёные пачки в мешок, поздравили с выигрышем, и он отправился на поиски своего друга, который уже потерялся в толпе, мог не найтись и тогда негде становилось жить. Публика покинула территорию игрового ристалища и теперь растекалась в разных направлениях, на путях к городу. К какому из движений нужно было бы примкнуть Ивану, он не знал, сюда его привёл писатель, и путь не запомнился, и его растерянность скоро превратилась в неподвижность, откуда он стал всматриваться в проходящих людей. И вот мелькнул похожий силуэт, он кинулся за ним, догнал и обернул к себе. На него смотрело озабоченное лицо человека, страдающего одышкой и едва передвигающего ноги, но вдруг в глазах его зажгётся интерес к неожиданной встрече.

— Вы не видели одного моего знакомого — писателя? — нашёлся с вопросом Иван.

— Какого писателя, его имя, у нас в городе множество сочинителей, но до странности мало имён, — ответил человек.

— Действительно, я не знаю имени, но он пишет книгу о диванных ножках и живёт в квартире, где очень светло и по ночам плачет старуха, — выложил Иван всю известную ему информацию.

— Старуху найти невозможно, а писатели есть, но для пользы нашего поиска хотя бы имя знать. И что же, батенька, даже не единой буквой его прозвища неизвестно, инициалы, может быть? Значки такие загогулистые, по азбуке, помните? — давал направление поиску прохожий.

— Нет, не помню. Азбуку знаю, но применить эту науку не могу, за неизвестностью имени, — забрался в тупик Иван.

— Будем искать, букв чуть больше тридцати, по одной в день и до нужного названия доберёмся, у меня и справочник имеется, там все имена красиво расписаны — наши и заморские, разберёмся. Времени немало потребуется, но выход найдём, только бы книга на месте нашлась, а уж сосед мой знает, как по ней что-то нужное находить, его и спросим, — обнадёжил собеседник.

— Мне жить негде, потому ждать некогда, — засомневался Иван.

— На это время можно у меня остановиться, правда, я очень высоко живу, но оттуда и видно лучше, может, и имя сверху скорее откроется. У меня и кровать двойная, сверху ляжешь — потолок у лица, можно рисовать на нём, и кисти есть, — предложил прохожий.

— Рисовать я не умею, а красить могу красным и зелёным, — согласился Иван.

— Красным — не надо. От этого цвета многие сюда пришли прятаться, а зелёным малюй. Писателя найдём, покажешь ему свои рисунки. Они, писаки, страсть как разные лужайки и рощи зелёные любят смотреть. Угодишь ему, он тебе и отзовётся. Пошли, а то соседа не застанем, потому ищи по закоулкам, они ему все знакомы, он в тех углах листовки раскладывает, прокламации, революцию хочет учинить, уличные сумерки помечать на тихий осенний свет. Того света в кладовых у Консультанта навалом лежит, народ поднять надобно, ключи отобрать от тех подвалов, и свет осенний на волю пустить. То-то благодать получится. Познакомись с ним, он тебе свои бумаги покажет, может, и ты уразумеешь от него способы освещения города тихим осенним светом. Тот свет сосед хорошо запомнил и пришёл сюда, чтобы его освободить, — и они отправились на встречу с человеком, помнящим тихий осенний свет.

— Другого света нельзя в городе включить, осенний-то непостоянный? — предложил в дороге Иван.

— Пробовали, потустороннее освещение зажигали, но в нём дышать трудно, многие из-за этого ушли из города, я одышкой отделался, другие же вспухли от нехватки кислорода, и врачи виртуальный свет отключили, а нового пока не изобрели. Мой сосед — художник сказал, что когда произойдёт революция, он проведёт в новом парламенте закон об освещении города осенним светом — навечно. Будет закон, придёт постоянство. Сами-то кто будете, сельский труженик или творческого сословия? — подытожил разговор незнакомец.

— Не помню. Женщин красивых во сне видел, в садах райских. Там и жил, пока сюда не пришёл, — честно признался Иван.

— Женщины не любят, когда за ними подглядывают, только всегда желают этого, иначе зачем им снимать и надевать платья. Лучше бы им всю жизнь ходить голышом, они просто не успевают жить, часто переменяя платья, любят показаться раздетыми, но не находят для этого времени, мешает примерка одежды. Вы не спрашивали у них, почему женщины спят со своими мужьями только в пятницу? Чем они занимаются в остальные дни? — задал свой большой вопрос собеседник.

— Опять пятница, а как же приём у Консультанта, если нужно будет лежать с женщиной? — соображал Иван.

— Можно устроить приём раньше, но поребуются рекомендации 666 старожиллов нашего города.

— И что, возможно набрать такое количество голосов?

— Пока никому не удалось. Находят 665 или 667 подписей, а магическое число никак не образуется. Большим или меньшим списком секретари не принимают. Давайте-ка зайдём к одному моему знакомому, он собрал 665 отличных рекомендательных писем, может быть, среди них есть и письмо вашего писателя. Вероятность находки не исключается, важно отыскать в написанном, между строк, конечно, некоторые упоминания проблемы диванных ножек и плачущей старухи. Если тема произведения избрана, эта мысль должна проследиваться везде, в любом маломальском деле, проводимом в жизнь самим писателем. Давая рекомендацию, он не мог не упомянуть себя и свой род занятий. Нам в этот двор, — новый знакомый нырнул в едва видимую в сумерках прореху в заборе.

После недолгого плутания между зданьями, пристройками, будками и сумеречными входами в катакомбы они вошли в подобие жилища, чуть высунувшего свою крышу из-под земли. Как только они вошли, какое-то приспособление утащило их под землю, и они оказались в замечательной квартирке, отличной от обычного жилища тем, что в ней находился бассейн, в который поступала вода из подземного горячего источника, и кругом стоял густой пар, как в русской бане. В середине бассейна, на резиновом матрасе лежал хозяин помещения и отбивал ладонями дробь на своём огромном животе, в котором булькала и переливалась жидкость.

— Это ещё что, — проговорил ведущий, заметив удивление Ивана увиденным, — вы посмотрите, как он плавает. Фламинго в лучах заката, с полотен ранних фламандцев, только это зрелище можно сравнить с купанием Гуся в бассейне. Лучи заката мы создаём с помощью алых занавесей на стенах комнаты. Но самое невероятное — он умеет нырять вниз головой и долгое время над водой торчит только его несравненный зад. Так ему удалось собрать 665 рекомендаций, их написали люди, приходившие увидеть его невероятное умение плавать и нырять в лучах закатного солнца. Пройдём к нему.

— Но там вода, — воспротивился Иван.

— Иначе мы никогда не узнаем местонахождения вашего писателя, — и новый знакомый шагнул в бассейн, населённый Гусем.

Иван поспешил за ним, вода приятно согрела ноги, уже отвыкшие от тепла в прохладном сумраке города, и хорошо, что на нём оказались меховые ботинки, они набухли мокрым, обволакивающим ступни, жаром, и ему захотелось спать. Хозяин уступил ему свой матрас, и Иван заснул в середине бассейна. Гусь и пришедший с Иваном человек неторопливо беседовали, присев за плавающим резиновым столиком, прямо в воде бассейна. Эти условия несколько не смущали двух собеседников, общающихся между собой, утопившись по самое горло в исходящей паром воде и, видимо, давно знакомых с темой, которая обсуждалась часто и уже приняла оттенки только им понятной дискуссии. Вместе с беспокойством в словах присутствовала бравада обречённости течения той жизни, которой была посвящена сама беседа. Сознательно выпячивались преимущества такой жизни, но говорилось об этом с бахвальством безнадёжности ожидания перемен:

— Собрал рекомендации на приём? — спросил гость.

— Набрал, и более того. Но вот 666 никак не получается, дают сразу две или три бумаги, а нужна только одна, и не могу уговорить не писать

лишние, грозятся аннулировать все прежние рекомендации, если не возьму избыточную писанину. Не находится ни одного одинокого старика, все живут по двое-трое в одной комнате, придёшь, попросишь об услуге, все, как один, садятся за стол и начинают писать, и ничего с этим поделаться невозможно. Мне, кажется, не совладать с их желанием помочь и придётся остаться жить в этом городе, и я научился находить преимущества здешней жизни для себя. Много воды — горячей, тёплой, питание обеспечиваю себе сам, головастики полон бассейн, нужно только вырыть пруд, где они будут подрастать и превращаться в маленьких, зелёных лягушек, миленьких и очень вкусных. Немного позже, если раздобуду денег, открою кулинарию, ферму организую. Гусь я настоящий, не перелётный, буду жить здесь, к дьяволу все эти приёмы у Гоголя, главное в моей жизни — вода и лягушки, и ничто не может нарушить моё благополучие, его никак нельзя изменить — вода в мой бассейн поступает из земли и на самой суше я места не занимаю.

— Но ты столько времени — годы, — потратил на сбор бумаг для встречи с Консультантом и что, всё это зря?

— Нет, за это многолетие появился опыт жизни в данных условиях, теперь я убеждён, что это и есть естественная среда моего обитания. Только вот не придумаю, куда девать такую кипу исписанной бумаги? Если бы кому-то продать или поменять на лягушачью икру, — грустно пояснил свою нынешнюю цель Гусь.

— Сколько вы хотите за свои документы? — поинтересовался Иван.

— У вас есть деньги? — недоверчиво взглянул на него хозяин.

— Целый мешок, там, у дверей. Правда, нужно отдать их писателю, но, думаю, если поделить наличность пополам, хватит и на книгу, и на икру, — обдумывал сделку Иван.

— Лучше бы весь мешок, — вздохнул Гусь, — но и половины тоже хватит. Забирайте бумаги и давайте делить деньги.

— Тебе повезло, — сказал Ивану приведший его сюда друг хозяина. — У тебя есть всего один знакомый писатель, он и напишет тебе 666-ю рекомендацию, и ты пойдёшь на приём.

С делёжкой денег вышла небольшая заминка, одна пачка купюр была лишней и её, по обоюдному согласию сторон, отдали другу хозяина. Поблагодарили его за смелое решение вопроса с лишней суммой денег, иначе такая нужная всем сделка могла бы совершенно расстроиться. Порядочность присутствующих стала порукой честному разделу денег между Гусём и ещё не найденным писателем.

— Писателя мы найдём, — успокоил Ивана друг водоплавающих. — Ему нужны деньги, и он не станет прятаться.

— Убедительно, — снова залёг на свой матрац Гусь. — Вы расскажите о нём, многие люди богемы приходят ко мне полюбоваться на краски заката и часто делятся своими творческими замыслами. Может, и ваш писатель побывал здесь.

Иван повторил историю своего знакомого и рассказал содержание его пока ещё не вышедшей книги.

— Очень интересно, такого сюжета мои головастики ещё не слышали. Вам опять повезло, у меня не бывало такого писателя, этот современный сценарий романа обязательно бы запомнился. Шансы попасть на приём увеличились. Редкая удача в нашем городе сумеречного сознания.

Желаю вам успеха в продолжении ваших замыслов. Приходите любоваться на закат солнца, — и Гусь бултыхнулся в пруд.

Из подземелья пришлось выбираться ползком, механизм только опускал вниз. Карабкались довольно долго и вышли в те же самые сумерки, нисколько не поменявшие свой цвет со времени их пребывания в подземном царстве приветливого Гуся.

— Ваш знакомый совсем не бывает наверху? — отдышавшись, спросил Иван.

— Зачем? Ему даже на юг лететь не надо, вода всегда тёплая, и климат от пара, можно сказать, субтропический. Люди к нему сами приходят, еды навалом. У него есть красивый закат, то, о чём мы, в этих непреходящих сумерках, можем только мечтать. Он совершенно доволен жизнью и даже отказался, в вашу пользу, от возможности попасть на приём, хотя рекомендательный способ считается наиболее верным для разговора с начальством, нежели родственные связи с Кассандрой, с которой-то и при жизни мало кто желал родниться, а уж сейчас и подавно. Но поставлены условия, и требование времени порождает родственников, и всё только для того, чтобы услышать какие-то слова Консультанта, потому что разговор при первой встрече всем, кто потом оказался в этом городе, показался неоконченным. Вы ведь тоже так считаете и рвётесь неведомо куда, чтобы договорить или дослушать. Не правда ли? И попали вы сюда, вернувшись в больницу, чтобы договорить с не очень похожим на доктора Консультантом, ещё и не зная, кто он таков, но предполагая, что он и есть врач, который должен определить причину вашего душевного беспокойства. В результате того, повторного желания свидеться с необычным доктором многие, живущие здесь, больше никогда его не увидят, единицам это удаётся, но окончательная целесообразность этого свидания неизвестна. Выходцев оттуда, равно как и с того света — нет.

— Зачем же туда все стремятся? — попытался прояснить рассказанное Иван.

— Недоговорённость — страшная тайна, всем кажется, что там будет сказана пара слов, после которых всё станет ясно. Неизвестность манит, — смолк незнакомец.

— Мы с вами уже долгое время беседуем и в гостях побывали, но я не знаю даже вашего имени, — решил познакомиться Иван.

— Антонио, — представился провожатый.

— Кто это вам такое имя, иноземное, определил? — дознавался Иван.

— Сам. Решил назваться именем великой чести и божьей милости зодчего Антонио Гауди. Совершенство творений его гения восхищает мой разум с первого знакомства с ними. Оно состоялось в Барселоне, где впервые удалось вживую наблюдать величественный свет башен, построенных по проекту Гауди. Поговаривали вокруг, и на разных языках, о безумии автора, чтобы скрыть от себя свою маленькую серость, обыденность мечтаний. Мне увиделось в контурах величайшего творения одиночество гения, всеми своими помыслами устремлённого в Космос. Я долго пытался убедить власти создать подобие его творений у себя дома. Понять или даже внимать творчеству гения — приблизиться разумом к Создателю. Я создал много макетов будущего строительства, но никто не заинтересовался этим, все мои просьбы отвергались. Я создал эти башни из песка, на речном пляже, люди приходили смотреть, и лица их светлели от созерцания

простых, песочных конструкций, но прислали бульдозер, и площадка осталась чистой, а меня отправили на приём к Консультанту, чтобы не мешал народу купаться и загорать перед трудовыми подвигами. Мне показалось, что доктор принял душою мои мечты относительно небесного происхождения башен, но что-то осталось недоговорённым между нами и, вернувшись в кабинет, я оказался здесь.

— Вы архитектор? — выслушав рассказ, спросил Иван.

— Нет, я простой строитель, но если построить, значит, жить в построенном здании. И потому в лачугах и хижинах живут скоты, во дворцах стареют злодеи, гении живут в мечтах, в своих мечтах. А теперь мы должны зайти к человеку, ищущему страх. Вам ведомо чувство боязни? — начал задавать вопросы строитель.

— Да, я всегда боюсь просыпаться после ночных гуляний в райских садах. Очень странно оставаться в своей комнате одному, без единой из женщин, виденных во множестве, но так и оставшихся недосыпаемыми, во сне. Но всего больше ощущался страх, вдруг, в будущем, не увидать свой любимый ночной кошмар. Я и пошёл в больницу, чтобы узнать, отчего мне снятся такие сны, с тайной надеждой, что они навсегда. Тогда бы можно совсем не бояться. Прошлую ночь, на диване, в комнате писателя, эти сны не виделись.

— Здесь нет снов, только сумрак, и ищущий страх хочет отыскать начало своей боязни, которое пропало вместе с прошлой жизнью.

— Я изначально не переживал, даже оставшись один на дороге к горе, а затем, взойдя на неё и оглядывая город, не испытывал страха. Но отсутствие этого чувства меня не радует, если не существует никакой опасности и нет риска получить такую радость, есть ли сама жизнь? — вспомнил и продолжил свою мысль Иван.

— О, как это вы сумели сказать, вчера появились и уже многое поняли, но кроме любви и страха есть ещё чувства, и от них тоже не осталось следа в этом городе. Может быть, мы уже получили право жить в скором будущем. Когда мы зайдём в дом ищущего страх, не обращайтесь к нему потрёпанный вид, он много раз пытался покончить самоубийством, но рвутся верёвки, ломаются ножи, и он остаётся жить, с надеждой ожидая любого действия, таящего в себе опасность. Приготовьтесь, мы входим, — и он открыл дверь в полуподвал невысокого дома.

Из устеленного хламом угла к ним кинулся человек, разрывая и без того оборванный ворот своей рубахи. Его жалкий вид внушал непривычное чувство жалости к неудавшемуся смертнику, но только потому, что он остался жить. Из-под лохмотьев одежды виднелись многочисленные раны, нанесённые острыми предметами, иссиня-зелёная шея носила на себе следы многих борозд от повешений, истончала и удлинилась, готовая оторваться от своего тела, голова болталась на этом ненадёжном соединении свалявшимися волосами причёски, бороды и усов. Из сплетённого клубка этой шерсти раздался крик:

— Вы пришли убить меня! Скорее разорвите моё тело на части! Ах, это ты, Антонио, а я ждал убийц, разбойников, — и он упал на руки вошедших.

— Уймись, мы просто зашли тебя проведать. Со мной Иван, у него тоже неладно с воображением, но он борется, хочет попасть на приём и даже ходил на бега, где выиграл много денег. Поговори с ним, может, тебе помогут его знания, — за Ивана решал строитель.

— Ничего мне уже не поможет. Он не знает, что такое настоящая опасность. Все страхи, которые я испытал в жизни, оказались игрушками в сравнении с падением в бездну. Вы прыгали с парашютом? Это только вначале страшно, позже узнаёшь — парашют обязательно раскроется, всё становится обыденным, как прыгнуть в глубокую реку, неинтересно, но когда купол не раскрылся, я испытал такое, что если бы мне позволили прыгнуть ещё раз, стал бы на коленях умолять, чтобы на меня надели простой мешок или бросили вниз без ничего, но оставили бы кнопку, и я бы жал её, а она не срабатывала. Никто не поймёт, что произошло со мной тогда. Моё тело летело так стремительно, так свободно, и я слышал, как завистливо подвывал мне вслед ветер. Хочу ещё и ещё раз испытать эту невыносимую скорость, опережающую все мысли о спасении. Я впился в землю всем телом, проник этой скоростью в середину земного шара и ощутил жар горячей внутри магмы. Теперь я мучаюсь здесь от невозможности предаться суициду, к которому приговорил себя сам. Мне не дают забраться на крышу, отнимают ножи, вилки, нет свободы распорядиться своей жизнью и хотя бы в этом сравниться с Суцим. Я не использовал тот единственный полёт, данный мне, для ощущения полной свободы ужаса, которое и есть радость. Мне был открыт вход в непостижимую суть страха, но я не нашёл выхода, не смог остаться там навсегда. Не удержался в полёте.

— Нет ничего страшнее безвыходного положения, — поддержал его мысли Иван.

— Что вы сказали? Вот-вот, мне и нужно найти страх безвыходности. Вы подали гениальную идею. Как же мне поступить? Да-да, нет выхода, нет верёвок, мало высоты, ножей — страх, опасность не на выходе, а в том, что его нет и не будет. Страх безнадёжности, я вспомнил, он знаком мне, надо восстановить некоторые события и вновь ощутить тот страх, перенести на сегодняшний день и испугаться, мгновенно, как тогда. Оставьте меня, я должен многое вспомнить, — и нашедший направление страха вытолкал их из комнаты.

На выходе Антонио накинул себе на голову плотный брезентовый капюшон, и впереди, от его лица, пошёл бледный свет, помогающий выматривать дорогу.

— Везучий вы человек, — прозвучал в этом свете его голос. — Деньги выиграла, без пяти минут на приём попадёте, и страх человеку помогли найти. За один день — и столько происшествий, мне за жизнь здесь не выпадало столько удачи. Вы знаете, почему мои песчаные дворцы разрушил бульдозер — не успел закрепить фундамент и стены. Денег не нашёл купить несколько мешков цемента. Такого пустяка не хватило, чтобы шагнуть в Вечность. А здесь даже песка нет, только пыль, из неё строительство не затеешь. Пропал мой Гауди, один я понимал его мечты, — загрустил Антонио.

— Возьмите мои деньги, купите цемент и песок, — пожалел творца Иван.

— Какой цемент, тут сумрак, а такому грандиозному проекту нужно солнце, его свет подчёркивает замысел художника. И Барселона — подходящее место для осуществления фантазий Гауди. И Житомир хорошее место, но нигде нет денег для великого дела, а теперь и меня нет. Богатые люди хотят жить красиво, и эта их роскошь, совокупляясь с пошлым

видением мира, порождает уродство во всём, всегда, и ничем не осилить эту роскошь бедняков, добравшихся к богатству. Хамского непотребства в распознании красоты. А вы говорите, песок, цемент. Страшно подумать, что несколько мешков цемента могли изменить мир, унылую картину квадратных многоэтажек, а наш друг не может сыскать страх, и правильно ваше мнение, что страх живёт взаперти, не имея выхода энергии. Но прав и ищущий страх, говоря, что, улетаая в бездну, мы опережаем свой страх и чувствуем себя счастливыми, даже оставаясь живыми. И ищет он не страх, а миг, который вырвал его из западни ужаса жизни. Теперь, найдя страх, он будет искать средство его опережения, то, что он уже однажды испытал под куполом нераскрывшегося парашюта, и опять подвинется к суициду.

— Тогда надо вернуться к нему и постараться как-нибудь помочь, — предложил Иван.

— Жалеть его не надо. Подумаешь, ещё пару раз повесится, шея удлинится, верёвки всё равно ни к чёрту не годны. Это и есть его полёт, но попадётся прочный аркан и парашют откроется, страх вырвется и не станет больше мучить его своим присутствием и отсутствием тоже.

Иван слушал, даже не пытаясь возражать. Он начинал думать о людях в сумеречном городе и, неизвестно зачем, жалел, что не пришёл сюда раньше, но в этой жалости жила уверенность в недолгом своём пребывании здесь. Его мысли прервал человек, волочащий за собой свою же ногу в огромном кованом сапоге, который, с виду, был очень тяжёл, но он упрямо тащил его за собой, беспокойно оглядываясь назад.

— Куда собрался, Ахиллес? — приветствовал его архитектор. — Сбросил бы ты этот проклятый сапог, уж и стрелков в городе не осталось. А если и есть, в сумерках нелегко целить в твою пятку. Да и зачем? Ты уже не тот, и враги твои сгнули, теперь незачем охотиться за тобой.

— Меняются времена, но не цели. Уязвимость моей пяты лучшая цель этого ничтожного мира. И чтобы сохранить в неприкосновенности пятку, я таскаю за собой этот проклятый сапог, он и защищает великую цель от посягательств на всё смелое и красивое. Если враги поразят мою пятку, исчезнет стремление к великой цели и всё останется, как оно есть. А может оказаться гораздо хуже, — путано отвечал человек, называемый Ахиллесом.

— Почему, неужели слишком многое заключено в вашей пяте? Что же там у вас? — влез в разговор Иван и не пожалел, получив странный, но исчерпывающий ответ.

— Сама моя пята, заключённая в железный сапог, не имеет никакой ценности, но обладатель её — мужественный красавец Ахиллес, неуязвимый и потому бесстрашный в своих замечательных подвигах — велик. Покуда я жив, это пример бесстрашия, красоты. Даже желая меня уничтожить, мои враги пытаются дорости до вершины моего величия, равняются на меня, и чем дольше я буду существовать, тем большее количество людей будет стремиться приблизиться в красоте и разуме своём к идеалу — своему кумиру, пожелают стать достойными братьями Ахиллесу. Если же волею случая я погибну, то неизвестно, какую новую цель и кумира изберут себе люди. Им может стать уродливый и страшный мыслями демон, а не герой, и тогда мир наполнится страданиями. А пока мучаюсь только я один, но эти страдания ради будущей красоты мира, — и он поволок дальше свой несуразно огромный сапог.

— Давно он его носит? — спросил Иван вслед удаляющемуся Ахиллесу.

— Не знаю и никто не знает, а зачем ему сапог, он только что рассказал. У каждого своя печаль от несовершенства мира, и длится она ровно столько времени, на сколько хватает пространства её боли, — строитель повёл рукою вокруг себя.

Мешок с деньгами вдруг потяжелел, будто напоминая о себе, и Иван предложил отдохнуть.

— Есть недалеко кабачок, там можно перекусить и даже водки выпить, — повернул в сторону реки Антонио.

— Этого мне и нужно. Хочу водки, — уверенно пошёл за ним Иван.

Далеко ли состоялись все его похождения, он ещё не ощутил, ходил с проводником и не знал расстояний, шёл только второй день пребывания в этих сумерках, не бывших ни днём, ни ночью, но почему-то в его голове день считался вторым, а, значит, среда, и до пятницы оставалось прожить четверг, найти писателя, получить рекомендацию и попасть на приём. Особенных мыслей на этот счёт Иван не имел, не знал, чем всё это закончится, но некоторые изменения впечатлений от встреч и знакомств с обитателями города он почувствовал, прострация одиночества исчезала, и на месте пустоты появились лица, мысли, желание видеть, для чего он сюда пришёл. Страха не ощущалось, появилось любопытство, что и повело его за ведущим. Отступила постылость разочарования, всегдашнего недовольства, которое пыталось завладеть мозгом с начала пути, усилилось после ночи, проведённой у писателя, от воя старухи и, вдруг, от встречи с Ахиллесом захотелось жить, водки выпить. Через тёмную, как ночь, реку шли широким мостом, и Иван, глядя через перила в чёрную жуть воды, спросил:

— Имя есть у реки?

— Самое простое — Лета. Там, куда мы идём, — ад. Оттуда редко возвращаются. Не хотят назад. Не бойтесь, там всё по-другому, может понравиться. Много народу сгнуло в аду, — интриговал Антонио.

— Что же там необычного? Не вижу ничего, кроме моста между сумерками и тьмой. Огни в темноте ярче, пылают прямо, но не жарят же там грешников? — пошутил Иван.

— Шутить изволите, а вот и жарят. Сами увидите и попробовать захотите, нет, не жареного мяса, а погреться на костре, до костей пробирает от жара, сопоставимо с аутодафе. У костров и собираются все сожжённые ранее в огне, Галилеев человек семь наберётся, а уж ведьмаков разных — немерено. Каждый день горят до черноты.

Они спустились с моста по лестнице на берег и двинулись на горящие огнями буквы: “Костры Харона”.

Неприятная дрожь пошла по телу Ивана при приближении к заведению с таким пугающим названием, а на входе его уже трясло, как в лихорадке. Антонио же был совершенно спокоен. Не успел Иван опомниться, как очутился в помещении, где на возвышении горел костёр, а вокруг, за столами сидели замороженные пламенем огня люди. Озноб продолжался и, присев за стол, Иван попросил выпить. Антонио тут же поднёс ему стакан водки. Но выпить никак не удавалось, зубы стучали о край стекла, и водка проливалась.

— Надо прочувствовать атмосферу, идите в огонь, и ваша лихоманка исчезнет, но сумейте выскочить оттуда сразу же, как только кончится

дрожь. Таков ритуал посвящения, если задержитесь — станете огнепоклонником, помните, нужно только согреться. Идите, огонь вас исцелит, — подтолкнул к костру Антонио.

Иван взошёл наверх и шагнул в геенну огня. Всё исчезло, кругом бушевало пламя, но за его языками стеной выросла тьма. Он сам стал огнём, он горел, сросся с пламенем и, уже начиная взлетать искрами в необъятную свободу тьмы, вспомнил предупреждение Антонио и шагнул из костра, ощущая всем существом сожаление утраты необычной лёгкости сгорания, желание тела вернуться и продолжить начинавшийся полёт, но пересилил радостный трепет ожидания огня за спиной и зашагал к столу, где его ожидал невозможный почитатель Гауди.

— Удалось, удалось. Вы и взаправду везунчик, но как славно гореть. Ух, ласка огня, страсть, недоступная теплу уюта, несравненная, неслабеющая, и даже просто стать искрой унесшего тебя пламени — счастье, — чувственно выговорил великий строитель.

— Уф-фф, — вдохнул воздух Иван. — И водка настоящая. Даже не верится.

— Соглядатаев нет, и водка качественная. Нет контроля, нет и подделок. Когда не надо подстраиваться под вкус дегустаторов, тогда и производится отменный продукт. Тут все потребители и производители из огня вышедшие — размениваться не станут, — отвечал Антонио.

Входили другие люди, рассаживались, в огонь шли сами, без понуждения. Их провожали молчаливо и без аплодисментов. Если человек не возвращался, и лишь сноп ярких искр вздымался над костром и уносился во тьму, тогда глаза зрителей загорались огнём восторга, восхищения смелостью искр, на мгновение осветивших саму Тьму. Иван ещё чувствовал на своём теле радость огня и под влиянием выпитого решил продолжить это чувство, довести его до экстаза, плохо понимая и не предполагая своего превращения в сноп уносящихся в тёмное небо искр. Он поднялся, но провожатый остановил его и усадил на место:

— Пробуют только один раз, конечно, вторая попытка слишком заманчива, но она считается лишней, не должен человек дважды испытывать себя и свою радость, это очевидно на примере приёма у Консультанта — пришёл дважды, попал сюда, попадёшь отсюда на аудиенцию, больше не станешь жить здесь. Всё радостное должно совершаться единожды, чтобы не стать привычкой, обыденностью. Неинтересно. А чувствовать можно чужую радость, когда сноп искр подымается ввысь и выражает искренность подвига в их движении до конца. Такая вспышка бывает один раз в жизни. Она нужна, чтобы выразить свой талант, самолюбие и многое ещё, что стало атавизмом нашей эпохи. Невозможность выразиться и подвигает людей к самосожжению, это выражение своей причастности к красоте мира. Сноп исходящих к небу искр — призыв верить в эту искренность. Она не лукава, эта попытка открыться всей душой, на виду у людей, ведь второй попытки не дано. Вам не удалось унести в сферы, где, возможно, и обитают честнейшие души, у вас есть надежда остаться жить в мире, в котором вам не нравится только запах женского тела, умашённого притираниями, вам ещё, может, посчастливится отыскать женщину с запахом женщины — вот выйдете отсюда и всё у вас наладится. Мне же никогда не удастся воссоздать безумие Гауди — его башни — ни в Воронеже, ни в Кривом Роге, и потому я останусь здесь навсегда. А хватит смелости,

взметнусь мечтою гения в огне и исчезну и, может быть, восстану своей душою в мире, где сумасшествие живёт в реальности дней, как величие плодоносящего разума. Но вам это ни к чему, вы здесь временный человек и это очевидно, — договорил Антонио.

— Откуда такая уверенность? Ещё ничего не известно. Мы даже не знаем, где найти писателя, и деньги можно промотать, — неуверенно произнёс Иван.

— Вы правы, пора идти. Ваня, вы такой чувствительный, кем вы были до встречи со всем этим? — взглянул в зарево костра строитель.

— Не знаю. Сны помню, больницу и Консультанта в ней, доктора, на ежа похожего, а до того ничего — пусто, — Иван выпил и закусил.

— Надо вспомнить. Не дегустатором же интимных женских запахов вы служили. Такой конторы наверняка нет. Хотя, кто знает, нынешняя индустрия всё предусмотрела, и для раздражения плоти могут выпекаться пирожки с запахом женского естества, предположим. Не припоминаете таких ароматов? Как же вы собираетесь отправиться в пустоту? В сумраке есть за что зацепиться, а в беспомысленности живут только скоты. Им всё равно — прошлое, настоящее, будущее. Лишь сумерки прошлого. Но где-то должен быть свет, и я помню, он был, только не помню, чем были наполнены его лучи. Но говорят, если видишь начало света, то, в конце концов, в нём должен образоваться мир. И он проявится, в нём будут жить люди, но у него не хватит сил стать восторгом Гауди, его архитектурными видениями, этот мир закрыт потому, что он не вмещается в узость человеческой памяти.

Когда они миновали мост, Иван оглянулся. Противоположный берег, откуда они вернулись, поглотила тьма. Но он уже начал привыкать к подобным явлениям в бесцельном путешествии по сумеречному городу и не стал задавать вопросов своему спутнику. Недалеко от моста к Антонио пристал человек и потянул его в сторону:

— Зайди ко мне, посмотри, какие тени обрисовывают углы моей комнаты, они, будто змеи, сверкают чешуёй, их можно потрогать, они живые, иногда они выползают из своих углов и, переливаясь во тьме, двигаются ко мне, подбираются совсем близко, но стоит мне пошевелиться, как они сразу прячутся в углы. Зайди, мне так нужно, чтобы кто-то увидел это чудо и рассказал другим о жизни моих теней.

Но строитель отмахнулся от назойливого просителя и зашагал быстрее, бормоча под нос:

— Всё пристают ко мне. Показать хотят перелив света на тень, а того, что они сами тени, не замечают. Тени в краю вечного сумрака. Разве бывают тени в несветлое время суток? Тени в комнате без лампы. Пята Ахиллеса, закованная в сапог. Люди, ищущие цель в темноте. Всем нужна цель. Даже посмотреть, как переливаются тени — тоже цель, доказать, что так бывает, но зачем? Бесцельна только красота. Она ни для чего. Она всего лишь мгновение ожидания, когда на неё обратят внимание и выразят, нет, не восторг — она сама чьё-то восхищение — радость движения навстречу увиденному. Башни Гауди, для чего? Просто так, чтобы никто не искал теней по углам своей комнаты. Три года назад я был в Барселоне, и остальное время, после посещения Испании, погрузилось в сумрак, но кто тому виной? Гауди хотел создать, я — увидеть, но сумраку удалось всё это поглотить. Желание видеть красоту всегда наказуемо. Саму красоту

наказать невозможно. Её нет, она невидима тем, кто желает ей зла, поэтому они уничтожают очевидцев её восторга. Вы видели во сне райские сады и красивых женщин, и пошли узнать, хорошо это или плохо, у тех людей, кто этого никогда не видел. Но опасно спрашивать разъяснения себе того, чего вопрошаемые не могут видеть. От таких вопросов возникает страх, и в этом их ужасе наша вина. Зачем пугать обычных людей невиданными далями и роскошью своих поэтических образов в них? Дивись красоте и разгадывай происхождение этого чуда в одиночку, толпа уничтожит твой восторг уже на подступах к желанию рассказать о знакомстве с необычным движением света по стволу дерева и превращении этого светоносного пути в наслаждение разума. Они не поймут твоего откровения, испугаются и срубят дерево на дрова, дабы не иметь сомнений в своей правоте относительно применения древесины. Это право толпы. Простите, мои мысли тревожны, но боюсь потерять даже такое беспокойное их течение, можно ослабеть и привыкнуть к подмене красоты декорацией, как это сделал Гусь.

Они вплотную приблизились к дому, из окон которого прямо в сумрак вливался странный синий свет, большой неизлечимой тоской. Она проникла в сердце Ивана, как только он ступил в пучок этой синевы. В глубинах его души всколыхнулась печаль, сопоставимая с грустью образования сразу всего синего света, окружавшего его когда-нибудь, замеченного и нет, но застывшего, до времени, в его расцвеченной видениями райских садов памяти. Он остановился прямо в потоке синевы и замер, будто вкопанный, вырастая изнутри до размеров тоски, живущей в доме с окнами, выплеснувшими этот свет в сумерки улицы.

— Надо войти внутрь. Там должно быть что-то необычное, — выговорил он, раздумывая.

— Можно и войти, — неохотно подхватил его мысли Антонио. — Только там ничего, кроме расписанных криками мольбы стен, нет. Иногда ценителей печального искусства набирается порядком, бывает, и в дом войти невозможно. Но сегодня, похоже, многие разошлись, не дождавшись плача стен, на которых сами же отобразили всечеловеческие страдания, — нехотя входил в дом Антонио. Ивану тоже стало не по себе, когда они вошли. Он осмотрелся: расписанные стены изображали выражение человеческого страдания — заломленные руки, согнутые в невероятном напряжении ноги, застывшие в страхе глаза, разделённые части человеческих фигур умоляли о воссоединении. Иван уселся на пол и обратился к стене, где с ужасающей взгляд жестокостью был выписан мальчишка, держащий в руках убитого белого голубя. Вымазанные кровью ручки малыша протягивали окровавленную птицу, как страшное обвинение всем и во всём. И такая истина боли исказила детское лицо, что Иван почти сразу заплакал, а потом и вовсе перешёл на рыдания.

— Что вы увидели? — зашептал сидевший рядом мужчина.

— Ничего, — отвечал сквозь слёзы Иван.

— Но вы плачете? — настаивал человек.

— Это от тоски. Прощание с детством, — наугад отвечал Иван.

— Да-да, это так и называется, — шепнул с восторгом сосед.

— Что называется? — не понял Иван.

— Картина. Всепрощание. Прощание с мечтою, падение с небес, изгнание из рая. Так смотрели наши праотцы на Бога-отца, вопиющие к нему за милосердием, зная, что их ждёт на земле, — ответил человек.

— Но ведь милосердие существует, — возразил Иван.

— Нет. Только раскаяние, позднее и никому не нужное. И вы плачете только потому, что тоже участвовали в убийстве, — вынес приговор незнакомец.

— В каком убийстве? — не согласился Иван.

— Голубя. Вы выстрелили в него давно, когда увидели небо и полёт белой птицы, и ваша зависть к этой бескрайней свободе нажала на спусковой крючок. Последствия того давнего убийства вы видите сейчас и плачете от раскаяния, — продолжал обвинитель.

— Я не убивал голубей, — почти вскричал обвиняемый.

— Вы или кто другой, разницы нет. Каяться будем вместе, все. Вы это делаете сразу, другие ждут просветления, узнавания содеянного.

— И долго им ждать? — поинтересовался Иван.

— Всегда, покуда не зарыдаёт сама стена. А вы плачете. Слёзы — единственный выход из дома печали. И чья печаль горше, злодея или праведника — неизвестно. Так и ходим по кругу. Узнаём, убиваем, каемся и снова ищем познаний, — закончил собеседник, и Иван повернул голову, чтобы взглянуть на него, но рядом никого не оказалось. Свет, из синего, превратился в зелёный, исчезли росписи на стенах, потом и сами стены, и они оказались на улице.

Вновь нагрянули сумерки, и среди них Иван уже оказался один, с мешком денег и неполным комплектом рекомендаций. Антонио же растворился в каком-то из сгустков полутемноты, который, в свою очередь, исчез между домами, грозно нависшими над Иваном каменными глыбами, и он растерялся, не зная, куда теперь ему идти. Дома вытянулись ввысь и обратились в остроконечные башни, там, где они сомкнулись своими вершинами, показался сгусток темноты, и, попрощавшись, уплыл во тьму, нависшую над домами. Иван схватил мешок и проходами, между сильно накренившимися и шатающимися башнями, выскочил из их окружения, а позади его началось разрушение каменных исполинов, он чувствовал это по грохоту обвала за своей спиной, но не оборачивался, а уходил дальше от неясных событий какого-то природного феномена.

Остановился только после долгой ходьбы, смертельно устав, у странного, сияющего белизной, сооружения на невысоком камне, напоминающего своей конструкцией бельведер, где и решил отдохнуть от своих странствий. Поднялся по белым ступеням в беседку, положил на скамейку свой мешок и прилёг, выделяясь инородным пятном в свете мраморной постройки. Задремал он сразу, видно, пришла пора сбросить груз накопленных впечатлений и обрести нужный покой мыслей. Однако по пробуждению его беспокойство только возросло от сразу же вернувшихся воспоминаний и нынешнего одиночества и невозможности действий, из-за отсутствия пути продвижения к какой-нибудь, пусть даже промежуточной цели. На краю скамейки, в белый мрамор колонны вросла фигура человека, громоздким телом подперевшая крышу бельведера. Иван обрадовался такому событию, поднялся со скамьи, подвинул к себе мешок и стал ожидать признаков внимания со стороны недвижимого объекта. Но тот, по-видимому, занятый своими размышлениями, не торопился явить ему своё дружелюбие. Иван заёрзал по гладкому мрамору скамьи, дёргал туда-сюда мешок с ценным грузом, но его действия оказались напрасными, человек оставался неподвижен. Тогда

он сам переместился к нему вплотную и задал вопрос, без которого не знал продолжения своим делам:

— Вы, случайно, не знаете, где живёт писатель, у него внизу, в комнате под полом, по ночам рыдает старуха и ещё он играет на скачках.

— Знаю, — хмуро отвечал новый знакомый. — И старуху его тоже знавал. Вместе жили. Я ему свои рассказы говорил, а он записывал, писателем сделался, важным стал, перестал со мной советоваться, а как мы расстались — ни слова больше написать не может. Жену свою со свету жил, она теперь и донимает его своим плачем. Он всё зловредное на меня записал и с этой писаниной в тундру спровадил, хорошо, пурга мела и оттуда, незаметно, удалось в Америку уйти. Там книгу эту мильёнами штук раскупили, денег мне отвалили гору, жил, как Крез, но тоска обуяла, я и вернулся, когда послабление диссидентам вышло. Захотелось душевное здоровье поправить. Заглянул в больницу, там Консультант, объединиться, говорит, надо, обиду забыть и покой придёт душевный и с ним благодать. А у меня никакого желания с дураками дружить нет. Так доживать стану. Вы тоже к нему не ходите, он сам не свой, и вы к тому переменитесь, писать станете, жизнь свою загубите. Он все ночи напролёт строчит, а бумага чистой из-под пера выходит, всем читать предлагает, но никто не видит написанного. Бумага и та его слов не терпит. Так бы всегда. Знаешь хорошее что — пиши, а нет — чего зря мытариться? Вам-то он зачем?

— Деньги ему хотел дать. И подпись его нужна, — рассказал своё Иван.

— Без меня его закорючка не пройдёт. И денежные знаки ему ни к чему — всё на бегах продует, в нём эта страсть давно живёт, душу пытался заложить, не нашлось купца, товар мелковат оказался, даже черти такое не берут, а издателей от одного его вида воротит в сторону помойки, — хулил писателя новый знакомый.

— Откуда вы всё это знаете, небось, в Америке жили, далеко? — поинтересовался Иван.

— Далеко до Луны, и туда добрались. Подпись вам зачем, на приём хотите попасть? Гиблое это дело, но подписать можно, только вот чем, ручка у вас есть? — осведомился знакомый.

— Откуда? Я ж не думал, — не знал о чём можно думать по этому поводу Иван.

— С письменным материалом у нас напряжёнка. Уж больно все грамотные, дай им перо, бумаги, такое понапишут — Гоголю не снилось. Ждать придётся, может, кто ещё отдохнуть от безделья забредёт, у него испросим ручку. Если признается, возьмём, но те, у кого ручки остались, скрывают это, чтобы по ночам не приходили, не беспокоили, народ тутошний без всякого такту живёт, понадобится запись сделать — и пошёл будить всех без разбору, пока найдёт нужное, позабудет, зачем искал, и пошёл ругаться, на чём свет стоит. Белый свет на многом основан и утверждён, пока всё переберёт, и утро наступает. И получается, что записи не сделано и покоя никому не дано. По-пустому время прожито. У меня была ручка, всю на чертежи извёл, зато вот эту беседку выстроил. Как она вам — по нраву? Фонтанчик хотел в середине поставить, но ближе, чем метров на сто к низу, воды нет, и рой не рой, а кверху она без насоса не двинется. Теперь решил — статульку сооружу, Приапа поставлю (вот вам всем, со всех четырёх сторон, и чтобы торчало, как надо), — рассказчик сделал руками классический жест

мужского превосходства. — А лучше девушку с веслом, демократичней будет, ни воды, ни лодки, но весло, как надежда на получение всего этого в будущем. Говорить о будущем в мучительном окружении сумрака сомнительно, но надо как-то преодолевать неподвижность красок, замерших в нём, и белый цвет колонн бельведера оказался в контрасте с одолевающим эту жизнь безразличием, и многие приходят сюда отдохнуть от состояния неподвижности. Некоторые, в ком жива искра Божья, видят внутри строения солнечный свет. Это, конечно, мираж, но, как и всё недоступное изначально, рождается фантазией. А фантазии тоже, в свою очередь, обязаны мечтам. Желание увидеть солнечный свет приводит к месту, где он должен родиться. Моё желание выросло в постройку белокаменного бельведера.

— Постройка не похожа на каменную, — Иван погладил рукой подлокотник скамьи. — Материал более лёгкий и гладкий, но не пойму, как от него происходит свечение, которое привлекает путников.

— У реки такого материала — завались. Это кости мамонтов, вымерших до рождения всех, ныне присутствующих здесь, тиранов, героев, поэтов и простых обывателей. Там и собирался материал для этой постройки, но главное не это, а внутренний наполнитель конструкций беседки, который излучает видимый вами свет. Он изобретён мною давно, опробован, применить же состав наполнителя удалось только здесь, чиновники другого мира не дали разрешения на его применение, иначе пришлось бы закрывать производство лакокрасочной промышленности. Любую конструкцию — бетонную, деревянную, пластиковую — можно заставить излучать или светиться любым цветом, используя компоненты моего наполнителя. Конструкция беседки окрашена цветом снежного покрова, серебрищегося под лучами утреннего солнца. Вы заметили такое свечение? — осведомился изобретатель.

— Есть что-то снежное, но не холодное. Но давайте вернёмся к нашему писателю. Как можно его найти, дайте адрес, — попросил Иван.

— Адрес? Имена у людей сплошь чужие, а вы адрес спрашиваете, здесь и почты нет. Сам придёт ваш писатель, ходит сюда часто, канючит какие-нибудь рассказы у меня или сюжеты к ним, хочет, чтобы бумага заговорила, но я молчу, и так много времени и слов потеряно с ним. И хорошо, что так заведено в мире, многое происходит без нашего ведома, но не без нашего участия, мы присутствуем, пока живы, при всяком случае на земле, от плохого отмахиваемся, за хорошее хотим зацепиться, хотя бы краем взора, кусочком платья, восклицанием в разговоре или написанием того события, которого не видел, но сумел отобразить. Наш писатель тоже прилежно живёт на земле и придёт сюда за впечатлениями, которые нужны для его книги, но их не бывает, они исчезли в сумраке, и только цвет моего бельведера немного волнует полутьму нашего города. Он придёт, больше ему идти некуда. Спросите, почему я построил бельведер из костей мамонта и заправил его конструкцию наполнителем белоснежного цвета, состав которого неизвестен науке, и только будущее определит ему место в художественной и индустриальной жизни? Этот симбиоз древности, недавнего прошлого и грядущего необходим нашей памяти, иначе можно увлечься фантастическими идеями и провалиться в беспмятство. Когда вы в последний раз видели беседку из слоновой кости или даже просто бельведерчик на пустом месте, под открытым небом, ни для чего,

просто так? Нынче ничего не строят просто так, не пишут для красоты, а жаль. Потому что не помнят мамонтов и беседок. Уже ничего не делается просто так, — загрустил рассказчик.

— Но можно как-нибудь приблизить появление здесь писателя? — твердил своё Иван.

— Нет. Сначала должен подойти нищий, попросить подаюния, а уж за ним явится и ваш писателишка. Но нам нужен не он, а ручка, она может быть и у нищего, он бухгалтерию милостыни ведёт очень аккуратно, собирает деньги, чтобы отправиться в Бразилию, там тепло и подают больше. И ещё там у него осталась женщина, он познакомился с ней, когда бывал в Америке с Колумбом. Как придёт, так сам вам всё и расскажет, а других историй у него нет. А вам, видно, заняться нечем, вот и мучаете меня вопросами. Надо уметь себя занять, иначе можно в тоску впасть, в Обломова превратиться или в тирана, от беспокойства души вся неразбериха на свете творится. Вы успокойтесь, прилягте, время и пройдёт, а писака явится, я вас и подниму.

— Спасибо, но я уже успел отдохнуть. Может, у вас почитать чего-нибудь имеется, время провести? — попросил Иван.

— Почитать отца с матерью нужно было, здесь бы не оказались. Книгами время не занимают, в книгах его находят, своё, чужое — вечное. Или в беседе своё время с чужим перекликаешь, и новые выходят события. Хотя кому и как нравится, кто сам себе желанный собеседник и никого к своим мыслям не допускает, а кому-то выговориться надо, иначе не жилец. Я, например, книг не читаю, сам написал много — не перечитаешь всего, теперь статульку среди беседки изваяю, тогда окончательно и порадуюсь. Может, поможете мне, от избытка вашего времени, — попросил бельведерщик.

— Хорошо бы, но таланту к лепке моим рукам не дано, — усомнился Иван.

— Откуда знаете, вы же не пробовали даже глину месить. Своё назначение спознать надобно, талант сам не является, его выявить, вывести на свет надо, а как узнать — глину не месил, лопатку в руки не брал, кости не шлифовал. Возьми ведро, воды принеси, — перешёл на “ты” родич писателя.

Иван пошёл в направлении, указанном скульптором, и обнаружил метров через сто трубопровод, из которого бежала вода. На обратном пути, уже на подходе к беседке, вода начала плескаться в ведре, сумрак затрясся, под ногами ходуном заходила твердь, он упал и, громыхая зажатым в руке ведром, покатился куда-то вниз. Вокруг дрожало пространство чего-то, пахло пожаром и сыпались искры из невидимого очага, грохот камнепада дополнял видение катастрофы, самой беды не было видно, но близость страха ощущалась во всём, даже в передвижении вниз. Но вот полёт закончился, тело упёрлось в камень стены, и его стали окружать предметы, прибывающие вслед за ним. Среди хлама, навалившегося на него, узнавались денежный мешок, ведро, уже без воды, куски белоснежной скамьи бельведера, весло от ещё не построенной скульптуры, старый глобус, с разломом земной коры в районе Эйфелевой башни Парижа, приёмник марки “Спидола”, который включился и чётким голосом проговорил: “... силою 10 баллов, по шкале Рихтера, с эпицентром в районе Средиземного моря”, — и сразу замолчал.

Сумрак показался светлее обычного, и Иван стал оглядываться по сторонам. Их оказалось много больше четырёх обычных, и трудная задача выбора похода в одну из них заставила Ивана подняться, чтобы можно было заглянуть за стену, за которой, как показалось, должна скрываться нужная ему сторона. Он заглянул в пролом стены, и взгляду открылась безлюдная, но вполне освещённая фонарями улица, где, однако, не находилось ничего, кроме теней от фонарных столбов. Эта часть света показала Ивану привлекательней остальных и, захватив мешок с деньгами и старый глобус, через отверстие в стене, раньше, видимо, служившее окном, он вылез на каменную мостовую улицы и побрёл в освещённую светом фонарей неизвестность. Улица, ставшая навсегда центральной, в обезлюдевшем, а может, просто заснувшем от пережитого страха городе, отдавалась в распоряжение Ивана глухими вздохами эха его шагов по мостовой. Эти гулкие вздохи уносились на дальний свет фонарей и где-то впереди гасли, отыскав себе приют. За звуками своих шагов он отправился, чтобы определить своё местонахождение или просто найти место, где можно было отдохнуть от переворота в уже показавшейся понятной жизни, с почти найденным выходом из неё. Теперь снова всё растерялось — писатель, строитель, Гусь, Листратыч исчезли, и только там, где замолкало эхо его шагов, в неярком свете огней виделось ожидание. К нему и потянулася надежда на встречу, на вход куда-то, что может стать продолжением пребывания где-то и на данный момент являлось самой жизнью. И она состоялась, эта встреча, непричинная, но ожидаемая. Из окна дома, на повороте улицы, где она, кажется, и заканчивалась, а может, просто не освещалась, и тьма назвалась поворотом, окончанием, ну чем угодно, и там, в окне, на третьем этаже, показалась голова человека, взмахнули его руки, зазывая Ивана, будто он давно поджидался, и кто-то глядел в окно, но звали именно его. Прохожих на улице не виделось, поэтому, ещё раз оглядевшись вокруг, Иван вошёл в подъезд. Лестница, выложенная светящейся голубизной плиткой и огороженная металлическими перилами в стиле ретро, повела наверх и закончилась у двери красного дерева с множеством замков и замочков, врезанных и навешанных поверх на скобы. Однако такая предусмотрительная замкнутость не помешала ей отвориться перед Иваном, и он вошёл в переднюю, напоминавшую своим устройством вестибюль ресторана, с зеркалами и вешалками, наполненными верхней одеждой. Из соседней с передней комнаты доносилась лёгкая музыка инструментальных композиций, но никто не встретил вошедшего, и это его озадачило. Со времени своей первой встречи с Консультантом он перестал искать приятного продолжения неожиданных встреч, стал побаиваться их, думая теперь, что от последствий каждой из них сумерки станут сгущаться, пока не обратятся тьмой. Было чего страшиться, в ночи могла исчезнуть последняя надежда на встречу с Консультантом. Бездушное безразличие зеркал вестибюля раздражало этот страх мельканием неясных отображений, и он вошёл в соседнюю комнату. Там, в живописном беспорядке, стояли разобранные кровати, на полу валялись подушки и одеяла, некоторые принадлежности одежды, на стенах безрадостным фиолетовым светом горели бра, и всё это располагало к мыслям, что где-то рядом находятся люди, и он решил подождать, как приглашённый, но не встреченный гость. Иван поднял с пола подушку, положил её на кровать и, устроив на тумбочке свои пожитки, прилёг, сразу почувствовав тяжёлую

усталость после пережитых личных и глобальных катаклизмов. Непосредственность убранства комнаты разрешала и ему отнестись к миссии гостя на правах хозяина, пусть временного, до появления жильцов этого дома. Взгляд, мелькая по этой бесхозности обстановки и стен, быстро утомился. От такой непосильной и странной невозможности создания образа своего присутствия здесь Иван задремал. Проснулся он сам, никто не тревожил его сон, но пробуждением стало предчувствие изменений, творящихся вокруг него. Пока он спал, обновился интерьер комнаты, и сама её площадь выросла в обширную залу, где всякие новомодные вещи стояли на своих местах, блистая чистотой. Лёгким ворсом ласково прикоснулся к его кемто разутым ногам ковёр, застеливший весь пол от стены до стены и играющий в свете хрустальной люстры замысловатым азиатским узором, когда Иван ступил на него с оказавшегося под ним высокого дивана. Хотелось удивиться, но в одиночестве некому было выразить эти чувства, и он, утопая ногами в пушистом ковре, прошёл к окну. За окном тот же печальный свет фонарей освещал мостовую, его путь сюда. Сверху эта, теперь уже обратная, дорога казалась уводящей в бесконечность. Он испугался бесконечности, к ней можно привыкнуть, перемена интерьера и пространства комнаты, без каких-либо движений, во времени сна — это тоже начало без конца, не хотелось двигаться в бесконечную путь-дорогу. И даже внесённые в обстановку изменения никак не повлияли на неподвижное время, в нём всё незаметно, пусто, и она, эта непрекращающаяся действительность, на самом деле — смерть. От страха таких мыслей он сдвинулся, чтобы не смотреть в окно, и хотел пойти поискать людей, но только подумал об этом, как в комнату вошёл тот самый, зазвавший его сюда, человек — голова осталась та же, что виделась давеча в окне, а вот точно, когда это произошло, Иван не знал, существовало лишь одно вечернее время суток.

— Как почивать изволили? Вчера у нас симпозиум проходил, по правам марионеток и чучел в пределах освещения нашей улицы. Некоторые борцы за права тряпичных изделий набезобразничали, так мы, после них, некоторые внешние исправления внесли, а заодно помыли, почистили помещение. Как оно вам теперь?

— Место приличное, — похвалил Иван. — Но где всё это находится?

— На нашей улице, в беспредельном свете фонарей, — туманно ответил житель местности.

— А на симпозиуме из каких краёв люди побывали? — хотел хоть как-то определиться Иван.

— Из прилегающих к улице фонарей, по углам тьма и только в центре освещено, сюда и стремятся разные борцы за свободу и права, в темноте какие состязания, а на свету и смерть видна. До убийства дело не дошло, но покричали на славу.

— За что боролись? — вставил вопрос Иван.

— За право на борьбу и совершенно неважно с чем. Важен азарт. Когда всё кончится — война, драка, крики, все разойдутся по своим тёмным переулкам и продолжат жить, может, лучше, а бывает и хуже. А куклы, за права которых они боролись, останутся гнить на помойке.

— А можно бороться за право возвращения в прошлую жизнь? — спросил своё право Иван.

— Нет. Это негласное табу. Такие вопросы решает Консультант. Можно обойтись без него, но условие почти невыполнимое. Но можете попытаться

счастья. Дадим вам для прочтения древнюю рукопись неизвестного автора, и вам нужно отыскать в ней несколько слов, связанных между собой в предложении, относящихся к вашей прошлой жизни. Если такие слова будут найдены, вы автоматически отправляетесь в прежний ареал проживания, — посвятил его в тайну исхода абориген.

— Но кто же будет определять достоверность словарной находки? — засомневался в справедливости затеи Иван.

— Мы — живущие на этой улице. И то, что вы будете искать, важно и для нас, оно станет ключом к разгадке тайны самой рукописи, — уверил собеседник, подавая свиток жёлтой от времени бумаги.

Абориген ушёл, а Иван тут же занялся рукописью. Но что же это? Всё знакомо, с первой строки. Это же гоголевский “Нос”. Какая такая легенда, чёрт возьми, этих жителей освещённых улиц! А вот и слова о нём. Да и не только про него, а и обо всех. Все ведь только и думают о своих недостатках, смотрят на себя, как на уродов, а вот нос пошёл и сам себе судьбу сладил. Хозяин-то своего носа чурался, тот ему и показал свою самостоятельную значимость. Нос — то ж Карлович. Также без хозяина гуляет. Вот-вот, так оно и есть, про меня это и сказано. Чего же они сами-то не догадались? Может, они одни живут, без карловичей и листратычей, надо расспросить о том и о себе рассказать. Вот только, вдруг Карловича потребуют представить, где его теперь сыскать, или сам явится, поди, как о нём разговор зайдёт. Нельзя, стало быть, о своих частях тела плохо думать, обидятся. А как другие думают: ноги хороши, да руки короткие, глаза ясны, уши лопухом, волос кудряв, голова мала, зубы белые, рот мал, чтобы такое добро выказывать. Вот так разные части тела по свету и гуляют: и нос, и рот, и..., а что, иные люди только о своём геморрое и говорят, лелеют его пуще чада родного, он возьми загордись и самостоятельно заживёт. Фамилия у него подходящая — Геморрой Иван Карлович, вот только имечко непопулярное сменить на другое, какое на ум взбредёт, а вот Наумом и назваться, получится приятное сочетание звуков, и восхитят они любовь народную — тут тебе и мандат депутатский, кресло министерское, дорожки не скатёркой, а торные, гладкие — живи, радуйся. А то что с этим мандатом часть твоего организма с не очень приятным запахом проживать изволит, никому дела нет. Ну, Гоголь, ну, догада, он нам всю нашу дурость под этот самый нос суёт, а мы хохочем, он прямо и говорит, мол, над кем смех-то — над собой смеёмся. Эх, кабы раньше спознать такое дело, не надобно было и в больницу ходить. Бабы по ночам снятся, потому что носа им своего показать боимся. Вдруг, что не так, маловат — сраму не оберёшься, а велик, так ни в какие ворота не влезет. Враньё всё это, и ворота найдутся, и малому носу рады будут. Надо поискать жителей этой деревни, обсказать им всё, не выпустят, так хоть пожалеют. Опять жалости захотелось, нет, кончено, надо объясниться. Он пошёл к двери и вдруг почувствовал, как кто-то влез в него и, расталкивая внутренности, стал устраиваться в его организме. На его тревогу изнутри ответили:

— Это я, Карлович, вернулся. Говорил с Консультантом, бегал по нашим делам. Устал, отдохну теперь.

— На что ты мне нужен? Гулял бы дальше, — рассердился Иван.

— Ты что ж, родимый? Вам, Иванам, без Карловичей никак не можно, пропадёте. Нас и не видно вроде, всё Иван да Иван, но величают-то Карловичем, без меня ты своё величие соблюсти не сможешь. Я навряде

глиста, не видно, не слышно, но заставляю шевелиться, пропитание искать, и сам тут же кормлюсь, внутренности чищу. Паразит, не паразит, но живуч, — вразумлял хозяина постоялец.

— Жил без тебя, пока ты с Консультантом носился, — не сдавался Иван.

— То здесь. Тут можно и половиной жить, а там не пропустят, завернут в рубаху и обратно отправят, — пророчил Карлович.

— Ладно уж, сиди. Чёрт с тобой, — согласился Иван.

— И с тобой, и с тобой, — завертелся внутри Карлович, видимо, окончательно устраиваясь.

Иван толкнул дверь и оказался в кресле, ещё привязанный ремнями к подлокотникам. Санитар выносил шлем в другую комнату. Его отвязали, и он вышел в приёмный покой, навстречу улыбался старичок-доктор.

— Как самочувствие? — ласково спросил он, как будто ничего не произошло, не было писателя, гуся, строителя и всех других жителей неизвестного города.

— Вы ещё спрашиваете, — взревел Иван. — А где Гоголь?

— Николай Васильевич? Изволили почтить в бозе в 1852 году, февраля 21 дня. В аккурат сегодняшнее число, — миролюбиво отвечал доктор.

— Ну а Консультант, скажете, его тоже не было? — забеспокоился пациент.

— Был. Отчего не быть. Только вчера ему отпуск вышел, поехал отдыхать на юга, работа у нас хлопотная, сил много требует, — старичок вздохнул.

— А я, где был я? — уже помягче спросил пациент.

— Анализы сдавали. Хочу поздравить, будете жить дальше, как все люди.

— Скажите, доктор, а болезнь моя излечима? — вдруг засомневался Иван.

— Этого вам, батенька, никто не скажет. Тайна медицины, а клятва Гиппократова и есть омерта — неразглашение этого заговора. Сама по себе любая болезнь неизлечима, а вот лечиться или нет — ваше право, а как лечить — наша тайна. Ох, наболтаешь тут с вами лишнего, узнают, язык отрежут, а без него никакие лекарства не годны для лечения. Водичка питьевая, может, соды немного — желудок помыть от дерьма, а так всё яд, и только слово есть эликсир долголетия. Доктора, мой друг, нужны только, чтобы смерть констатировать. Наверняка. Богатый преставится — наследники ждут, может быть, оживёт, завещание переписшет в другую пользу, а бедный, так пусть всех переживёт, всё равно хоронить не на что. А доктор явится — и хана, умер, скажет и справку выдаст, и все надежды прочь. От докторов одна беда и при жизни, и после смерти. Без них хоть какая-то надежда бывает, а после их прибытия уже никто тебе не поможет и никогда не узнать, отчего бедняга на тот свет отправился, от болезни или просто — жить надоело. Доктор ничего не объяснит, по латыни запись сделает, руки вымоет и отчалит, а тайна жизни, как и смерти, останется загадкой. Поэтому и латынь доктора учат, чтобы никто им не перечил, *momento mori* и всё тут, а короче, каждый должен знать, рано или поздно — конец, и никакой профессор тут вам не помощник. Смерть определить — пожалуйста, а лечить — это уж как получится. Аспирину дадут, клизму вставят, отрезать могут что-нибудь лишнее, а жизнь продлить или кого оживить,

тут уж Христа вызывайте, а не получится с пришествием, сами к его престолу отправляйтесь, не мучьте ближних своим болезненным присутствием и врачам не надоедайте. И диагнозы доктора для себя ставят, а не больному. Забыть боятся, чего и где отрезать и зашить надо. Такая уж специфика нашей науки. Тайна везде и всюду. В нашей области медицины есть диагноз — раздвоение личности, а это, скорее, процесс её объединения в высшей стадии эволюции от червя и до Наполеона. Но доктора не признаются в этом, потому что дать настоящее определение этому феномену, значит отрицать саму болезнь, и этим признанием совершить переворот в науке и жизни, где психиатры останутся не у дел. И только благодаря клятве Гиппократата мы пока здесь, а они там, — доктор помахал рукой куда-то за стену. — Так и в вашем случае, тут парфюмеры постарались, с цветов нектар собирают, духи делают, чтобы мужиков приманивать. Но мужики же не бабочки — на цветочный аромат лететь, им бабий запах подавай, живой, терпкий, чтобы голову, как вином, кружило. Но парфюмеры тоже баб любят, а хороших женщин нехватка, вот они тот запах для себя и берегут, друзьям помогут и за деньги большие продадут, а остальным — лаванда да василёк, понюхал и спать.

— Что вы тут мне болтаете, а ещё интеллигентный человек, доктор, — опять заволновался Иван.

— Слово интеллигент, молодой человек, нынче частенько не сопряжено со своим синонимом — интеллект, разум то есть. Я боюсь даже касаться такого высокого понятия, а многие так и норовят туда записаться. Вот говорят: этот мужчина очень интеллигентно одет. А как же оное понимать, что, на нём пиджак умный или башмаки к науке поспешают, а может быть, исподнее бельишко запах истории хранит? Нет, чтобы таким именем называться, надо на десяток веков свои корни знать и иметь, и предки твои эти века не мякиной должны торговать, а высокой духовной пищей питаться и питать. Все мы ветхозаветны, но не все были и заметны будем.

— О чем идёт разговор, какая цель у всех ваших слов? — мутился Иванов разум.

— У всех есть в жизни цель, — невозмутимо продолжал доктор. — Человек осознаёт, что в будущем он будет кто-то. По пути к этому будущему состоянию многих одолевают сомнения в правильности своих фантазий. Только сумасшедшие не имеют сомнений, и потому всегда достигают цели. Все великие люди — это не обезвреженные вовремя безумцы, оборотни, прикинувшиеся нормальными до времени своего триумфа, а потом их уже просто так не закроешь, надобно разрешение брать, от них же самих, но никто ещё такого позволения не получал, вот и чудят тираны, которых упустили, а нам остаётся жалеть, что не смогли. Дело-то в малом оказалось — ты есть кто-то или нет, а добраться к власти недолго, не сможешь сам, доведут другие, им тоже надо, чтобы ты состоялся в своём пути, потому как своего им не видно, за тобой и пойдут, а когда разберутся, поздно будет.

— Что это вы со мною на каком-то чужом языке разговариваете, как с..., — Иван зашипел со зла.

— Как с дураком, — догадался доктор. — Вам уже объясняли, безумные сюда не ходят, мы с разумными дело имеем. А разговор наш, что ни на есть самый хороший, и язык родной. Вам что не нравится?

— Приторные слова у вашей речи. Ненастоящие. Будто с ребёнком разговариваете, — твердил своё Иван.

— Нормальные слова, и речь правильная. Так и во времена Николая Васильевича говорили. А с детьми хорошими словами и нужно говорить. Хотя дети нынче сплошь неблагодарные получают. Из века в век так ведётся, но сейчас хуже всего. С поры изгнания из Эдема никак не угомонятся, всё наследство поделить не могут — Землю нашу грешную, за “просто так” от Господа доставшуюся, но не всем принадлежащую вровень. Да, всем всё и не может достаться. Но желание равноправного наследования осталось. Вот и маются мыслями о недополученной собственности. Каин с Авелем — первый тому пример. Документов родители никаких не оставили, и топор стал главным аргументом юридического права. Что не написано пером, вырубим топором. А ежели хорошо подумать, что получили — берегите. Не дали ничего — просто отдыхайте. Не по матушке же ругаться с детишками, как нынче.

— По какой ещё матушке? — злился Иван.

— По чёртовой, другие эдаких слов не приемлют и не знают, — утишал его беспокойство доктор.

— Что же мне теперь делать? — Иван почему-то потрогал свою голову.

— Домой идти и с головой дружить. Можно Гоголя читать, а можно и не читать вовсе, а просто жить и всё. Собой надо заняться, на службу устроиться, приодеться и завести женщину. Таковую, что не из эмансипе будет. Настоящая, чтобы мазалась поменьше, мылась только по субботам, не брила ноги и прочее и обнимала без вопросов. Баба не должна пахнуть блевотиной кашалота. Какой-то извращенец, от Версаче, додумался делать косметику из отрыжки этого морского чудовища. Теперь женщины мажут своё тело этой гадостью и подставляют этот аромат нашим ноздрям, ищущим от них совсем других запахов. Ещё и спрашивают: “Я хорошо пахну, милый?”. — “Отвратительно, дорогая. Разве может приятно пахнуть блевотина из желудка динозавра?” — готовый ответ, но мужики так не говорят, пытаются понять, не понимают, пьют, чтобы заглушить несносную вонь любимой, отчаиваются и доживают свою жизнь в скорби. А вы, батенька, не дурите больше, поезжайте-ка в тундру, там всё настоящее — и зима, и лето, и тунгуски всего раз в году купаются, пахнут первобытно, аж скулы сводит, там своё счастье и встретите. Не откладывайте в долгий ящик, туда тоже скоро парфюмеры и психиатры доберутся, всё переменят. Ещё Фрейда почитайте, он хоть и псих, но бывают просветления в его памяти о человеческих желаниях. Желания — это сама жизнь, иначе всё обратится сном. И про женщин сны — только начало общего наркоза памяти. Давайте, голубчик, домой бегите. Да, помните, советов дуракам не дают. Глобус захватите, дарю, по нему дорогу в тундру отыщете. Прощайте, — старичок свистнул, и медсестра повела Ивана к выходу. За дверьми Иван обернулся и прочёл на табличке — Бафомет Аристарх Ибрагимович. “Господи, неужели такие имена бывают? Надо бы испросить происхождение такого словосочетания”. Он потянулся к ручке двери, но тут же отпрянул назад, вспомнив, чем закончилось его прошлое любопытство относительно слов Консултанта, и почти бегом отправился домой.

Через короткое время Иван Карлович продал своё имущество и отбыл на жительство в тундру.

Ирина МАТВЕЕВА

“И всё ещё впереди...”

Тихо падает снег

Тихо падает снег, покрывая былое.
 Может, счастья немного окажется в нём.
 И протянутся руки навстречу друг другу.
 А в объятьях растают обиды.
 Тихо падает снег.
 Всё останется в прошлом.
 Кажется — много нам надо.
 Нет, — очень мало.
 Только снег по утрам,
 Только солнце — вечерней порою.
 Да чтоб свет не погас — в доме, где ждут.

Лето остановилось.
 И всё ещё впереди.
 Дожди и слёзы, темнота и холод,
 обиды и разочарованья — будут.
 Их надо пережить.
 Только миг остаётся с тобой.
 Один лишь миг, июльский день
 в неведомо каком году.
 Он был и есть, как за кромкой мечты.

Две нити

Две нити — как две жизни —
 сплетены в одну.
 Две нити — чёрная и белая — не разорвать.

**Ирина
Алексеевна
МАТВЕЕВА**

живёт в Петропавловске, работает научным сотрудником литературного отдела областного музейного объединения. Публиковалась в областных газетах, коллективных сборниках, в журнале “Нива”. В 2006 году издательство “Северный Казахстан” выпустило её первую книгу стихов и лирической прозы “За кромкой мечты”. Предлагаем читательскому вниманию подборку произведений из этого сборника.

Хочешь белую выдернуть —
в руке оказывается чёрная.
Хочешь чёрную порвать — рвётся белая.
Чего же больше на невидимых весах?
Есть нити чёрные и белые:
две жизни сплетены в одну.

Наваждение

Играй, играй со мною в кошки-мышки.
Какая странная игра.
Я — кошка. Гипнотизирую тебя
овальных глаз мерцаньем.
Ты — мышка. Ты сжимаешься в комок, дрожа.
Но вот переменились роли.
Кто жертва, кто охотник?
Всё стало непонятным.
Так заблуждение — наша жизнь порой.

Наслаждение, но на день,
блаженство, но на час,
свежий ветер, но на миг.
Это — виртуозный обман.
Головокружение минуты,
прелесть секунды,
взлёт к небесам.
Это сказка сна.
Радуга утра, тихий шелест дождя,
смех за стеной, перебор колёс —
это время песочных часов.

Солнечный город

Солнечный город.
Солнечный день короткого лета.
Золотом расцвечен горизонт.
Вот и развилка двух дорог.
Уходи!
Боль никак не растает в груди.
Дальше — вместе нельзя.
Завтра — встретимся снова...
Но когда мы научились друг другу лгать?
А закат непомерно багров.
И на солнечный город тучи идут.

Часы

В тот миг, когда покинул ты мой дом,
часы — подарок твой — остановились.
Хрупкие стрелки дрожали, не двигаясь.
И время замерло тогда.

Всех поглотила тьма.
 Но минула ночь, рассвет осветил горизонт.
 Мир рухнул — и возродился вновь.
 А часы продолжили свой ход.

Ночной вокзал

Ночной вокзал.
 Ты один среди тысячи лиц.
 Улыбнись сквозь торопливую сетку дождя.
 Я хочу услышать шаги.
 Оглянись. Пусть уйдут поезда.
 И хотя обернуться нельзя,
 всё равно оглянись.

Водораздел

И всё-таки что-то не так.	Что справа, то и слева.
Всё-таки что-то не то.	Водораздел. Здесь нет конца,
Как будто тёмный штрих	а также нет начала.
невидимой рукою нанесён.	Короткий штрих
Водораздел — из слов чужих.	напомнит нам об этом.

Как сладко быть обманутой
 и верить вновь,
 и поддаваться обещаниям.
 Как сладко верить
 ещё не сказанным словам,
 словам, готовым будто бы
 сорваться с губ.
 Как горько быть обманутой,
 поверив сказанным словам.
 Уж лучше верить прочитанным стихам.

Запретный плод

Запретный плод.
 Ах, как он близок! Как доступен.
 Он спелостью манит, зовёт к себе.
 Он так прозрачен — до невесомости.
 И жажду новых ощущений хранит в себе.
 Но он греховен. Он искушает.
 И — предупреждает.
 Кто знал, кто ведал,
 что сладость будет только на губах.
 Но всё же яблоко в руках у Евы.
 Плод сорван. Съеден.
 Так познано добро и зло.
 А рай непостижимо близок.
 Но Ангел двери затворил.
 ... Лишь в преисподней
 хохочет, торжествуя, змей.

Тишина

Тишина... Она случайна.
Она нечаянна как смех.
Разве она ещё существует?
Сон наяву — глубокий снег
и сосны в нём, далёкие горы и одинокие тропки.
Ты один. Юное небо удивлённо взирает на землю.
Окунаюсь в тишину, как в море.
Ах, если б это длилось вечно!
Но секунды текут.
Шагреновая кожа тишины сжимается,
она всё меньше, меньше.
Ты уже не один. Много лиц.
Стук и шум. Разговоры.
Голоса тишину растоптали.
Автобуса слышен мотор.
Скоро город распахнутой книгой
встанет вдали.

Пронзительный ветер сырой,
изнемогая, бьётся в окно.
Поблёкший усталый снег
исчезает с дорог и домов.
... Я забуду, какой сегодня день,
ты разбудишь меня ранним утром.
Лепестки распустившихся цветов
упадут на лицо прохладным дождём.
Солнце затопит комнату
ослепительным тёплым светом.
Зазвучит приглушённая музыка.
В этот час мы улыбнёмся друг другу,
вспомнив наш первый рассвет.

Размытый мир

Дорога в дождь.
Стекло туманят капли.
Размытый мир.
Что впереди, что сзади?
Лишь скрип мотора.
Крутой вираж. Ещё один.
Свинцовость неба.
Когда забрезжит свет?
Сплошная пелена дождя.
Размытый мир — как будто
он ещё не сотворён.
Ещё не существует ни домов, ни лиц.
Лишь торжество тяжёлых капель.
А на обочине — деревьев пятна.
Машина, кажется, летит —
через пространство, — туда,
где обрывается поток дождя.

Ирина МАТВЕЕВА

Лирические миниатюры

Стена

Мы родились в один день, ты под тёплым южным небосводом, а я под шёпот берёз в снежном инее перелесков.

Догорал короткий зимний закат, когда мы появились на свет.

Мы росли вдалеке друг от друга, а встретившись, увидели — какие мы разные люди. Я люблю наблюдать за мерцанием звёзд в бархатно-чёрном небе, а ты — за упругим асфальтом убегающей вдаль узкой змейкой дороги.

Мне нужны синева неба и пение птиц, а тебе — погреб, забитый картошкой.

В то время, когда я вслушиваюсь в музыку слов, ты слышишь надсадный шум мотора. Эта бездушная техника, не так ли она холодна, как твоя душа?

Как две далёкие планеты, раз столкнувшись, расходятся навсегда в бездонном сонме звёзд, так и мы, вращаясь по спирали, не могли сойти с заданной орбиты и понять друг друга.

Твой дом заносит вьюга до крыши, и мне в окно бьются снежинки, они скользят и не тают, неслышно умирая в сердце. Ведь нас разделяет стена. Она, быть может, из стекла, она так холодна, что зябнут руки, она, пожалуй, так прозрачна, что сквозь неё можно увидеть всё, кроме сокровенных движений души.

Где та невидимая сила, способная сломать эту стену?

А может быть, она сама растает от тепла?

Осенний мотив

Наступила осень. Небо затянулось тучами, и мелкий моросящий дождик, не скупясь, поливает землю. Оставшиеся на деревьях редкие листья ветер, смеясь, уносит прочь и вертит в воздухе. Сейчас всем грустно. Редкие прохожие, ёжась от холода, спешат по своим домам.

А я вспоминаю зелёное жаркое лето, то лето, когда мы были вместе... Тогда знойное марево стояло над лесом, голубая лента реки манила нас к себе, и мы были рады ощутить внезапную прохладу. Тогда казалось — это навсегда и хотелось задержать эти счастливые мгновения.

Но то прекрасное время умчалось без следа и никогда не вернётся.

Лето вернётся вновь, и тёплый ветер будет снова шевелить волосы и обдавать лицо свежестью, и река будет сверкать на солнце тысячами мелких искр, а те дни не вернуться — так будем помнить о них всегда.

Иллюзия

Я смотрю в окно. Внизу — тонкая полоска реки, а в её голубизне отразилось небо с воздушными облаками. На другом берегу, крутом и обрывистом, — деревья, покрытые густой зелёной листвой. Там клён растёт в обнимку с елью, а изящные осинки кокетливо покачивают ветками.

Кажется, вот-вот окно, эта зыбкая преграда, растворится, и я полечу туда, к реке. Но нет!

Эта красота предосеннего августовского дня мне недоступна. За окном придуманный мир, нарисованный моим воображением, картина без конца и начала, а реальность здесь, в душевной комнате с низкими стенами.

За дверью: шум на запылённых улицах, переполненные автобусы, с трудом прокладывающие себе дорогу среди легковушек, раскалённый асфальт, мелькание лиц и до боли знакомые стены одинаковых зданий, неласковые огни окон, горизонт, где тени прохожих тают в дымке, похожей не на туман, а на смог.

Это — обречённость большого города, заколдованный круг, из которого нет выхода.

Кошки на открытках

Пушистые и гладкие, сердитые и добрые, весёлые и грустные, вы смотрите с открыток на меня.

Ласковые и хитрые, нежные и коварные, вы окружаете меня.

Вас восемнадцать, а я одна.

Вот вы спрыгнули с открыток, стали живыми. Теперь вы важно ходите по комнатам, прикасаетесь тоненькими усиками ко всему тому, что вам интересно.

Вы сидите на креслах и диванах, а на улице гуляете среди цветов, нежитесь на прохладной траве.

А я наблюдаю за вами.

Вы с упоением играете с бумажной мышью, ваши глаза, днём изумрудно-прозрачные, ночью блестят чёрными бусинками, горят как крошечные фонарики.

А я изучаю вас.

Среди вас есть хулиганы и скромники, есть аристократки и такие, кому всё равно, что есть, где спать, есть путешественники и домоседки.

Вы озорные и тихие, вы мурлыкаете и шипите, вы спите, свернувшись в клубочек, и вам, должно быть, снятся сны.

Вы чёрные и белые, серые и рыжие, полосатые и разноцветные, ваша шерстка мягка, шелковиста, вы прячете в подушечках лап острые коготки.

Вы капризные и послушные, обидчивые и гордые, вы плачете от боли и смеётесь, когда вам хорошо.

Вы очаровательны и грациозны.

Вы всё понимаете, кошки, вы — маленькие артисты. И вы очень похожи на нас, людей.

Колесо обозрения

Колесо обозрения, гигантский аттракцион, можно было заметить за несколько кварталов до входа в городской парк. Каждый день оно неторопливо, как сама вечность, совершало однообразные движения по кругу.

Я часто ходила мимо, спеша и ничего не замечая, но однажды колесо ожило — это произошло в тот день, когда мы, гуляя, решили взобраться на одно из деревянных сидений. Стоял тёплый летний вечер. Колесо казалось уставшим от трудной работы — ведь оно весь день возило на себе людей. Оно покачивалось и ворчало: “Ох, куда вы ещё лезете, ведь я, старое скрипучее колесо, устало, мне надо отдохнуть...”.

А мы открыли деревянную калиточку, взошли по скрипучим ступенькам, сели на сидение и окунулись в созерцание прекрасного вечера. Густая зелень деревьев скрывала нас от прохожих, на небе вспыхивали и гасли звёзды.

Осенью деревья заметно поредели, сиденья колеса засыпали листья, стало видно далеко вокруг. Когда мы подошли к калиточке, колесо уже не ворчал, лишь мерно раскачивалось и дремало, мы ему не мешали.

... Потом я гуляла здесь одна, и мне казалось, что колесо приветливо и сочувственно кивает мне и зовёт: “Приходи, приходи...”.

Зимой снег покрыл ступени, калиточка не закрывалась, сиденья заледенели, всё стало скользким, даже подняться было очень трудно. Я вновь вернулась сюда. Но со мной пришёл другой... Колесо приняло нас доброжелательно, задвигалось, зашкрипело и закивало. И мне показалось, что оно вспоминает со мной вместе осенний вечер, шорох сухих листьев под ногами, пряный гулкий воздух.

Колесо знало все мои тайны.

Оно было свидетелем объяснений в любви, размолвок, философских размышлений, молчаний и раздумий.

Три времени года мы встречали с ним вместе. Я смотрела на деревья в их свежей зелени, в осеннем убранстве, в белоснежном наряде. Было жарко, прохладно и морозно. И теперь я жду весны, надеясь прийти опять к колесу и медленно качаться на его деревянном сиденье.

Предчувствие весны

Давно по календарю наступила весна, но на самом деле она не спешит. После долгой суровой зимы сложно солнцу освободить землю от белого плена снега. Только пригреет оно чуть сильнее — так и остановится. Скуёт мороз вновь землю так, что она содрогнётся. Сосульки повиснут неммым вопросом под навесом.

Тяжело вздыхает земля, она устала держать на себе снег. Снег уже устал лежать — ему хочется двигаться, бежать по дорожкам игривым ручьём.

Старается солнце, припекает всё сильнее. Радостно поют сосульки цветной капелью. Вот-вот вскроется лёд на озёрах и реках. Освобождённо вздохнёт земля, даст дорогу траве и цветам.

Апрель

Наступил апрель — второй месяц весны. Днём теперь сильно тает, а ночью чуть-чуть примораживает в лужах. Ледок очень тонкий и хрупкий, — тронешь его каблуком — рассыпается.

Снег осел и посерел. Из мягкого и податливого он превратился в зернистый, колючий, — уже не снег, ещё не лёд.

В лесу появляется всё больше прогалин — чистых от снега участков земли. Земля эта ещё не успела отдохнуть, освободившись от власти снега, она ещё влажная и лишь хвойный запах чувствуется на полянках. Дороги стали сухими — асфальт поглотил снег.

Горы выглядят на фоне прозрачного неба свежими, будто умытыми. Лишь озеро белым пятном виднеется вдали. Там ещё владения зимы, её последний оплот. Нелегко будет солнцу сломать толстый лёд, но и здесь уступит зима — ведь каждому времени свой черёд.

Гроза

Гроза надвинулась внезапно. Ещё час назад люди могли наслаждаться чистым бирюзовым небом. И вдруг откуда-то появилась злобная чёрная туча, солнце скрылось, подул холодный пронизывающий ветер.

Первые капли упали на землю беззвучно, как бы невидимо.

А затем дробь дождя всё учащалась и капли, соревнуясь друг с другом, превратились в один сплошной поток. Мгновенно намокла трава, дороги. Свирепствовал гром. Ослепительные высверки молний сошлись в яростной пляске.

Деревья ещё служили какое-то время живым щитом спрятавшимся под них людям. Струи водных потоков не могли одолеть тяжёлых веток с густыми листьями. Но дождь хлестал всё увереннее, мощнее, напористее, и деревья сдались, бессильно поникли мокрые ветки.

Однако дождь прекратился так же внезапно, как и начался. И вот уже солнышко, отодвинув тучи, мягкой улыбкой озарило мокрый мир, озорно отразилось в лужах.

А птицы, радуясь умытому дню, запели ещё громче.

Странное лето

Лето выдалось дождливым и холодным. Лишь в мае и сентябре, как бы предваряя и замыкая лето, несколько дней стояла жара.

Майская жара обнадёживала.

“Рано что-то, — говорили старожилы, — установилась сухая погода. Да как жарко, словно на дворе июль”.

Но в один из дней дождь стеной встал на пути солнечного мая. Сразу резко похолодало, люди надели тёплую одежду и обувь — и не снимали её уже. Один дождливый день сменял другой, земля не успевала просохнуть.

Так и лето прошло, не успев начаться. Вода в реках и озёрах стала стынуть, не успев прогреться. И дары садов и огородов — овощи и фрукты — стали вянуть, не успев созреть.

Так наступил сентябрь. Прекратились дожди, стало жарко, да так, что люди извлекли из шкафов уже спрятанную летнюю одежду. Осенний загар — как странно — появился на лицах.

Кажется, лето прощальным теплом решило обрадовать нас, и мы наслаждаемся им — до следующего лета.

Рождество Христово

Утро года только начинается. Пушистый ласковый снежок кажется почти невесомым. Солнце светит ярче, его лучи подают надежду на скорый конец зимы. А ночью ясно видны звёзды на тёмно-синем небе — мерцают и гаснут, заставляя нас подолгу наблюдать за их искрящейся игрой.

Не такая ли звезда засияла на небе, указывая путь в Вифлеем?

Эта звезда вела туда, в неизвестную пещеру, зная, что из неизвестности туманного зимнего утра вырастет Слава.

Позади и та Благая Весть, и долгие ночи, и сомнения. Свершилось. Бог пришёл в мир, чтобы стать человеком. Спаситель явился на свет.

Спешили поклониться ему волхвы с богатыми дарами. Но были они едва ли не единственными во всём мире.

Тогда. И теперь.

Прошло две тысячи лет, а люди равнодушно проходят мимо, погрязнув в житейской суете и не обращая внимания на родившегося Спасителя.

Они его просто не заметили.

Дмитрий РЕВЯКИН

“... ты всегда рядом —
я знаю...”

Успокоение — это смиренная гордыня
И слёзы брата блёстками в глазах.
Как повздорили крепко с ним,
А он в ответ

обнял меня неловко.

03.10.91.

**Дмитрий
Александрович
РЕВЯКИН**

родился 13.02.1964 года в Новосибирске. Поэт, музыкант, исполнитель своих песен, основатель и лидер музыкального коллектива “Калинов Мост”. Окончил факультет радиоэлектроники Новосибирского электротехнического института (НЭТИ). В 1984 г. там же создал группу “Здоровье” (позднее — “Равноденствие”).

Осенью 1986 г. появляется новое, мифологическое, концептуальное название группы — “Калинов Мост”.

В 1987 г. группа впервые выезжает сначала в Ленинград, затем в Москву. С начала 90-х годов происходит поворот “Калинова Моста” к этническому року, “неофолку”. Облик группы определяют два основных момента. Во-первых, лирический мир поэзии Ревякина — абстрактные образные ряды, бессюжетность, загадочные метафо-

ры, словотворчество в духе В. Хлебникова, явные отсылки к фольклору. Во-вторых, специфическая мелодика, в которой слились воедино разные интонации — русские плясовые, напевы кочевников, древние песнопения. Меняется и вокал Ревякина: он теряет рычащую агрессивность, становится лёгким, парящим, во многом приближаясь к фольклорному пению. Тексты са-

мого последнего по времени этапа творчества можно охарактеризовать как лирические баллады-плачи, либо, по выражению автора, как “лирические пьесы”.

Кроме многих музыкальных альбомов Д. Ревякину принадлежат две книги стихов: “Гнев Совы” и “Кольца алые”.

В 2005 году Дмитрий Ревякин принят в члены Союза писателей России.

Живёт в Москве.

И в эту полную луну
 Лечь на крыло
 Рубеж иной встречать.
 Надеюсь, высветится заново тропа,
 И завязи завяжутся.
 А долгая зима
 Не победит тоской,
 Не свалит в мелкий снег —
 Победой духа вознесёт и возвеличит.
 Надеюсь на ребёнка своего —
 Поможет он, не бросит,
 Как я его бросал,
 За славой бешено гоняясь.

Три дня воет северный ветер,
 Надежды уносятся с ним,
 Хрупкие, летние.
 Остаётся осадок горечи.
 Из него зима выкует сталь
 Звонкую, с отливом.
 Закалит её вьюгами,
 Морозами, снегопадами,
 В горло мое вольёт —
 И ничего не страшно весной,
 Легкомысленной, дымчатой.

01.11.91.

Слезы на щёки брызнут,
 Звонким морозом замёрзнут,
 А радость окрасится алым
 И не спрятать её рукавицей.

10.11.91.

А той звезды горячей блеск
 Сокрыли тучи грозовые.
 Просил дождя сухой чабрец,
 В тревоге псы луне завьли.
 И мышь скреблась железом хрупким —
 Седая спутница перу.
 В гнезде находилась голубка,
 Далече громыхал Перун.
 Точили жало комары,
 Голодные, кружили рядом.
 Измученный июль молил:

— Зови грозу, зови собратом.
 А я устал,
 Берёг уста,
 Кричали петухи недружно.
 Вела суровая узда,
 Напоминала вторить узам:
 Что я могу?
 Бежать в огул,
 Хранить руду, дышать в затылок жадно.
 Река несёт
 Нектары сот
 Другому рту, кто ходит мимо шатко.
 Рубеж означен.
 Преступить?
 Просить крыла у мотыля?
 Вочеловечить рык дубин?
 Успеть собрать, что растерял?
 Эх, прокопчённые ладони,
 Без меры порох вам сухой!
 Тогда, быть может, в мутных тонях
 Блеснёт наточенной косой
 И криком сотрясёт округи
 Дерзновенный.
 И закипят отвагой жилы-вены,
 И к солнцу вознесутся руки
 в клятве древней.

13.07.92. Онон.

Чёрное-чёрное небо.
 Никуда от него не скрыться —
 Вот-вот посыпается снег.
 Встречай его молча.
 Полгода лютого холода,
 Но нас врасплох не застать —
 Готовы принять и ветер, и снег.
 Дым стелется к земле,
 Морозом щиплет щёки,
 Сверкают светлые макушки.
 — Мы дети зимы! —
 доносится крик.
 Друг друга любим горячо,
 По-северному крепко,
 И радость, и беда — одна на всех.
 Надежда согревает.
 Её лелеем, бережём,
 Остатки летнего тепла
 раздариваем из-за пазухи.
 Награда — вьюги поцелуй.
 Подходи, протяни руки к костру;
 Поговорим весной, а ныне грейся.

10.02.93.

Плавник приник —
 Тебя несёт течение.
 Расправь его,
 Пусть жилка каждая
 Дрожит от напряженья.
 Пусть мускул каждый
 Отзовется звоном —
 Сопротивляйся,
 Против колесо держи —
 Ведь ты поэт, герой и воин.
 Где ушлым торгашам положен срок небес,
 Где скалится, рычит полночный бес, —
 Твоё ристалище.
 Ступай туда без страха,
 Горечью великий —
 И содрогнётся ночь от боевого крика.

02.07.96.

Стебелёк, моей косой не скошенный,
 Где ты?
 В чьи руки угодил в томленье,
 В чей стог уложен бережливо твой янтарь?
 Как отыскать тебя,
 Чтобы вернуть себя?
 Быть может, одиноко ты стоишь,
 Зовёшь и ждёшь,
 Несломленный,
 В дурмане диких трав,
 На поле хлебороба тучном?
 Я помню каждое мгновение твоё:
 Сухой весной, в начале лета,
 Как ты всходил, как силой наливался, —
 Как рядом колосились дружно братья.
 Порой осенней в праздник урожая
 Тебя не доставало в закромах моих —

Губами зёрна тёплые пересчитать,
 Чтобы испечь хлеба.
 И в лихолетье верой накормить
 Детей, отцов и матерей.
 Чтоб внуки знали — соразмерен мир,
 Как каравай воздушный,
 И смелым взглядом мерили его
 В сентябрь мудрый.

04.07.96.

Хрип воронья, свист соловья —
 Новое утро приносит пряную,
 Жаркую песню.
 Так слушай и пой
 Кудесный напев —
 В нём тайны времён
 и призраков правда.

29.07.97.

Алексею Михайлову

Нам доверено в сумраке дней
 Корчевать корни страха земного.
 Здесь не место посыльным теней —
 Дерзновеют воители Слова.
 Разговор ведут пламя и лёд,
 Горький порох и снов роговица,
 Синих молний зрячий полёт,
 Смерти стон в боевой рукавице.
 Зов глухой увлекает в пучины
 Грызть обугленный вьюгами берег,
 Где отшельники плоть приручили,
 Где ватагами песни кипели.
 Где утёс родословной слезится,
 Где в пещерах взрослеет хрусталь,
 Где вершины дымятся ситцем,
 Где закат умирать устал.
 Чёрный жемчуг, рубин ребристый,
 Пух лебяжий — ступени вверх.
 Там покоится вызолом пристань,
 Кто объятья костлявой отверг.
 Небо всё — облака и звёзды
 Мы храним у себя в груди.
 Этим даром владыка Воздух
 Щедро избранных наградил.
 Где брать силы познать безбрежье,
 Просыпаться в рассвет ребёнком,
 Безмятежно зарею брезжить
 И лучиться в колосья звонко?
 Ты готов — вьются косы столетий
 И светлеет рубаха преданий —
 Ветер зорко погонит плетью
 Прочитать чертёж Мирозданья.
 Устье промысла — мёд золотой —
 Пригубить велением дара.
 Так гори же, гори, ладонь,
 Языками победы алой.

31.07.97.

Последний росчерк в ледяной поленнице —
 И сдать хранительнице навсегда
 Оборванные вьюгами края.
 Здравствуй, Окочка, моя любимая!
 Всё это спето для тебя,
 Тобой указан путь —
 Тобою свёрстана судьба моя.
 Спасибо.

31.07.1997.

Владимиру Распутину

Дождями умыты дороги,
 Посеяны вечности сроки,
 А нас занесло сторяча
 В тесный загон.
 Сбрось ворох одежд вчерашних,
 Веков неоглядную чашу —
 Мы выйдем рассветы встречать
 Босиком,
 Пусть гибель клюкой обещаи,
 До нас позабыты скрижами —
 Мы чашу весов склоняи
 Плеском ресниц.

Когда пелена глаза застит,
 Мы знали — любое ненастье
 Развеется тучей линиялой,
 Пеплом страниц.
 Терпеть и молчать, пить воздух,
 Далёкие горькие звёзды
 Ведут и влекут неизбежным,
 Изменам грозны.
 Стать льдом, стать огнём косматым —
 Не вечно цедить закатам
 Вино погребальных песен —
 Мы смерть победить должны.

2.08.97.

Локоть друга, плечо брата —
 И страх высыхает в пустыню.
 Не думай о завтра, усталый:
 Будет день — пища сварганится.
 А ныне
 Твой вечер горстями
 Рассыпан в небе ночном.
 Покойся в его колыбели —
 И слушай доверия слёзы.

04.08.97.

Мне выпал черёд безмятежно
 Осыпаться листьями в медную осень,
 Одиночество пить.
 Но ты всегда рядом — я знаю.
 Даришь целебный сон,
 Виски стережешь, глаз не смыкая,
 Из волос
 Струны звонкие вьёшь.
 И когда просыпаюсь песней,
 Только строгий твой взгляд
 беспокоит меня —
 Только он.
 Ты прости.

04.08.97.

Художник Владимир РАСПУТИН.

Аманжол БУЛЕКПАЕВ,
депутат Сената Парламента РК

Воспоминанья о былом

*Моим современникам, стоявшим
у истоков независимости нашей
родины — Республики Казахстан,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

*В раздумье долгом и немом,
В воспоминаньях о былом
Перебирал я день за днём,
Не оправдав себя ни в чём.*

Абай Кунанбаев

Когда лет десять назад мне впервые предложили написать записки-воспоминания, я рассмеялся.

С молодых лет любые формы бумаготворчества вызывали у меня если не раздражение, то, по крайней мере, вполне ощутимый душевный дискомфорт. Работа в бюрократическом аппарате со временем не то чтобы примирила с необходимостью ежедневно иметь дело с кипой писем, жалоб, докладных, проектов решений и распоряжений, а в парламенте — законопроектов, пояснительных записок и так далее, но убедила в невозможности сегодня работать как-то иначе.

Мне могут возразить: сейчас внедряются прогрессивные формы организации и управления, в частности — электронный документооборот, электронная подпись и так далее.

Да, это так, но документ — приказ, письмо, постановление, отчёт — остаётся главным инструментом нашей системы, каким бы он ни был — электронным или, как сейчас принято говорить, на бумажном носителе. Запрети его, и бюрократическая машина застопорится: ведь даже для того, чтобы сократить документооборот, необходимо собрать совещание, принять решение, родить документ, направить его в нижестоящие инстанции и потребовать информацию о выполнении решения по вопросам сокращения документооборота.

Мне вспоминаются слова одного из членов бывшего союзного правительства, принимавшего участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. За три месяца работы по дезактивации станции, рассказал он, мы не написали ни одного приказа, письма, распоряжения: все вопросы решались в телефонных разговорах и на личных контактах. Так неужели для этого, подумал я тогда, необходим Чернобыль — величайшая трагедия прошлого века, пока ещё затаившаяся в своей пугающей неизвестности!

Так что подозревать меня в графомании было бы очень несправедливо. Но как же тогда родилась эта книга?

— Ты без малого 11 самых трудных лет руководил городом, которому довелось стать столицей независимого Казахстана, фактически ты подготовил переезд сюда высших и центральных госорганов, — спустя годы вновь убеждал меня мой оппонент по вопросам мемуарного жанра. — Ты стоял у истоков нового государства, голосовал за Декларацию независимости, за новые государственные символы и Конституцию республики! А сегодня находишься в центре законотворческой жизни страны, работаешь над законами, общаешься с государственными и общественными деятелями самого высокого ранга. Так неужели тебе нечего сказать людям?!

Сказать людям...

Жизнь любого человека — а особенно находящегося на виду, скажем, мэра города или депутата парламента — намного труднее, монотоннее и вместе с тем несоизмеримо многограннее, чем это видится со стороны. Другим она, вероятно, кажется лёгкой, яркой и содержательной. Это с точки зрения доброжелателей. А в глазах завистников любой успешный человек обычно представляется либо ловким дельцом, либо удачливой посредственностью.

Сегодня, когда день жизни близится к сумеркам и старость, как дотошный бухгалтер, подводит свой строгий баланс, я, перелистывая страницы жизни, всё чаще задаюсь вопросами: а всё ли мы сделали, правильно ли мы поступали, что зачтётся нам в актив и что мы оставим нашим потомкам?

Пионерами мы горевали, что поздно родились. Воспитанные в жёстких рамках коммунистических идеалов и социалистической романтики, мы мечтали о подвигах, но две жестокие войны были уже в прошлом. Нынче, с высоты двадцать первого века глядя на минувшее столетие, я понимаю, что история не обделила никого, каждому поколению выдавая свой фунт лиха. Дедам пришлось пережить революцию, гражданскую войну и коллективизацию, отцам — сталинские репрессии и войну с фашизмом. И нашему поколению тоже досталось: Афганистан, Чернобыль, развал тоталитарной системы. Места для подвигов в нашей жизни было немало. И подвигов, кстати, тоже.

Конец восьмидесятых и начало девяностых годов прошлого века — так называемый период “разгула дикой демократии” — ознаменовались гласностью и многоцветной палитрой общественного мнения. Люди получили возможность публично сказать всё, что они думают. Именно поэтому многие говорили как раз не то, что думают, а то, чего от них ждут. Так на крутой волне словесной эквилибристики и охаивания прошлого перечёркивалось немало хорошего и правильного в нашей истории, пятнались грязью имена порядочных людей, ломались человеческие судьбы.

А среди бьющих себя в грудь поборников исторической правды и справедливости немало оказалось тех, кто в не столь уж отдалённом прошлом с партбилетом в кармане дружно строили социализм из материала заказчика или руководили этой стройкой из весьма комфортабельных кабинетов.

Но ветер времени неизбежно отделяет зёрна от плевел. Ни переделывать, ни переписать историю ещё не удавалось никому. Именно поэтому я никогда не интересовался, кто где был и что говорил в декабре 1986 или в августе 1991 года.

Думаю, десять лет назад я не смог бы написать ничего подобного. Большое, заметил поэт, видится на расстоянии. И хотя в ракурсе исторических перспектив десятилетие — срок сравнительно небольшой, в Казахстане этот короткий период вместил в себя колоссальные перемены, важные, исторически значимые события, которые не только сохранятся в памяти современников, но наверняка станут яркими страницами учебников истории наших потомков.

За это время мы фактически построили новую страну. Но и сами стали другими.

Я, вероятно, видел и знаю больше многих. Волею судьбы мне действительно довелось стоять у истоков независимости нашего государства, участвовать в разработке и реализации важных государственных программ по переводу плановой экономики на рыночные рельсы. Более десяти лет находясь у руля исполнительной власти города, которому выпала честь стать столицей нашего государства, мне и моим коллегам пришлось годами работать без выходных и отпусков, по 12-14 часов в сутки, лично принимать множество решений, часто очень жёстких, непопулярных мер, что мне всегда давалось очень нелегко.

Но я искренне благодарен судьбе за то, что на этом тернистом пути мне посчастливилось рука об руку трудиться, встречаться с замечательными людьми, талантливыми руководителями, незаурядными личностями и, прежде всего — с Первым Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Я горжусь тем, что в этот нелёгкий, но важнейший период нашей истории — на этапе обретения независимости и возрождения нашей государственности — я был членом президентской команды, участвовал в воплощении грандиозных планов и замыслов главы государства по строительству новой страны, новой жизни и новой столицы республики — Астаны.

Вот об этом я и решил рассказать.

Родился я в первый день года, в который началась самая жестокая и кровопролитная битва в истории человечества — война с фашизмом. Наша семья жила в то время в селе Новоишимка Акмолинской области.

Я неважный знаток мировой истории. Рано проснувшийся интерес к технике, некоторые личностные особенности значительно сократили время, которое я уделял изучению этого предмета. Но историей родного края я занимался серьёзно и знаю её неплохо.

Территория древней Сары-Арки была освоена человеком далеко до нашей эры. Археологические находки в верховьях Ишима свидетельствуют, что древние люди ещё в эпоху неолита занимались здесь охотой и рыбной ловлей, позже в поймах рек зародилось земледелие. В эпоху бронзового века, а это конец второго — начало первого тысячелетия до нашей эры, наши древние земляки перешли к кочевому скотоводству, чему способствовали изменения в климате.

Между прочим, упоминания о Сары-Арке содержатся в трудах древнегреческих, китайских, арабских и персидских историков.

В VI-VII веках территория будущей Акмолинской области, население которой составляли преимущественно кипчаки, вошла в состав сперва

Тюркского, а затем Западно-Тюркского каганата. Но нашествие монголов надолго прервало процесс экономического и культурного развития территории, замедлило процесс образования казахской государственности.

Выгодное географическое положение на Шёлковом пути, развитие торговых и культурных связей, стремление народа к национальному единению и собственной государственности позволили преодолеть последствия монгольского ига. К началу XV века процесс консолидации казахского народа в основном завершился, возникло Казахское ханство.

Северная часть Акмолинской области — Ишимо-Иртышские степи — входила в состав владений хана Кучума и была покорена дружинами Ермака ещё в конце XVI века.

Внутренние противоречия Казахского ханства, междоусобица, противоборство с джунгарами, жестокие набеги башкир, волжских калмыков и русских казаков с одной стороны, с другой — кокандцев и хивинцев, подтолкнули к политическому союзу с Россией.

После присоединения территории современного Казахстана к России, возникла необходимость в реформе административно-территориального деления. Таким образом, 21 октября 1869 году в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств была создана Акмолинская область, в состав которой входили несколько уездов — Акмолинский, Омский, Петропавловский, Кокшетауский и Сарысуский. Уезды делились на волости, а те, в свою очередь — на аулы.

В 1882 году область вошла в состав Степного генерал-губернаторства, административным центром которого был город Омск.

В конце XIX — начале XX века в рамках аграрной реформы началось массовое переселение крестьян из европейской части Российской империи в Сибирь и Северный Казахстан, в результате чего, наряду с казахскими, здесь стали образовываться русские волости, что и определило национальный состав региона. В Акмолинский уезд направлялись переселенцы преимущественно из Самарской, Воронежской, Харьковской губерний и Донской области. В абсолютном большинстве это были малоимущие, безземельные бедняки.

По причине не очень благоприятных почвенных и климатических условий главной отраслью хозяйства в области долгое время было кочевое скотоводство. Трудно представить, но в 1887 году население области владело 2 млн. 217 тыс. голов скота, причём на одного оседлого жителя приходилось 1,3, на одного кочевника — 6,1 голов скота.

Начиная с середины XIX века, область была местом ссылки революционеров. Здесь оказались участники польского и российского освободительного движения, которые сыграли заметную роль в политическом просвещении местного населения. Под их влиянием часть служащих и рабочих региона вовлекалась в политическую борьбу.

Революционное движение в Акмолинской области носило, скорее, национально-освободительный характер. Народные волнения были вызваны отбором земель и пастбищ, непомерными налогами и неумными поборами чиновников, мобилизацией на тыловые работы в период первой мировой войны.

На протяжении истории название области несколько раз менялось. После установления Советской власти Акмолинская область в 1918 году в полном составе своих уездов решением съезда советов рабочих,

крестьянских и солдатских депутатов была переименована в Омскую. Но с установлением в Сибири диктатуры Колчака область вновь стала Акмолинской. А год спустя, после свержения диктатуры белого адмирала, опять вошла в состав Омской губернии.

Наконец, в апреле 1921 года Акмолинская губерния с центром в г. Петропавловске оказалась в составе Киргизской (Казахской) АССР. В 1928 году в стране было принято новое административное деление, в результате которого образован Акмолинский округ с центром в г. Акмолинске. Однако не прошло и двух лет, как в связи с началом коллективизации округа были ликвидированы, а районы, наоборот, укрупнены и подчинены непосредственно республиканским органам. Позднее было признано целесообразным создать “опорные пункты” руководящих республиканских органов, которые тесно связали бы руководство Казахстана с районами. Так в республике возникли шесть областей и в их числе — крупная Карагандинская область с центром в г. Петропавловске. В неё вошли 23 района, в том числе и Акмолинский.

В середине тридцатых годов в экономике республики нарастало развитие промышленности. В регионе появились несколько золотодобывающих рудников — Бестобинский, Сталинский, Жолымбетский. Строительство железнодорожной ветки Боровое — Акмолинск продвигалось всё дальше и дальше на юг, создавались совхозы и машинно-тракторные станции, возникали новые населённые пункты и, соответственно, увеличивалось население.

Рост населения был обусловлен ещё и появлением на секретной карте республики “островов” громадного сталинского архипелага ГУЛАГ — Главного управления лагерей. Развитие Карагандинского угольного бассейна потребовало создания знаменитого Карлага, а строительство объектов цветной металлургии в восточном регионе — Степлага. В моём родном районе был дислоцирован не менее печально знаменитый АЛЖИР — Акмолинский лагерь жён изменников родины, или 26-я точка.

Население росло и за счёт активно ссылаемых в Казахстан “врагов народа” — кулаков и других жертв политических репрессий. В 1936-1938 годах в Акмолинский район были депортированы корейцы с Дальнего Востока. Этими людьми, так называемыми спецпереселенцами, срочно возводились отдельные трудовые посёлки, или точки, которым присваивались номера. Впоследствии они получили статус сёл, стали совхозами. А на базе 26-й точки вырос сперва очень рентабельный совхоз “Акмолинский”, а впоследствии одно из мощнейших предприятий агропромышленного комплекса республики — Целиноградское производственное объединение по птицеводству, возглавляемое талантливым хозяйственником Героем Соцтруда Иваном Ивановичем Шарфом.

Руководить таким гигантским хозяйственным комплексом становилось всё труднее и труднее, поэтому 14 октября 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за счёт территорий Карагандинской и Северо-Казахстанской областей была создана Акмолинская область с центром в г. Акмолинске. Сначала она объединяла 15 довольно крупных сельских районов и г. Степняк. Два года спустя от Карагандинской области в Акмолинскую отошёл и Кургальджинский район — родина розового фламинго и казахстанская Мекка рыбаков и охотников, среди которых впоследствии бывали Д. А. Кунаев, Л. И. Брежнев, министр среднего машиностроения СССР Е. П. Славский и другие видные личности.

А затем грянула война.

В области сразу же развернулась мобилизация в действующую армию, а затем в трудовую армию, на которую было возложено строительство важнейших индустриальных и транспортных объектов оборонного значения. Только в трудовую армию область направила 32,5 тыс. человек, а общее количество мобилизованных составило почти четверть населения региона предвоенного времени.

Никогда не возвратятся к своим родным очагам более 30 тысяч моих земляков-акмолинцев, погибших на полях великих сражений.

И в битвах с врагом, и на трудовом фронте в эти жестокие годы акмолинцы продемонстрировали свои лучшие качества — подлинный героизм и патриотизм, негибаемую силу воли и гражданское мужество. В историческую летопись страны вошло так называемое “елемесовское движение”, названное по имени Писбекбая Елемесова из колхоза “Октябрь”. Шестидесятилетний аксакал организовал на косовице хлебов звено высокой выработки, которое на примитивных жатках-лобогрейках ежедневно убирало хлеб на 16-18 гектарах. Только в Акмолинском районе работало 120 таких звеньев. Сотни элитных лошадей, выращенных в колхозе “Берлик” опытным коневодом Оразбеком Жолдасбековым, тоже были отправлены на фронт.

В целом промышленное производство в области за годы войны возросло на 63 процента.

Более 70 млн. рублей личных сбережений, килограммы драгоценностей внесли акмолинцы в Фонд обороны страны, 13,2 млн. собрали на танковую колонну “Акмолинский колхозник”. Поступления от реализации облигаций государственного займа превысили 187,5 млн. рублей. На 100 тысяч рублей наличными деньгами, собрав эту сумму по всем родственникам, подписалась на государственный заём колхозница сельхозартела “Кызыл-ту” Мадина Сарсембаева. Ощутимой была и продовольственная помощь акмолинцев шахтёрам Караганды.

Заботой и вниманием окружили мои земляки 68,5 тыс. переселенцев из оккупированных и прифронтовых территорий СССР, а также депортированных граждан — немцев, ингушей, чеченцев, для которых степные просторы Приишимья стали поистине второй родиной.

С особой теплотой встречали акмолинцы эшелоны раненых воинов. Здесь были дислоцированы три эвакуационных госпиталя. Всё возможное делалось, чтобы возродить раненых к жизни, помочь им вернуться в строй. К сожалению, для многих из них акмолинская земля оказалась последним приютом. В память о них на городском кладбище воздвигнут мемориал, около которого каждый год в канун Дня Победы мы, то есть администрация города, организовывали для ветеранов войны поминальный солдатский обед.

В годы войны высшее звание отличия — Герой Советского Союза — присвоено 38 воинам-акмолинцам, семеро стали полными кавалерами ордена Славы трёх степеней.

Честно трудились мои земляки и в трудные послевоенные годы. Сегодня не всеми однозначно оценивается эпопея целинных и залежных земель. Но то, что этот этап стал мощным импульсом для развития не только северных регионов, но и всей республики — совершенно однозначно.

В первой половине 1954 года поднимать Целину на Акмолинщину прибыло свыше 20 тысяч человек, было создано 27 новых хозяйств, а за

два последующих года их число в регионе удвоилось. Причём это были мощные, оснащённые новой техникой колхозы и совхозы с большими центральными усадьбами и хорошим жильём. В 1956 году область дала первый большой хлеб — 180 млн. пудов зерна, средняя урожайность превысила 10 центнеров с гектара, 29 акмолинцам было присвоено звание Героя Социалистического Труда. На всю страну гремели впоследствии известные имена казахстанского Маресьева Леонида Картаузова, механизаторов Михаила Довжика, Нургабула Малгаждарова и Владимира Дитюка, несколько позже — Наташи Геллерт, свиарки Анны Диде и других, сегодня незаслуженно забываемые. В декабре 1960 в составе Казахской ССР был образован Целинный край, центром которой стал г. Акмолинск, в марте 1961 года переименованный в Целиноград. Спустя 31 год, 6 июля 1992 года, Верховный Совет Республики Казахстан удовлетворил ходатайство областной и городской ономастических комиссий и своим постановлением восстановил исконные названия — Акмолинская область и город Акмола. Но это уже другая история.

Мой отец, Куаныш Булекпаев, участник боёв за Халхин-Гол, пулемётчик, родом был из крестьянской семьи. После ранения он вернулся с войны домой с орденом боевого Красного Знамени. (Орден этот долгое время находился среди экспонатов Акмолинского краеведческого музея). Мать была школьной учительницей.

Какое-то время мы жили в Акмолинске, отец работал инструктором областного комитета партии, часто ездил по области, потом его перевели заместителем директора Рождественской МТС по политработе — была тогда такая должность, что-то вроде замполита.

Несмотря на то что отец занимал солидные по тем временам должности, жили мы очень скромно. Трое из пятерых детей умерли от голода и болезней, остались я и мой старший брат — Амантай.

Обычное послевоенное детство. Зимой мы по очереди носили одни затёртые до дыр валенки, а в остальное время года вообще не знали никакой обуви. Летом подошвы ног покрывались такой прочной коркой, что никакая степная колючка нам была не страшна.

Босоное детство прошло в Рождественке. Это немецко-казахское село с праздничным и звучным христианским названием было основано в 1885 году. Я полюбил Рождественку первой детской любовью, привязался к ней как к родному дому и всегда вспоминаю с большой душевной теплотой. Село было большое, но компактное, уютное, избы в нём были чистенькие, выбеленные, и жили мы там дружно, куском хлеба делились в голодное время. После войны действительно было очень трудно, особенно селянам, и насчёт куска хлеба — это отнюдь не образное преувеличение.

Я сказал, что Рождественка была немецко-казахским селом. Это не совсем так. Правильнее было бы назвать её многонациональной. Основу населения действительно составляли казахи и немцы, причём немцев было большинство. Немецкие семьи жили здесь ещё с прошлого века. Были здесь семьи потомков стольпинских переселенцев, но в большинстве — это были семьи вынужденных переселенцев с Поволжья и юга Украины — из Одесской, Николаевской и Херсонской губерний. Несмотря на трудности этот трудолюбивый народ прижился на казахской земле, обустроился,

оброс хозяйством, и многие из немецких семей жили по тем временам, в общем-то, весьма зажиточно.

Этого нельзя сказать об ингушских семьях, тоже вынужденных переселенцах, депортированных в Казахстан к концу войны. Гордые дети гор не могли привыкнуть к суровому климату нашего края, да и хозяйства практически не вели, полеводством, огородничеством не занимались, приусадебные участки не возделывали. Некоторые из них нанимались пасти лошадей, но в целом нация бедствовала, и в их чёрных, как уголь, глазах мне всегда виделась смертная тоска по родному Кавказу.

Когда сорок с лишним лет спустя мне довелось присутствовать на проводимом Акмолинским национально-культурным центром празднике вайнахов, я с удовлетворением отметил, что, несмотря на весь драматизм судьбы, нация сумела сохранить свою культуру, язык и традиции, сберечь душу своего народа.

В Рождественке действовала комендатура. Чтобы сходить по делам в расположенную в трёх километрах Романовку, только через реку перебраться, вынужденным переселенцам приходилось оформлять разрешение. Я уж не говорю о поездке в Акмолинск, чтобы продать кой-какую живность, купить детям обновки к школе — это было ещё более проблематично и унижительно.

Мне шёл двенадцатый год, когда умер Сталин. Помню заплаканные глаза моей первой учительницы Пашковской, плакала мать, отец был мрачнее тучи. Впрочем, искренне, неподдельно скорбели по случаю смерти вождя и немецкие, и ингушские семьи. Везде висели его портреты в траурных лентах, в совхозе прошёл траурный митинг, в школе — линейка.

Сегодня я понимаю, что во многих душах смерть Сталина наверняка возродила надежды на изменение судьбы, но публично этого никто, разумеется, не демонстрировал.

Вскоре закрыли комендатуру, и большая часть ингушей сразу же выехала на Кавказ.

А мы жили по-прежнему трудно, но дружно, особенно дети. Я дружил с братьями Фляманами и Кунцами. Между прочим, немцы легко выучили казахский язык, а многие казахи, особенно молодые, вполне сносно “шпыхали” по-немецки. Жизнь сама определяла наши языковые потребности. Я до сих пор неплохо понимаю немецкую разговорную речь, во всяком случае с мэром Ганновера изъяснялся без особых проблем.

Отец моего друга Алпысова, тоже участник войны, был водителем, у меня шоферили дядя и двоюродный брат. Рано проснувшаяся страсть к технике тянула меня к автомобилю. И хотя ноги до педалей не доставали, однажды грузовик я всё-таки угнал, нажимая на педали руками. Выволочка, конечно, была знатная.

За отцом в МТС для служебных поездок закрепили пару лошадей, обязанность ухаживать за которыми он возложил на меня. А летом я у него и вовсе за кучера был. На ночь я отпускал лошадей пастись в степь, а рано утром ловил их, водил на водопой, запрягал, и мы с отцом отправлялись по полям, в бригады. Зачастую, особенно в период уборочной кампании, оставались там ночевать. Я до сих пор помню тусклые фонари комбайнов, работающих ночью в бескрайней казахстанской степи. Комбайны цеплялись к тракторам, которые и таскали их по полю. А люди работали преимущественно лопатами.

Я давно уже стал городским жителем, в селе бываю нечасто, но детские впечатления о родном крае крепко сидят в моей памяти. Бывало, едешь по полю и слышишь — а ведь степь живая, живёт своей собственной жизнью: кузнечики трещат, птицы поют, сурки стоят на задних лапках, небольшие корсачки, зайцы то здесь, то там мелькают. Грач, сорока, трясогузка, жаворонок, кукушка — главные пернатые степняки. Богата и фауна нашей степи. Здесь и суслики, и тушканчики, зайцы и лисы, встречаются волки и барсуки. Сайгаки в те времена табунами по степи ходили. Но не дай бог выберут для лежбища хлебное поле, всё — пропал урожай, вытопчут пшеницу на огромных участках, как Колчак прошёл.

А запах степи — удивительный. Это букет из полыни, грудницы, степного шалфея, пырея и ещё множества трав с неизвестными мне названиями.

Памятен мне запах свежесобранного хлеба. Во время уборки уже прохладно бывало, денёчки-то осенние, а одежонка ветхая. Вот я и залезал в кузова машин греться в пшенице. Руки-ноги спрячешь в тёплое зерно, дышишь его благородным теплом и запахом, и такое чувство умиротворения и покоя охватывает — словами не передать.

Старики обычно говорят, что в их времена всё было по-другому и, как правило, лучше, чем сейчас. Не думаю, что это так. Скорее, мировосприятие, мироощущение было другое. Ребёнок открывает мир для себя, юноша — познаёт, взрослый человек — анализирует, соотносит, определяет причинно-следственные связи, а старик — оценивает с высоты обретенного им жизненного опыта, куда входят и первые детские ощущения и открытия. А они очень сильны, многие сохраняются на всю жизнь.

Для меня одним из самых ярких детских впечатлений стали выборы. Это, прежде всего, был праздник. С утра на всё село гремела музыка, создавая праздничный колорит дня и соответствующее настроение. Опрятно одетые сельчане тянулись к клубу, где проходило голосование. Голосовали с большой радостью, с удовольствием, и к середине дня выборный процесс в основном завершался. Обычно после голосования организовывали бесплатный праздничный обед, накрывался большой дастархан: бесбармак, баурсаки, конфеты. Взрослые на законных основаниях принимали грамм по сто-двести. Обед был немаловажным событием, так как по большому счёту селяне жили всё-таки бедно, повседневной, обычной пищей были хлеб, айран, курт; мясо бывало нечасто, обычно — по осени, а уж конфет для детворы никогда много не бывает. Поэтому выборы с бесплатным сытным обедом запоминались надолго.

Быть может, несколько лубочная получилась картинка, но что поделаешь, в моих воспоминаниях выборы сохранились именно так.

Мы все учились понемногу — это классик про меня сказал. В Рождественской средней школе я действительно не так уж сильно обременял себя науками. Не то чтобы я был таким уж хулиганистым сорванцом и кошмаром для учителей, но директор школы, бывший фронтовик Николай Иванович Ерзиков, довольно часто скорбно качал головой, ставя мне в пример старшего брата Амантая, который хорошо учился и рос серьёзным, целеустремлённым юношей. После окончания школы он поступил в Алма-Атинский политехнический институт, успешно окончил его, работал мастером и начальником участка, управляющим строительным трестом, затем возглавил Алма-Атинский домостроительный комбинат.

В 1955 году в МТС в рамках сельскохозяйственных преобразований началась реорганизация, и отца перевели в Акмолинск, куда переехала вся семья. Он уже часто болел, сказывались и полученные на фронте ранения, и нервная работа, и в целом очень нелёгкая жизнь. Вскоре отец умер в возрасте 56 лет, так и не дожив до пенсии.

С тех пор, с переездом в Акмолинск, закончилось и моё детство.

Мы поселились в небольшом домишке по улице Октябрьской, ныне улица М. Ауэзова, в районе ресторана “Север”.

Наша современная столица, бывший Акмолинск, а потом Акмола, имеет большую и интересную историю, вполне заслуживающую, чтобы её рассказать здесь.

Появлению города Акмолинска предшествовало введение царским правительством административного управления Сибирью и разделение её в 1822 году на Западную и Восточную. В Западную Сибирь вошли Тобольская, Томская губернии и Омская область, которая, в свою очередь, была разделена на внушительные округа, в том числе и Акмолинский.

Для подготовки к открытию Акмолинского округа из Петропавловска в конце мая 1830 года был направлен отряд сибирских казаков под командованием подполковника Фёдора Кузьмича Шубина. В июне отряд прибыл на участок под названием Кара-Уткуль на реке Ишим. Этот участок, благодаря его удобному географическому положению на пересечении путей торговых караванов, Фёдор Шубин выбрал для размещения центра окружного приказа.

Строго говоря, первоначально планировалось создать укрепление на берегу реки Нуры, в урочище Акмола, в 30 километрах от современного города. Но место было признано неподходящим: реки Нура и Ишим по весне выходили из берегов и затопляли большую территорию. Поэтому строительство перенесли в урочище Кара-Уткуль, но первоначальное наименование, по названию известковой сопки на берегу Нуры, сохранилось.

Выбор Шубина одобрили султаны — старшины казахских волостей Омской области. Именно здесь, в Кара-Уткуле, они письменно засвидетельствовали одобрение места для создания Акмолинского укрепления. А в 1845 году на базе укрепления была образована казачья станица Акмолинская. Спустя 17 лет она получила статус города.

Уместно сказать, что впоследствии одна из улиц Акмолы носила имя Фёдора Шубина.

Не прошло и десяти лет после создания, как Акмолинский округ оказался в центре мощного национально-освободительного движения, возглавляемого внуком хана Аблая, казахским дипломатом и полководцем Кенесары Касымовым.

Этот период истории Акмолы очень талантливо изображён в интересной повести “Лихолетье” известного акмолинского писателя Андрея Дубицкого, внёсшего большой вклад в изучение истории Приишимья и развитие местного краеведения, почётного гражданина города Акмолы.

В октябре 1868 года императорским указом была образована Акмолинская область с центром в городе Омске.

1 января 1869 года небольшой городок на Ишиме стал центром Акмолинского уезда в составе одноимённой области, по-прежнему управлявшейся из Омска. Город, занимавший очень выгодное положение на

караванном пути из Ташкента в Петропавловск, быстро превращался в крупный по тем временам торговый центр. А знаменитая Акмолинская ярмарка, товары которой шли на Урал и в другие регионы империи, проводилась ежегодно с участием торговцев России и зарубежных городов. Её товарооборот порой достигал порядка 50-80 млн. рублей. Так в Акмолинске сформировалось купечество.

Наплыв переселенцев, проникновение в степь товарно-денежных отношений привели к заметным сдвигам в социально-экономической сфере. В конце XIX — начале XX веков в городе возникают мелкие кустарные предприятия, сооружена скотобойня, мыловаренный и салотопенные заводы. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года, в Акмолинске проживало около 10 тысяч жителей, в большинстве своём мещан.

К началу первой мировой войны численность города составляла уже порядка 15 тысяч жителей. Значительно увеличилось количество кустарных предприятий, было три общеобразовательных училища, сельскохозяйственная школа, медресе, реальное училище, две библиотеки.

Дореволюционный Акмолинск походил, скорее, на большое торговое село с прямоугольной сеткой улиц. Каменные строения — преимущественно купеческие дома — располагались лишь в центре города. Это, к примеру, сохранившиеся доныне дома купцов Семёнова (на ул. Бейбитшилик около департамента УВД г. Астаны), Кубрина (ныне здание посольства Украины), Моисеева (городская поликлиника ветеранов войны и труда по ул. Бокейхана). Вокруг располагались улицы, застроенные преимущественно деревянными домами зажиточных казаков (ныне ул. Пушкина, проспект Республики), а их обрамляли саманные мазанки.

Нужно сказать, что Октябрьская революция больших изменений в судьбу Акмолинска не привнесла. Он оставался провинциальным городком, промышленность почти не развивалась, пролетариата не было.

В революционной истории города не так уж много ярких страниц. В силу своей отдалённости от российских центров революционного движения, господства патриархально-феодальных отношений, инертности населения создание Советской власти здесь несколько задержалось. Первый Совдеп был создан лишь летом 1917 года, но рабочих, солдат и крестьян в нём практически не было. А большевистская партийная организация появилась и того позже — в декабре 1917 года. Поэтому народные выступления носили здесь в основном стихийный характер, сводились когда к мелким погромам местных богатеев, когда к грабежу магазинов. Только в канун нового 1918 года собрание трудящихся города приняло решение о переходе власти в руки Советов, а первый уездный съезд Советов состоялся в феврале. Тогда же был избран исполком уездного Совдепа, куда вошли С. Сейфуллин, А. Асылбеков, С. Лозянский, Н. Монин, З. Катченко, Б. Серикбаев и другие видные деятели того времени. Впоследствии их именами были названы улицы города.

Первый Акмолинский Совдеп тоже особенно не отличился. Наведение революционного порядка, создание милиции и отряда красноармейцев, подготовка к севу, конфискация товаров и сельхозпродукции у купечества и зажиточных крестьян — вот его первые шаги. Были введены фиксированные цены на мясо, у местного богача Петра Моисеева конфисковали мельницу. Но большинство населения по-прежнему оставалось в стороне от революционных событий.

Совдеп просуществовал недолго. В начале июня 1918 года советская власть в Акмолинске была свергнута, совдеповцы арестованы и отправлены в тюрьму. Дальнейшая их судьба оказалась трагичной: после семимесячного изнурительного заключения 57 активистов из числа арестованных были отправлены в Петропавловск. Большинство из них погибли в омских концентрационных лагерях и “вагонах смерти” белого атамана Анненкова.

Эти противоречивые годы нашли отражение в мемуарном романе “Тернистый путь” Сакена Сейфуллина, который является наиболее выдающейся и яркой личностью степного Приишимья столь драматичного времени.

Условно Сакена Сейфуллина можно назвать нашим земляком. Он родился в Нельдинской волости Акмолинского уезда. Впоследствии эта территория относилась к Джезказганской области. Но его становление как незаурядной и многогранной личности, как государственного и политического деятеля, известного поэта, прозаика и просветителя произошло на Акмолинщине, которая вообще щедра на таланты.

География тернистого и полного опасностей героического пути Сакена Сейфуллина широка и разнообразна. Он учился в Акмоле, затем в Омске, где сблизился с революционно настроенными рабочими, неоднократно бывал в Оренбурге. В Казани увидел свет первый сборник его стихов. В Акмоле после разгрома Совдепа он был арестован, на себе испытал все ужасы анненковского “вагона смерти”. Избежав верной гибели, Сакен попадает в древний Аулие-Ата, нынешний Тараз, затем вновь возвращается в Акмолу, откуда избирается в ЦИК республики. В 28 лет возглавив первое правительство Казахской АССР, Сакен Сейфуллин впоследствии трудился в Алма-Ате, в разные годы преподавал в учебных заведениях Кызыл-Орды и Ташкента, до ареста, последовавшего 24 сентября 1937 года, возглавлял организацию казахстанских писателей.

Закономерно, что именно в Акмоле был создан единственный музей имени Сакена Сейфуллина, где собраны уникальные экспонаты, его личные вещи и предметы быта — немые, но красноречивые свидетели времени и спутники жизни выдающегося человека.

Характерно, что акмолинцы всегда тепло относились к Сакену Сейфуллину, не без оснований считая его своим земляком. Его имя было присвоено одной из центральных улиц города, где одно время находился и главный орган городской власти, а также областной библиотеке и т. д.

Более того, в честь Сакена Сейфуллина в Целинограде, в районе носившего его имя педагогического института ещё в середине семидесятых годов был установлен памятник этому выдающемуся человеку. Автором монумента стал известный акмолинский скульптор Юрий Буштрук, кстати, в своё время приехавший на целину по комсомольской путёвке. В канун переезда в Акмолу столицы государства на улице Сейфуллина, около музея, установлен новый, более величественный памятник Сакену, автором которого является наш земляк, талантливый скульптор Азат Баярлин. Примечательно, что вместе с ним над проектом памятника плодотворно трудились член-корреспондент Российской академии художеств Орэг Демирханов и член Союза художников Казахстана Эрвин Зайбель. Думается, этот многонациональный творческий союз стал символом благодарной памяти потомков о своём знаменитом герое.

В конце 1919 года Советская власть на Акмолинщине была восстановлена, и город вновь стал потихоньку развиваться.

К 1927 году население составляло 27 тысяч человек, это примерно современный Акколь. Действовало два Народных дома — были тогда такие формы культпросветработы, что-то среднее между избой-читальней и домом культуры. В 1920 году в городе открывается педагогический техникум. В 1923 году появился историко-краеведческий музей, между прочим, один из первых в республике.

Но экономическое развитие шло медленно, даже нэп не ускорил этого вялого ритма. Некоторое оживление последовало лишь в тридцатые годы. В городе появились первые автомобили, были построены кирпичный и камышитовый заводы, мастерская по ремонту сельхозинвентаря, переоборудована городская типография. Производившие преимущественно мелкие товары народного потребления кустари стали объединяться в промартели. Таким образом были созданы мебельная фабрика, промкомбинат и мясокомбинат — «флагманы» местной промышленности тех лет. «Флагманы» даже по тем временам были маломощными: мясокомбинат, к примеру, способен был переработать не более 80 голов скота в сутки. Строительный техникум, тоже являющийся старейшим учебным заведением города, и другие средние специальные учебные заведения были созданы несколько позже, в тридцатые годы.

До 1926 года в Акмолинске была всего одна больница на 20 коек, амбулатория и зубоучастный кабинет. Пользовали горожан три врача, акушерка, зубной техник и медицинская сестра. Но уже в 1928 году открывается туберкулёзная больница, спустя год амбулатория реорганизуется в поликлинику, создаются вендиспансер и скорая медицинская помощь. К 1940 году количество стационарных койко-мест в акмолинских больницах достигло 260, был свой роддом, женско-детская консультация и даже электролечебница.

Медленное развитие Акмолинска объясняется тем, что наш город не всегда был областным центром. И лишь незадолго до Великой Отечественной войны, когда в октябре 1939 года он таковым стал, перед Акмолинском открылись новые перспективы.

В предвоенном Акмолинске проживало около 35 тысяч жителей, работало порядка 50 небольших предприятий, имелось 17 школ, фабрично-заводское и железнодорожное училища. Была и Всесоюзная комсомольская стройка — строительство железнодорожной линии Карталы — Акмолинск, где трудилось более 21 тысячи человек, отнюдь, разумеется, не комсомольцев, а вынужденных переселенцев из западных районов Белоруссии и Украины.

В годы Великой Отечественной войны тысячи акмолинцев ушли на фронт, а город стал местом формирования нескольких воинских соединений.

Может, это прозвучит несколько цинично, но в становлении Акмолинска крупным промышленным центром важную роль сыграла война. Именно она стала мощным импульсом для экономического развития города.

За труднейшие годы военного лихолетья на базе эвакуированного из Мелитополя станкостроительного завода был построен насосный завод, на базе харьковского миномётного завода — завод “Казахсельмаш”, впоследствии крупнейшее в республике предприятие сельскохозяйственного машиностроения. Часть прибывшего оборудования заводов удалось разместить в приспособленных помещениях, но в основном их корпуса пришлось строить заново. Трудовые коллективы эвакуированных заводов пополнились акмолинцами, в том числе женщинами и учащимися школ старших классов, которые своим упорным трудом в глубоком казахстанском тылу приближали победу. Бороны, детали к сельскохозяйственным машинам от завода “Казахсельмаш” уже в 1943 году стали поступать в совхозы и колхозы не только нашей области и республики, но и в хозяйства Сибири, Урала, Поволжья, Подмосковья.

Практически все промышленные предприятия города перешли на выпуск оборонной продукции, выполняли заказы фронта. При заводе “Казахсельмаш” для подготовки высококвалифицированных рабочих было организовано ФЗУ, впоследствии машиностроительный техникум, одно из лучших средних специальных учебных заведений города. Всего за годы войны вступило в строй 16 предприятий самого разного профиля, промышленность города выросла в 2,5 раза, выпуск валовой продукции — в четыре раза. Большие изменения произошли на железнодорожном транспорте: к концу войны пропускная способность дороги увеличилась в 2,6 раза, построен вагоноремонтный завод, произведена реконструкция депо.

Благодаря удачной транспортной развязке Акмолинск сыграл важную роль в формировании воинских частей и соединений. Здесь по приказам Наркомата обороны были укомплектованы, в том числе и местным населением, три стрелковые и одна кавалерийская дивизии.

Население Акмолинска за счёт прибытия эвакуированных из оккупированных районов граждан увеличилось в 2,5 раза. В трудных условиях военного времени было принято решение обеспечить горожан продуктами питания путём развития подсобных хозяйств при предприятиях. Было создано 35 подхозов, общей посевной площадью более 3,5 тысяч гектаров. В год они давали порядка 10-12 тысяч пудов сельскохозяйственной продукции. Резко увеличилось количество индивидуальных и коллективных огородов горожан, численность частного скота на их подворьях тоже возросла вдвое.

Жить, конечно, лучше не стало, поскольку все горожане, от мала до велика, помогали фронту. На строительство танков и самолётов акмолинцы собрали колоссальную по тем временам сумму — 3 млн. 719 тыс. рублей, за что удостоены личной благодарности Верховного Главнокомандующего. Воинам-фронтовикам отправлен 21 вагон подарков — тёплых вещей и предметов солдатского быта. Акмолинцы взяли шефство над разрушенным фашистами городом Орлом, помогали восстанавливать освобождённые от оккупации территории других республик.

Первые послевоенные годы тоже были нелёгкими. С завершением в 1952 году строительства железнодорожной линии Акмолинск — Павлодар город превратился в достаточно крупный железнодорожный узел северного региона республики. Кстати, тогда же в Акмолинске построена первая в Казахстане детская железная дорога.

Если бы современные молодые астанинцы увидели Акмолинск первой половины пятидесятых годов прошлого века, они, я думаю, в жизни не поверили бы, что этому провинциальному городку суждено быть будущей столицей нашего государства. А ведь прошло всего-навсего каких-то полсотни лет — капля в океане вечности.

Город по-прежнему оставался преимущественно одноэтажным. Правда, в центре уже были трёхэтажные здания гостиницы “Ишим”, школы № 1 им. Кирова, телеграфно-телефонной станции, железнодорожного техникума, кинотеатра “Октябрь”, а самым престижным являлось здание управления железной дороги, где впоследствии разместились пионеры переезда в новую столицу — Минтранском и Минсельхоз. До того как в 1954 году сдали в эксплуатацию Дворец культуры железнодорожников, зал заседаний управления дороги был единственным местом проведения крупных городских мероприятий — пленумов, конференций, концертов и так далее.

Недалеко от нашего саманного домишки раньше располагался лагерь японских и немецких военнопленных. Я помню, как они каждое утро колоннами выходили на работу. Растянувшейся от старой горбани до самого вокзала цепочкой они, сидя на корточках, мостили улицу Октябрьскую, вбивая молотками в песок серый бульжник. Тук-тук-тук, тук-тук-тук.

Ненавидя к военнопленным горожане не испытывали, иногда угощали их папиросами.

Позже по этой мостовой стал ходить единственный в городе автобус, водителем и одновременно кондуктором которого была могучая, известная всему городу тётя Маша. И летом, и зимой одетая в один и тот же комбинезон, с неизменной “беломориной” в зубах, она внушала нам, мальчишкам, замешанное на страхе уважение. Зимой мы частенько цеплялись за буфер автобуса специально заготовленными для этой цели крючками и катились по скользкой дороге. Пару раз тётя Маша ловила меня, лупцевала и маты при этом гнула такие, какие не всякий сапожник имеет в своём лексиконе.

В эти годы я серьёзно увлёкся боксом в секции Дворца пионеров, а затем занимался самбо в спорткомплексе “Динамо” у тренера Николая Митрофановича Мирошника. Но в “большой спорт” я не попал, да, честно сказать, к этому и не стремился.

Приближалась героическая для Акмолинска целинная эпопея.

Сегодня не многие помнят, что первый эшелон энтузиастов-целинников прибыл в Акмолинск 2 марта 1954 года отнюдь не из России и не из других республик бывшего Союза ССР, а из столицы Казахстана г. Алматы. Так что в части переселения с юга на север алматинцы и до переноса столицы имели некоторый исторический опыт.

Первых новосёлов-москвичей Акмолинск торжественно встречал 5 марта. Потом процесс, как говорится, пошёл, эшелон прибывал за эшелонами.

Освоение целинных и залежных земель явилось стартом интенсивного подъёма не только сельского хозяйства, создания новых колхозов и совхозов. Это был период мощного экономического и административного становления областных центров северного региона республики и особенно нашего города. Городские предприятия расширяли производство сельскохозяйственной техники и стройматериалов. Только в 1956 году освоен

выпуск 20 новых наименований, впервые началось производство железобетонных конструкций на заводе ЖБК специально для развернувшейся в городе гигантской стройки, было введено 23 километра асфальтовых и грейдерных дорог, заасфальтировано 520 кв. метров тротуаров. В целом в первые годы освоения целины объём валовой продукции в промышленности и на транспорте удвоился.

Сегодня при грандиозных масштабах строительства Астаны этими цифрами никого не удивишь. Но это было более 50 лет назад, в рамках другой социально-экономической формации и совершенно иной политической системы, в условиях ещё не восстановленного хозяйства, разрушенного войной.

Город преображался. За неполные два года было введено 12 тыс. квадратных метров жилья, построен мост через реку Ишим, новая больница, комбинат бытового обслуживания. На улице Мира (ныне Бейбитшилик) появились первые пятиэтажные дома. По данным переписи 1959 года в городе проживало более 100 тыс. человек. В Акмолинске уже имелось семь техникумов и пять средних профтехучилищ, в 1958 году открылся первый вуз — Акмолинский сельскохозяйственный институт.

За годы своего существования этот вуз, ныне университет, подготовил тысячи специалистов для всех отраслей сельского хозяйства. Практически все районные и некоторые областные акимы северного региона республики, их заместители, начальники департаментов сельского хозяйства, многие работники Минсельхоза, руководители агропромышленных предприятий, объединений и коммерческих структур являются выпускниками этого замечательного вуза. Должен сказать, что я и сам его окончил в своё время.

Я всегда с благодарностью и теплотой вспоминаю его высокопрофессиональных преподавателей и не погрешу против истины, если скажу, что становление института, его развитие неразрывно связаны с именем заслуженного деятеля науки Казахстана, профессора Моисея Ароновича Гендельмана, который проработал в вузе со дня его основания, причём 20 лет — в качестве ректора. Думаю, аналогов данному феномену не так уж много найдётся на всём постсоветском пространстве. Именно под руководством Моисея Ароновича провинциальный вуз превратился в один из ведущих центров казахстанской сельскохозяйственной науки.

Большой вклад в развитие вуза внесли талантливые казахстанские учёные и организаторы науки, также успешно и плодотворно возглавлявшие институт, Кенжегали Абенович Сагадиев и Яков Яковлевич Мауль. Вслед за ними эту почётную эстафету достойно продолжил и Бекен Окенович Алимжанов, ныне депутат Мажилиса Парламента страны.

К этому же периоду восходит и создание в городе научно-исследовательских учреждений, начало чему было положено открытием в июне 1959 года в Акмолинске Казахского филиала Всесоюзного НИИ зерна и продуктов его переработки.

Но вернёмся назад, к началу героической целинной эпопеи.

В освоении целинных и залежных земель акмолинцы приняли самое активное участие. В первый же месяц в городской комитет комсомола поступило более 500 заявок, 121 рабочего в хозяйства области направил

завод “Казахсельмаш”, по инициативе заводчан родилось и широко развернулось движение за оказание помощи совхозам и МТС, в которое потом включились многие города республики. Комсомольско-молодёжная бригада Акмолинского железнодорожного узла выехала покорять ковыльскую степь в полном составе во главе со своим бригадиром Кузнецовым.

Я в какой-то мере тоже первоцелинник, не официальный, так сказать, хотя медалью “За освоение целинных земель” награждён вполне официально.

К этому времени я закончил семь классов Акмолинской средней школы № 6 (ныне гимназия № 11) и поступил на курсы водителей автомобилей, в то время называвшиеся курсами шофёров. Таким образом, в 1958 году начался мой трудовой путь в Рождественской автобазе, куда я устроился шофёром после окончания учкомбината.

Целина уже давала большой хлеб, поэтому было решено создать Рождественскую автобазу. Выделили огромную территорию под открытым небом: ни забора, ни конторы, просто место стоянки автомобилей. Не было и общежития, хотя коллектив нашего автопредприятия наполовину комплектовался акмолинскими водителями. Обычно к ночи мы возвращались в город, либо ночевали в Рождественке прямо в кабинах наших автомашин.

Оторванные от семьи мужики частенько по полной программе “оттягивались”, выпивали и по утрам выглядели не лучше, чем посмертная маска Егорушки Гайдара, отчима российской рыночной экономики.

Сказать, что два года работы в Рождественской автобазе стали для меня хорошей жизненной и профессиональной школой, было бы большим преувеличением. Но водительский опыт я приобрёл, конечно, неплохой.

Уже тогда, на фоне грандиозных свершений и героического трудового подвига народа, были ощутимы грубые просчёты и перекосы, особенно в организационном плане. Масштабы производства привлекли на целину большой поток рабочей силы, сельскохозяйственной техники, транспорта, оборудования. К примеру, задачи первого года освоения целинных и залежных земель требовали привлечения, помимо местного населения, не более 130 тысяч новосёлов, в то время как прибыло в Казахстан порядка 650 тысяч человек. Людей нужно было принять, обустроить, организовать питание, создать элементарную инфраструктуру. Всё это в условиях острого дефицита времени, в сжатые сроки. Организационных возможностей не хватало. Поэтому многое делалось на энтузиазме покорителей целины, благодаря свойственной молодёжи во все времена романтике, на примере Павки Корчагина. Колоссальные средства расходовались бездарно, разбазаривалась техника, гибло ценное оборудование, люди в жестоких условиях казахстанской зимы с морозом за тридцать и ветром под тридцать жили в палатках и, естественно, болели. Всего этого можно было избежать.

Как часто бывает в условиях организационного хаоса, находилось немало любителей половить рыбку в мутной воде. Новосёлы-целинники обеспечивались бесплатным проездом и провозом имущества, приличными подъёмными на каждого члена семьи, льготным кредитом на строительство дома со сроком погашения 10 лет. Многие летуны этим пользовались.

Отнюдь не все первоцелинники оказались энтузиастами-романтиками. Среди прибывших покорителей бескрайних казахстанских степей

немало было рвачей, приехавших в дальние края за очередным длинным рублём, пьяниц, представителей криминального элемента. И реальная жизнь в первых целинных совхозах ощутимо отличалась от лубочных картинок в общем-то неплохого кинофильма “Девчата”.

В дальнейшем проявились и более серьёзные просчёты в целинной эпопее.

Подвела гигантомания. В погоне за высокими показателями распались бескрайние территории, что привело к нарушению экологического баланса, началась эрозия почв, выветривался плодородный гумус. Распашке гигантских площадей земли сопутствовало сокращение сенокосных и пастбищных угодий. Тысячи гектаров оказались занятыми под населённые пункты и инфраструктурное обустройство. Следствием такого неразумного, недалёковидного подхода стал невосполнимый ущерб традиционной отрасли народного хозяйства республики — животноводству.

Не способствовали поступательному развитию региона и волюнтаристские методы решения проблем сельского хозяйства. Реорганизация управленческого аппарата, разделение парткомов на сельские и промышленные, ликвидация трестов совхозов и районных сельскохозяйственных инспекций, создание территориальных производственных управлений и последующее упразднение колхозов — такие шарахания из крайности в крайность ощутимо тормозили дальнейшее развитие целинного региона.

Акмолинск между тем постепенно превращался из заштатного провинциального городка в ведущий областной центр северного региона республики. Закономерно, что именно наш город был избран столицей образованного в декабре 1960 года Целинного края, в состав которого, кроме Акмолинской, вошли Кокчетавская, Кустанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области. В марте 1961 года Акмолинск был переименован в Целиноград. И мне порой кажется, что уже в те годы город готовился к своему главному предназначению, к новому взлёту в своей замечательной судьбе — готовился стать будущей столицей свободной и независимой Республики Казахстан.

Спустя два года родители, уставшие от моих постоянных челночных рейсов в Рождественку, стали настаивать, чтобы я перебрался в город и жил, так сказать, оседло.

Я устроился на работу водителем в областную контору Госбанка, получил выдавший виды “ГАЗ-69”, на котором ежедневно возил с инкассаторами деньги в сберкассы города, выручку из магазинов и зарплату на предприятия. Довольно солидные суммы.

По нынешним временам это весьма опасная сфера деятельности, требующая соблюдения жёстких мер охраны. А в то время ни о каких ограблениях инкассаторов или сберкасс мы слыхом не слыхивали, да их, собственно, и не было. Хотя револьверы, времён, вероятно, русско-японской войны, нам выдали.

Инкассаторами работали преимущественно пожилые люди, в том числе несколько женщин. Никакого страха мы не испытывали, относились к своим обязанностям хоть и серьёзно, но не более, чем к любым другим служебным обязанностям. Режим секретности, конечно, соблюдался.

Однажды, в самый канун 1960 года, нужно было доставить деньги, очень внушительную сумму, в Ерментауское отделение Госбанка. “Газик” загрузили под завязку, видимо, несколько миллионов, потому что мешки с деньгами заняли чуть ли не всё пространство кабины, мои коллеги-сопровождающие едва втиснулись. Поскольку подобные операции обычно проводились в ночное время, выехали затемно.

Вероятно, читатели ждут какого-то авантюрного развития сюжета. Но не произошло ровно ничего. С разговорами и шутками доехали до пункта назначения, как картошку выгрузили мешки с деньгами, завершили все необходимые формальные процедуры и отправились назад восвояси.

Я часто думаю: чем объяснить рост преступности? Время идёт, меняются общественно-экономические формации, политические системы и лидеры государств, а преступность растёт в глобальном масштабе, становится всё более изощрённой и жестокой.

Между прочим, в годы моего детства, особенно в доцелинный период, уровень преступности — просто розовая мечта современных полицейских. Ну, скажем, Ганс какой-нибудь в Рождественке примет шнапса выше нормы и погоняет свою Гретхен по двору. Так наутро ему самому стыдно и жене, и соседям в глаза смотреть. Молодые ребята, бывало, шалили на танцах, иногда дрались стенка на стенку, в частном порядке устраивали друг другу массовый падеж зубов. А вот воровства, а тем более убийств, в казахстанских сёлах практически не было.

Города, конечно, были не в пример более криминализированы: и карманники здесь резвились, и грабежи с убийствами не являлись такой уж большой редкостью. Акмолинск в этом плане тоже не составлял счастливого исключения.

Но в годы освоения целины преступность в северном регионе республики ощутимо возросла. Хотя боролись с криминалом в те годы весьма далёкими от гуманизма методами, без белых перчаток.

Впрочем, скоро после описываемых мною событий мне довелось познакомиться с криминальным миром достаточно близко.

В августе 1960 года меня призвали на службу в армию. Психологически я был к этому готов. Мне повезло: служил я на родной казахстанской земле. Сперва в Кустанайской области проходил курс молодого бойца, затем меня направили под Павлодар в сержантскую школу.

Первый год службы, конечно, был тяжёлым. Дисциплина и в карантине, и в сержантской школе была очень жёсткая. Старшина тоже тот ещё был зверюга, как, впрочем, абсолютное большинство армейских старшин. Помещать таких в одну клетку с тигром я бы категорически не рекомендовал по причине исключительной опасности для тигра. Много внимания уделялось физической и строевой подготовке: ночные тревоги, марш-броски, учения и все другие прелести солдатской жизни мне довелось испытать в полном объёме. Позднее, в ходе службы, я оценил принципы подготовки сержантского состава в Советской Армии, а строгому старшине был даже признателен за военную науку.

В последнее десятилетие прошлого века, да и сейчас тоже, много говорят и пишут о таком негативном армейском явлении, как “дедовщина”. Была ли она раньше?

Думаю, неуставные отношения в армии существуют ровно столько же, сколько и сама армия. Другое дело, что они не принимали столь уродливых форм, о которых так образно пишет пресса на просторах СНГ.

Армейская система такова, что жизнь и обязанности старослужащих солдат во многом отличаются от порядка и условий службы молодого пополнения. Так называемые “деды” имеют в армии определённые привилегии: и спальное место получше, и работа полегче, и дневальным “на тумбочку” старослужащих солдат обычно не назначают, разве что дежурным по роте. И в караул “деды” ходили не в трудный суточный, а, как правило, в ночной.

В принципе, так устроено в армиях всех стран мира и это вполне обосновано спецификой армейской жизни. Потому что каждый старослужащий проходит через тяготы первых двух лет армейской жизни, а к третьему году службы заслуженно получает законное право на более щадящий режим. Это хорошо понимали как сами солдаты, так и отцы-командиры, которым не приходило в голову без особой нужды направлять старослужащих солдат на уборку плаца, чистку картошки и так далее. И это представляется мне вполне справедливым.

Если собрать вместе полсотни молодых мужчин и на два-три года поместить их в любую резервацию, думаю, за этот срок между ними не один межличностный конфликт вспыхнет. А численный состав Советской Армии в те времена был порядка 3,5 млн. солдат. Молодые люди, как правило, не ангелы, они и на “гражданке” похулиганить да поддаться, чтобы таким образом самоутвердиться, случая не упускают. Поэтому случалось всякое, бывали и драки, и межличностная неприязнь. Бывали, чего там греха таить, и конфликты на межнациональной почве. Но не было тогда свойственных нынешнему времени жестокости, унижений человеческого достоинства. Напротив, для большинства солдат служба в армии становилась важным этапом в процессе становления личности, формирования характера, да и армейская специальность многих солдат впоследствии определила выбор дальнейшего жизненного пути.

Вероятно, это объясняется тем, что наше поколение и психологически, и физически было намного лучше подготовлено к службе в армии. Во-первых, мы, в большинстве своём, были детьми участников войны, многие из нас потеряли отцов, старших братьев, погибших на войне. Наше детство прошло в военные годы, мы помнили и письма с фронта, и похоронки, и кадры военной кинохроники, и слёзы матерей под салют Победы. Без всякой идеологической обработки и военно-патриотического воспитания мы были готовы к защите Родины.

Во-вторых, нас хорошо закалили трудности военного детства и послевоенной юности. Мы не знали тепличных условий, и ежедневная перловая каша не была для нас такой уж трагедией, как для сегодняшних молодых людей, нежно опекаемых любвеобильными родителями.

Поэтому девять месяцев в сержантской школе, где я осваивал азы караульной службы, не стали для меня кошмаром армейской жизни, хотя мы там отнюдь не сольфеджио изучали. Практику проходили, конвоируя подсудимых в судебные залы, присутствовали на судебных заседаниях. Довелось побывать и в женской исправительно-трудовой колонии. Многого насмотрелись и наслушались за эти девять месяцев.

Окончание в следующем номере.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

КУЛАГЕР

(Судьба Поэта)

I

В ноябре-декабре 1936 года республиканская газета “Социалистик Казахстан” из номера в номер публиковала великую поэму двадцатого столетия “Кулагер” Ильяса Жансугурова. Его завещание и предостережение перед надвигающимися репрессиями, его последнее поэтическое Слово перед арестом...

“По сей день отчётливо помню ноябрь и декабрь 1936 года, — пишет в своих воспоминаниях поэт Сагингали Сеитов, — когда я, студент Уральского рабфака водного транспорта, ежедневно в одни и те же утренние часы ходил к городскому газетному киоску, чтобы достать очередной номер газеты “Социалистик Казахстан”, где публиковалась новая поэма Ильяса Жансугурова “Кулагер”. Шестнадцать раз стоял в очередях, дабы не пропустить ни одного номера с публикацией. Поэма имела огромный успех у читателей. Вершинное творение Жансугурова о поэте, композиторе и певце Ахане-серэ, о его судьбе и жизни, полной драматических коллизий, воплотило в себе лучшие качества казахской поэзии тридцатых годов”. Не пройдёт и года, как эти номера газет с публикацией “Кулагера” будут уничтожены во всех хранилищах библиотек, а спустя двадцать лет, сразу же после реабилитации Ильяса Жансугурова благородный и обаятельнейший Сапаргали Бегалин, классик казахской детской литературы, принесёт в дом Фатимы-апы Габитовой свитки этих газет, которые он всё это время хранил, зашив их в диванную подушку. Такова драма возврата из забвения поэмы “Кулагер” к сердцу читателя.

II

Великий поэт казахской земли Ильяс Жансугуров родился 1 мая 1894 года в Аксуйской волости Капальского уезда на территории нынешней Алматинской области. Он с детства знал арабскую грамоту, казахский фольклор, постигал произведения Абая, Базара, Ахана, передававшиеся в народе из уст в уста. Будущий поэт хорошо изучил айтысы, происходившие между семиреченскими акынами Суюмбаем и Кунбалой, Асетом и Рысжаном, Жанаком и Тубеком, Кемпирбаем и Шоже, Биржаном и Сарой, записанные его отцом Жансугуром Берсугуровым. Всё это навсегда вошло в цепкую детскую память будущего поэта и самым плодотворным образом сказалось потом, при создании им стихотворений и поэм, ставших классикой казахской поэзии двадцатого столетия. С 1910 по 1917 годы молодой поэт Ильяс Жансугуров учился с перерывом в знаменитой светской школе “Мамания”

в населённом пункте Карагаш вблизи реки Аксу. В стенах этой школы в разные годы учились выдающиеся личности Казахстана, ставшие впоследствии высокообразованными деятелями науки и культуры, литературы и искусства, гордостью казахской нации.

Духовно-просветительному центру “Мамания” и её выпускникам посвящена книга, составителем которой является известный общественный деятель Жекен Калиев.

Великие преобразования в Степи начала двадцатого столетия, во многом созидательные и прогрессивные, но в то же время губительные и трагедийные для народов Центральной Азии, а также природа и ландшафт родного края — всё это стало основой поэтического творчества Ильяса Жансугурова, который к тому времени, на мой взгляд, уже являлся самобытным поэтом своей эпохи, а дальнейшая учёба в Ташкенте и в Москве во многом способствовала его дальнейшему поэтическому становлению, выявив эпичность его поэтического мировоззрения.

“Чтобы понять значение творчества Ильяса Жансугурова, — подчёркивал Олжас Сулейменов в своём докладе в 1974 году, посвящённом восьмидесятилетию поэта, — исключительно важно выделить в нём новую тенденцию, небывалую в казахской поэзии. Для Жансугурова будущее народа связано с индустриализацией и активным земледелием. Даже мельница под его пером становится объектом поэзии. Жёрнов у него назван “камень-мать”, по аналогии с землёй-матерью. Всё, что связано с зерном, у Жансугурова несёт чёткий знак материнства. Вот стихи для детей о мельнице:

*Скрип и скрежет здесь
круглый год,
мерно кружатся жернова,
будто каменный плоский рот
непрерывно зерно жуёт.
Всё измелет и перетрёт.
В чреве каменном рождена,
продолжается жизнь зерна,
тихо сыплется в ларь мука
серебристая, как луна.*

... Его привлекает трагедия Ахана-серэ, певца и рыцаря, некогда украшавшего степь подвигами во имя справедливости, песнями о любви. Он одинок, Ахан-серэ. Верный конь Кулагер — единственный друг его в старости. С каким наслаждением читаешь портрет Кулагера в поэме! Это поэтический памятник коню. Равного по силе описания нет, мне кажется, в нашей поэзии. Чего стоит одно — “соколиное предплечье” Кулагера. В образе Кулагера поэт возносит красоту, благородную статью племени коней. Он любит этим созданием природы, не скупясь

на самые красочные метафоры. Серость убивает красоту. Не случайно соперник Кулагера на байге назван Серым Ястребом. Его хозяин бай Батыраш посылает наймита на дистанцию, и подлая сталь прерывает стремительный бег Кулагера. Весь народ оплакивал коня, прекрасного как символ надежды своей. Плач Ахана, потерявшего последнего друга, стал народной песней”.

III

О творчестве Ильяса Жансугурова в разные годы писали известные учёные-литературоведы, академики и доктора филологии, писатели и поэты века ушедшего и века нынешнего. Всё это является литературным достоянием нашей эпохи и принадлежит нам всем, гражданам суверенного Казахстана. Думаю, что в настоящее время необходимо подготовить и издать академическую биобиблиографию поэта, включив в неё научно-исследовательские материалы последнего периода, а также проанализировав, уточнив и дополнив ранее публиковавшиеся произведения поэта и статьи, посвящённые его жизни и творчеству, устранив искажения идеологического порядка. Давно назрела необходимость издать в московской серии “Жизнь замечательных людей” биографию жизни и творчества великого поэта казахской земли Ильяса Жансугурова.

Несколько лет тому назад, во время проведения Года Казахстана в России, мне довелось подготовить к изданию в московском издательстве “Русская книга” произведения ряда казахских поэтов в переводе на русский язык. Наряду с произведениями Магжана Жумабаева, Джубана Мулдағалиева, Олжаса Сулейменова, Жумекена Нажмединаова, Мукағали Макатаева были подготовлены и рукописи Сакена Сейфуллина и Ильяса Жансугурова. Однако по неизвестным мне причинам книги двух классиков казахской поэзии, безвинно погибших в годы сталинских репрессий, почему-то так и не были изданы в данной серии “Год Казахстана в России”. На мой устный запрос было сказано, что и Сакен Сейфуллин, и Ильяс Жансугуров неоднократно издавались в Москве в разные годы прошлого столетия. Да, разумеется, издавались, но наша поэтическая книжная полка всегда была далеко не полной, ибо на ней отсутствовали произведения ряда поэтов, имена которых были долгие годы под запретом. И только с обретением суверенитета эти имена “вместе с каждым” проступают на корешках книг поэзии двадцатого столетия: Абай, Шакарим, Джамбул, Ахмет, Султанмахмұт, Бернияз, Кошке, Миржакып, Мағжан, Сакен, Ильяс, Беимбет..

А было время, когда многие из этих поэтических имён зачёркивались, словно их никогда и не было. Но разве возможно вычеркнуть эти благородные имена из нашей памяти?! Герольд Карлович Бельгер пишет в своей уникальной книге “Этюды о переводах Ильяса Жансугурова” (уникальной с точки зрения всестороннего и скрупулёзного литературоведческого анализа):

“А вот ответственный редактор второго тома (издание 1937 г.), ответственный секретарь редакции, переводчик “Евгения Онегина” и ещё 29 стихотворений Пушкина (а это был Ильяс Жансугуров) везде и всюду тщательно вымаран тушью. Из членов редколлегии второго тома уцелели М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов. Вымаран ещё один переводчик лирики Пушкина, и знакомый сотрудник библиотеки, доктор исторических

наук, отправился в какой-то закуток “просвечивать” замаранную фамилию, потом долго смотрел в лупу и уверял меня, что написано: “audargan Otebay”. Но так ли это и какой Отебай — сказать не могу.

В третьем томе, куда вошла проза Пушкина (“Дубровский” — переводчик зачёркнул; “Капитанская дочка” — переводчик К. Тайшанов; “Станционный смотритель”, “История села Горюхина”, “Пиковая дама” — переводчик К. Сагындыков), из членов редколлегии уцелел один Т. Арыстанбеков — остальные две фамилии вымараны. Замазан тушью и ответственный редактор.

Таковы гримасы того пушкинского юбилея. И издание трёхтомного казахского Пушкина в то недоброе время, несомненно, свидетельствует, с одной стороны, о состоянии культуры казахского общества, а с другой стороны, о подлинно гражданском мужестве и героических усилиях именитых казахских мастеров слова”.

В данной книге “Этюды о переводах Ильяса Жансугурова” Г. К. Бельгер приводит в своём переводе небольшую статью Ильяса Жансугурова, которую поэт написал в качестве послесловия к своему переводу романа “Евгений Онегин”, и этот перевод он осуществил в безумно короткий срок — шесть месяцев!

“Рисунок поэтической пушкинской речи, форму поэтических строк, художественное своеобразие мы старались, где это можно, приблизить к природе и достоинствам казахского языка. Мы учитывали и то, чтобы стихотворный размер не воспринимался чуждым казахскому слуху и избегали как искусственного “удлинения” пушкинских строк за счёт добавления слов извне, так и “укорачивания” их. Мы остановились на том размере, который оказался наиболее близким оригиналу. Если учитывать силлабическую форму казахского стихосложения и тоническую природу русского стиха, то размер, избранный нами для перевода “Евгения Онегина”, наиболее близко стоит к четырёхстопному ямбу, которым он написан. Этот размер позволяет более точно воспроизводить ударные слоги, тонический размер, дыхание, ритм оригинала. В традиционном казахском стихосложении не бывает так, чтобы предложение заканчивалось в середине поэтической строки. И потому знакам препинания в самой строке особого внимания никогда не уделялось. В данном же случае всё по-другому: нередко предложение заканчивается, обрывается, переносится в самой строке. Следовательно, для правильного восприятия смысла, для его прочтения знакам препинания придаётся важная роль.

Короче, в своём переводе мы не втискивали Пушкина в издревле сложившиеся, простые, стандартные формы казахского стихосложения, а наоборот, подтягивали казахский стих к пушкинским образцам. И пошли мы этим путём сознательно, зная, что он очень труден и ответственен. Мы понимали: таков единственный путь, позволяющий воспроизводить не только содержание его творения, но и форму, речестрой, прямой путь, приносящий новизну в литературу других народов.

Труд наш выполнен в некоторой спешке из-за того, что запоздало приступили к переводу большого творения великого поэта, каким является “Евгений Онегин”. Спешка наша связана с приближением столетия со дня гибели Пушкина. Нам нужно было непременно отметить юбилей поэта изданием его “Евгения Онегина” на казахском языке. Поэтому в спешном издании могут быть досадные огрехи и упущения. Перевод нуждается

в частом пересмотре, исправлении, улучшении. Этим переводчик обязан заниматься постоянно”.

Поражает самокритичность и высокая ответственность переводчика, к тому времени уже являвшегося автором непревзойдённых поэм “Степь”, “Кюй”, “Кюйши” и поэмы-реквиема “Кулагер”.

“Поэма “Кулагер” — лебединая песнь Ильяса, — пишет дочь поэта, Ильфа Ильясовна Жансугурова-Жандосова, — предсмертный крик души великого поэта. Это предостережение казахскому народу на все грядущие времена”.

Судьба поэта и певца Ахана через образ свободы поэтической души — Кулагера — сопрягается с судьбой поэта Ильяса. И здесь я интуитивно чувствую и осязаемо вижу образ ещё одного великого поэта — Магжана; ибо для всех, чьё поэтическое слово бессмертно, уготована одна участь, одна “светлая и печальная” судьба — это судьба Поэта.

Вспомним по материалам и документам того периода, когда сформировалась первая плеяда казахской интеллигенции, в своём естественном сочетании “старое — новое”, включающая в себя актуальные споры и дискуссии, то есть созидательные мотивы нового уклада жизни. Эта передовая часть общества в буквальном смысле взяла на себя весь груз ответственности за будущее своего народа в разных сферах человеческого бытия — общественно-политической, социально-культурной и научно-образовательной. С горечью констатирую, что их всех ожидал репрессивный исход, независимо от того — на каком берегу революционного водораздела они находились.

И пусть ни в одном историческом документе из биографии Ильяса Жансугурова нет упоминания о его встречах с Магжаном Жумабаевым. Не верю! Двум ровесникам по возрасту, двум ярким представителям казахской поэзии находиться в одно и то же время в Москве, учиться, пусть в разных учебных заведениях, и ни разу не встретиться! Наверняка есть соответствующие подтверждения о их хоть одной мимолётной встрече в гуще литературной московской жизни того периода.

В пользу своего предположения я бы привёл ещё один существенный аргумент. Это образ самого Ахана-серэ и Кулагера.

В литературном наследии Магжана Жумабаева имеется широко-объёмная научная статья “Акын Ахан”, опубликованная в начале двадцатых годов прошлого столетия. Мастер поэтического слова Ильяс Жансугуров наверняка не только знал и ценил творчество Магжана Жумабаева, он, вынашивая замысел поэмы “Кулагер”, думаю, воспринял бы всем своим поэтическим сердцем дух данной статьи — о поэте и композиторе, рыцаре Степи Ахане-серэ. Таковы флюиды поэтического восприятия нашего мира.

В силу великого таланта Ильяса Жансугурова вольно или невольно выстраивается определённый поэтический миф; звеньями и образами которого являются уход из брэнного мира Ахана-серэ, оставившего нам свои бессмертные песни, нахождение в тюрьмах и в ссылках Магжана и его соратников, а затем погибших в сталинских застенках, завещавших нам свои неслепые произведения, предчувствие Ильясом Жансугуровым своего ареста, а следовательно, своего ухода, подарившего нам свои проникновенные стихи и поэмы, среди которых, уже в веках, звучит непревзойдённый ритм “Кулагера”, звучит, пока жива поэтическая речь казахского народа.

Альберт УСТИНОВ

Казахи и русские: эпоха Кунаева

“Я — человек, родившийся на верблюде”, — такими словами часто представлялся на официальных и неофициальных встречах известный в Советском Казахстане учёный-химик из Караганды Евней Букетов, этой же фразой озаглавивший биографический очерк, подчёркивая своим происхождением и судьбой рывок казахского народа за годы советской власти из тёмной кочевой предыстории в современную цивилизацию. Это ощущение вышедшего из войлочной юрты в сказочный интерьер оперного театра, пересевшего с коня на самолёт, было свойственно, наверное, для каждого казаха XX века. О таком ощущении приходилось слышать и от писателя Габита Мусрепова, и от художника Абылхана Кастеева, и от артиста Серке Кожамкулова.

Я не казах. Русский, родившийся на берегу Иртыша в казачьей станице между Омском и Павлодаром. Станицы эти появились здесь ещё в начале XVIII века, когда по стратегическому умыслу Петра Великого выстраивались линии крепостей, станиц и редутов вдоль южных и восточных рубежей империи, как для защиты самой России, так и вошедших под руку Белого царя кочевых ханств от вторгавшихся с юго-востока джунгарских полчищ. С 1718 по 1723 год от Тобола до Устья Каменных гор по всему

Альберт Александрович УСТИНОВ

родился в 1932 г. (село Осьмерижск Качирского района Павлодарской области), закончил филологический факультет КазГУ и аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Автор книг литературной критики “Точка опоры”, “Море в капле”, “Новый человек: идеал и реальность”, “Идеал. Герой. Правда”, романа-эссе “Как живёшь”, сборника рассказов “Осьме-

рицкие байки-предания” и других. Был на педагогической, комсомольской, партийной, журналистской работе: секретарём одного из целинных райкомов комсомола, первым секретарём Павлодарского обкома комсомола, секретарём ЦК ЛКСМ Казахстана, главным редактором газеты “Казахстанская правда”, зам. главного редактора журнала “Жизнь национальностей” (Москва).

В настоящее время живёт в Подмоскowie, в г. Королёве.

В “Ниве” выступает впервые.

Иртышу, считай на тысяче вёрст где на левом, но, в основном, на правом берегу возникли все нынешние черлаки, долони, черноярки и красноярки, коряковки, лебяжьи, семипалатные, пятирижские, осмерижские и прочие укрепления. Навсегда. С наделом земель для осевших здесь казаков. Где остановился Пятый рижский полк, тут и образовалась станица Пятирижская, где указано было стать крепостью Осьмому рижскому полку, тут и возникла станица Осьмерижская.

С тем-то Осьмым рижским полком пришёл на Иртыш из неведомых российских краёв один из моих пращуров Абакум, получил надел, взял в жёны киргизку из рода Тобыкты и положил начало русскому казацкому роду Абакумовых в Сибири, из которого вышла моя мать. Почти два столетия справно нёс Абакум (назовём этим именем обобщённо весь сибирско-казацкий люд) свою царскую службу, поставляя сыновей в казацки сотни со всей амуницией, оружием и боевым конём, одновременно обеспечивая себя хлебом, мясом, молоком, кожей и шерстью, с некоторым даже запасом, который на ярмарках оборачивался кусками полотна или сукна, головами сахара, самоварами и посудой, плугами и боронами, ружьями и патронами, лентами, серьгами и браслетами.

За два века прижилась, разрослась и расцвела иртышская ветвь русского народа, которая вместе с Горькой линией казачьих станиц от Урала до Иртыша, а потом с ответвлениями вдоль китайской границы на запад по Семиречью и на восток по Алтаю превратилась в плодоносное дерево. Настолько плодоносное, что у общающихся с “орыс” кочевников родилась поговорка: “русских больше, чем деревьев”. Эта азиатская ветвь русского народа к XX веку уже выглядела солидным массивом, прорастая и укрепляясь торгово-промышленными и духовными центрами, поднимая города, помимо давнишних Тары, Тобольска, — Омск, Петропавловск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Атбасар, Славгород...

Они, эти центры русской жизни, повторяли старинные города исконной Руси с их кремлями, церквями, купеческими лабазами, галереями торговых рядов, с кирпичными домами губернской или уездной знати и деревянными срубами мещанских слобод.

Повторяя и генетически продолжая русский склад языка, мысли, быта, культуры, привнесённых из исторической Великороссии, азиатская ветвь всё же заметно обростала своими характерными чертами, связанными, прежде всего, с казачьей “вольницей”, не знавшей барщины. Поэт Павел Васильев, вышедший из этой среды (кстати, как и известные писатели Всеволод Иванов, Иван Шухов, Антон Сорокин и другие), так описывал становление этого этнокультурного массива:

*А станицы тянулись туда, где Зайсан и Монгол,
От зелёной волны и до чёрной тянулись и крепи,
Становились на травах зелёных, на пепле,
На костях, на смертях, и весёлую ладили жизнь
Под ясачным хоругвем ночных грабежей и разбоя.
И когда не хватало станичникам жён привозных,
Снаряжались в аулы, чинили резню, табуны угоняли,
Волокли полонянок скуластых за косы по травам
И, бросая в седло, увозили к себе на тыны,
Там, в постелях пуховых, с дикарками тешились вволю.*

*Оттого среди русских чубатых иртышских станиц
Тут и там азиатские водятся скулы,
Узкий глаз азиата и дугами гнутые ноги —
Это кровь матерей поднимается исподволь в них,
Слишком красная, чтобы смешаться с другою.*

Для “человека, родившегося на верблюде”, с возникновением этой цепочки станиц и редутов по периметру необъятного кочевого степного края от Яика до Иртыша и от Тобола до Семиречья ничего не изменилось в его вековечном размеренном ритме кочевий от летних джайлау до зимних становищ и наоборот. Стычки, разбои и барымта (конокрадство), отмечаемые Павлом Васильевым, случались всегда, и не только с соседями, но и промеж собой, так что их, скорее, надо рассматривать не как фактор “национального притеснения”, а как характерный признак эпохи.

А вот периодически случавшиеся нашествия восточных полчищ прекратились: алтайские и джунгарские ворота были заперты казачьими пиками.

А вот ярмарки в русских городах стали фактором межнационального общения, конкретным примером русско-казахских связей, вплоть до закрепления особых, “тамырских” отношений. По собственному фамильному преданию знаю, что ещё у моего деда Фёдора Николаевича Абакумова в доме была одна комната, называемая “тамырской”, специально предназначенная для гостей из аулов, с кошмой, подушками и одеялами на полу, с круглым низеньким столом посредине. И такие “тамырские” были чуть ли не в каждом казачьем доме.

А вот школы и училища в русских городах и станицах стали фактором просвещения для первых казахских интеллигентов из поколения Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева.

Так что стратегический гений Петра Первого видел “сквозь целые столетия”, заботясь не только об укреплении рубежей своей империи, но и создавая предпосылки для развития “иностранческого” населения.

Следующая волна русской экспансии на восток (стольпинские реформы), как и предыдущие — ермаковско-хабаровская и петровская волны — тоже имела целенаправленный государственный характер массового переселенчества, но уже с предварительным проведением землеустроительных работ. Новые русские селения шагнули вглубь кочевых степей от уже обжитых казачьих линий, характерными названиями показывая своё происхождение: Харьковка, Полтавка, Кубанка, Псковка, Киевка и т. д. А чаще — по имени первого поселенца: фёдоровки, ивановки, степановки, георгиевки...

Помимо планово-государственных волн происходил и самотёк русского населения то в поисках некоей сказочно-изобильной земли Беловодья, то вынужденного побега в глухие места от церковного или жандармского преследования. К тому же ещё и ссылка с каторгой были устойчивыми источниками “прироста” русского населения не только с русскими, но и с украинскими, белорусскими, польскими, немецкими, литовскими и другими корнями.

Наибольший и ускоренный прирост населения (помимо естественного) произошёл в XX веке с его частыми и массовыми перемещениями людских континентов то в Гражданскую и Великую Отечественную войны, то во время раскулачивания, то в связи со строительством “гигантов индустрии”, то с освоением целины. Так что к моменту появления на политической карте мира

в конце XX века такого государства, как Республика Казахстан, в пределах административных границ бывшей Казахской ССР на этой территории русские составляли половину населения, если считать в целом, а в северных и восточных областях — подавляющее большинство. Сегодня трудно объяснить логику “стратегов”, которые нарезали границы национальных республик и автономных образований внутри Советского Союза. По ту и другую стороны границы Киргизской АССР, потом ставшей Казахской ССР, а теперь — государственной границы Республики Казахстан, находится население, практически ничем не отличающееся друг от друга, в том числе и по национальному составу. На момент “нарезки” тех границ в Саратовской, Оренбургской или Омской областях России казахов было примерно столько же, как и вокруг Петропавловска, Павлодара или Кустаная. В одно время Оренбург даже был столицей молодой республики. По каким признакам линия границы пролегла именно тут? Можно только предполагать, что “нарезка” территорий с русским населением для национальных образований диктовалась экономической и политической целесообразностью в соответствии с политикой советской власти по выравниванию ранее отсталых окраин. Отсюда черпался кадровый потенциал для растущей промышленности, административно-управленческий и культурно-просветительский персонал для зачатков новой национальной государственности.

А что же “человек, родившийся на верблюде”? То есть “титульная нация” вдруг возникшего в конце XX века на земном шаре молодого, огромного по территории государства размером в шесть Франций? Как этот народ исторически самоопределялся? Как взаимодействовал с соседями? Чему учил своих детей?

“Киргиз-кайсацкая орда” в представлении поэта екатерининского времени, “киргизцы”, “степняки”, “туземцы”, “инородцы” в разговорах и деловой переписке чиновников Оренбургского и Омского генерал-губернаторств, осуществлявших властные функции империи среди кочевых родов Дикого поля, “казахи”, как они называли себя, когда исторически “прснулись” уже в советское время, так вот этот народ — казахи, являясь продуктом огромной азиатской кочевой цивилизации, своё историческое самоопределение связывают со временем и пространством Золотой Орды, сохраняя в памяти (через эпические поэмы и сказания) имена своих ханов, султанов как “чингизидов”, потомков Чингисхана.

Ведя из века в век отточенный до мелочей быта и неизменных навыков патриархально-родового уклада кочевой образ жизни, этот шестимиллионный (в пределах и ко времени образования государства Республика Казахстан) народ как нация приобрёл необходимые для самоидентификации, для государственного самоопределения черты в соответствии со своей численностью, историко-географической привязкой к ареалу обитания, своеобразной этноязыковой культурой. Однако всё, что ныне именуется Республикой Казахстан, не является результатом спонтанного развития автохтонной нации, а составляет часть организма огромного государства, которое своей деятельностью в течение трёх веков изменило в своём стиле эту территорию, вместе с автохтонной нацией, разумеется.

Какие это изменения? Помимо традиционного тысячелетнего кочевого скотоводства появилось земледелие, горнорудная, угольная,

нефтедобывающая промышленность, чёрная и цветная металлургия. Затем — машиностроение, химическая и лёгкая промышленность, вся необходимая инфраструктура для функционирования аграрно-промышленного комплекса республики на уровне научно-технических достижений XX века. Практически все города Казахстана — результат воздействия того государства, частью которого он был.

Сам “человек, родившийся на верблюде”, — казахский народ — за это время тоже заметно изменился. Не всегда эволюционно, с известными перегибами и лишениями произошёл переход от кочевого к оседлому образу жизни, что сопровождалось значительным повышением грамотности (в начале XX века — 2 % грамотных среди казахов), санитарного просвещения и медицинского обслуживания. Казахи стали осваивать практически все современные профессии. Но опять же не в результате собственной (имманентной) эволюции, а в силу обстоятельств, связанных с функционированием организма Российской империи, затем Советского Союза.

В отличие от других возникших на Земле колониальных империй, Российская не делилась на метрополию и колонии, хотя присоединённые к ней “национальные окраины” могли рассматриваться (и рассматривались) таковыми. Но даже в силу своей географической слитности с метрополией фактически превращались в провинции унитарного государства, чей хозяйственно-политический организм накладывал свой отпечаток на состав населения, административно-экономические отношения, культурно-социальную среду. В каждой такой национальной провинции возрастал русский фактор в силу необходимости функционирования русского (государственного) языка, единых средств коммуникации и органов правопорядка, развития промышленности и т.д.

Особенно быстро процессы русификации проявились в советское время, несмотря на политическое стимулирование национальной жизни в виде создания автономных национальных образований, государственных мер по экономическому и культурному выравниванию “ранее отсталых национальных окраин”. Эта политика “выравнивания” способствовала притоку русского и другого русскоговорящего населения в таком объёме, что, как правило, экономический рост той или иной национальной окраины был прямо пропорционален увеличению количества инонационального населения. В Казахстане, например, в эпоху подъёма целины соотношение казахов и русских уже сравнялось, и сохранялась тенденция уменьшения удельного веса “титульной” нации. Или, как деликатно тогда говорилось, “нации, давшей название республике”.

Русско-казахские отношения... Говорить о межнациональных отношениях принято в терминах высокой политики, цитируя документы, высказывания титулованных особ или приводя исторические свидетельства, цифры статистики, факты. Сколько бы ни было привлечено подобной аргументации, всё равно останется ощущение недостаточности для более или менее твёрдых выводов. Я же избираю для себя наиболее опасный ракурс взгляда на эти отношения — сугубо субъективный. Не в смысле “отсебятины”. Мой жизненный опыт, как мне кажется, позволяет набраться “наглости” выставить на уровень терминов высокой политики свои личные наблюдения, ощущения, свидетельства, мысли и впечатления.

Вот первое ощущение: место рождения. Географическая точка моей “малой родины”, как я уже сказал, на берегу Иртыша между Омском и Павлодаром. Я русский, вокруг меня все русские, говорим на русском языке, поём русские песни. С казаками общаемся на базарах и ярмарках. (“— Дорогой, кайда барасын? — Дорогая, по воду”). Раньше, говорят, киргизов (казахов) некоторые казаки батраками нанимали, но батраками были и другие. Отец мой, бежавший от голода из Поволжья, тоже подростком батрачил на кулака Маршинина. Все мы — и казаки (русские), и казахи, и пришлые “хохлы” здесь, в этой точке, ощущали себя частью Российского государства, крепко связанными незримыми нитями через Омск с Москвой (Петербургом), где колотится русское сердце, где концентрируются русский ум и русская воля.

Нарезанные новые границы 1924 года, затем упроченные в 1936 году, искусственно отрывают нас от Омска и Москвы, привязывая сначала к Оренбургу, потом к Кзыл-Орде, после — к Алма-Ате. Две национальные стихии — русская и казахская — такие отличные друг от друга по языку, образу жизни, культуре, даже по антропоморфным признакам, в течение нескольких столетий контактов и взаимодействия не смешивались между собой, как вода и масло, не растворяясь друг в друге.

Советское время с его бурными социальными и политическими вихрями “прошло” по Казахстану воистину революционно, совершив радикальные изменения, каких эти степные просторы не испытывали никогда. Переход казахов на оседлый образ жизни совпал с коллективизацией. Ломка вековых устоев, усугубленная обобществлением земель, скота, сельскохозяйственного инвентаря, привела к трагедии — массовому голоду с повальной смертностью в начале 30-х годов. С другой стороны, волевые действия советской власти поднимали казаха, обучали грамоте, ставили начальником в проводимой насильственно кампании “коренизации”. Киргизская АССР превратилась в Казахскую ССР. “Я — хозяин страна!” — расхожая оговорка того времени, передающая и искренний пафос казаха, и добродушную усмешку русского, возможно и придумавшего за казаха это выражение. Как и частушку, распеваемую на базарах русскими от имени казаха:

*Раньше был я киргиз,
Ел махан и пил кумыс,
А теперь я стал казах,
Ой-бай-яй, пропал курсак! (“курсак” — желудок).*

Неважно, кем придуманы эти язвительные прибаутки. Были и более обидные, на которые вводилась своя, народная, самоцензура, не только официальная. Так что цитировать их здесь не станем. Сам факт появления этих “искр” от столкновения бытовавших настроений свидетельствует о неоднозначной народной реакции на проведение “безобидных” административных границ.

Если бы этим двум национальным стихиям (русской и казахской) предстояло и дальше продолжать жить по-соседски, но раздельно, не смешиваясь, как вода и масло, как, собственно, они и жили в Российской империи, границы так и оставались бы “гибкими”, обозначаясь лишь в местах столкновения хозяйственных интересов (на сенокосах, выпасах, лесных делянках). Но советская жизнь ввела новые социальные принципы, которые смешали “воду” с “маслом” в коктейль “советский народ”.

Учёные говорят об опыте переплавки разных наций в некую новую общую нацию по примеру американского “плавильного котла” или “тигля”.

Пытались проводить параллели между опытом возникновения американской нации и советским опытом, но он очень уж своеобразен, даже уникален, чтобы иметь общие закономерности. Надо исходить из того, что в этом опыте впервые в человеческой истории в значительном масштабе проявилась альтернативная устоявшейся извечной традиции идея жизнеустройства, которая до того жила в теоретических построениях, фольклорных эпических мифах или фантазиях-утопиях, изредка прорываясь в реальность кратковременными экзотическими государственными образованиями типа Древней Спарты или Парижской Коммуны.

Социалистические начала ликвидируют институт “хозяев жизни” — господствующий класс, насильно отбирают у него атрибуты господства: собственность, оружие, деньги, власть. В жестокой классовой борьбе неизбежны издержки, которые усложняют понимание происходящих процессов и искажают реальную картину их результатов. А в области межнациональных отношений, о чём ведём речь, классовая борьба оказалась не такой простой и ясной, как лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. С одной стороны, в ответ на интернационализм капитала, объединение картелей, синдикатов, корпораций, конвертируемость национальной валюты пролетарии заявляют, что не признают национальных границ в принципе, и потому их “религия” — пролетарский интернационализм.

Всё гладко на теоретической бумаге. А реальные национальные “овраги” кривуляют куда не надо и всю стройность теории путают. Сам феномен нации целиком относится к области социально-коммуникативных, идеальных, надличностных, сакрально-иррациональных явлений. В его “оврагах” увязают самые тщательно спланированные и ультраоснащённые операции, будь то русская для Наполеона или Гитлера, вьетнамская и иракская для США, афганская для СССР или чеченская для России и бесконечное множество других. Есть в этом феномене некая не просто духовная энергетика — нечто неприкосновенно-заветное, не осмысляемая, но ощущаемая личностью частица в себе общей национальной воли. Я нигде не встречал научного объяснения этого феномена, хотя свидетельства о его существовании в виде “национального духа”, “национального характера” нередки. Приходится принимать за аксиому существование такого “духа” и учитывать его в осмыслении общественных явлений.

Динамичное развитие Казахстана в советское время и практическое отсутствие межнациональных проблем дали возможность советскому руководству утвердить в пропагандистско-идеологическом лексиконе формулу: “Казахстан — лаборатория дружбы народов”. Впервые сформулированная, кажется, секретарём ЦК КПСС Ильичёвым в разгар целинной эпопеи, эта фраза, с одной стороны, отражала действительно “вавилонское” смешение “детей разных народов”, но, с другой стороны, самим образом лаборатории намекала на некую искусственность этой дружбы, которую якобы синтезируют в ретортах какие-то “лаборанты”.

На самом деле, и дружба была, и “лаборатория” работала, только не было никаких чудес алхимии. Диалектика взаимодействия теоретической “бумаги” и практических “оврагов”, как всегда и везде, выделявала свои немислимые зигзаги, творя новую действительность, которая никогда не повторяет, не копирует полностью ни одного из родителей. Что зарождалось, формировалось, например, в 1956 г., можно было догадаться только где-нибудь в 1991-м.

Я тоже в какой-то степени был “лаборантом” в той “лаборатории”. Вся трудовая деятельность вплоть до пенсии прошла в столице Казахстана Алма-Ате за вычетом комсомольской работы на павлодарской целине и учёбы в Москве (Академия общественных наук при ЦК КПСС). Причём значительное время — на должностях, напрямую связанных с “лабораторией дружбы народов”: заместителем заведующего отделом культуры ЦК Компартии Казахстана, редактором газеты “Казахстанская правда”, заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Казахстана. Избирался депутатом Верховного Совета республики и членом ЦК. Так что кое о чём могу судить как бы “изнутри процесса”.

По классификации современных историков время, которое я обозначаю “своим”, о котором могу судить, как о “действительности, данной мне в ощущениях”, состоит из трёх периодов: хрущёвского волонтаризма, брежневского застоя и горбачёвской перестройки. Правда, меж ними был ещё один период, названный юмористами “ППП” (“трёх П” — Период Пышных Похорон), но он может считаться и концом застоя, и началом перестройки. Для нашей темы — русско-казахского “общегития” — важнее отметить, что для Казахстана все эти три периода могут рассматриваться как единый слитный кусок времени под названием “Эпоха Кунаева”.

Фигура Динмухамеда Ахмедовича Кунаева как политического и государственного деятеля Советского Союза имеет все внешние атрибуты, чтобы причислить её к высшему ареопагу руководителей страны (член Политбюро ЦК КПСС, многолетний первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, председатель Совета Министров республики). Трижды Герой Социалистического Труда, доктор геолого-минералогических наук, академик и много-много ещё чего, что создаёт вполне импозантный, в духе брежневского застоя, официальный респектабельный портрет. Такой портрет, который портрет — и более ничего. С единственной функцией — висеть в официальных кабинетах.

Но в то же время эта фигура за внешней официозной оболочкой концентрировала в себе некую невидимую национальную энергию, которая вдруг выплеснулась на площадь им. Брежнева в Алма-Ате в декабре 1986 года сразу после пленума ЦК Компартии Казахстана, освободившего Д. А. Кунаева от должности первого секретаря ЦК и избравшего на эту должность Г. В. Колбина, передвинутого сюда из Ульяновска по рекомендации Горбачёва. Невиданная реакция молодёжи (а заполнила площадь многотысячная толпа студентов и молодых рабочих) на рутинный факт партийной жизни (смена руководителя) выявила наличие национальной энергии (молодёжь собралась исключительно казахская), способной эффективно влиять на политику. Привёл в движение эту энергию не сам факт смены лиц на высшем посту республики, а замена казаха Д. А. Кунаева на русского Г. В. Колбина. “Разве мы не достойны того, чтобы казахской республикой руководил казах?”. “Неужели среди многих миллионов казахов не нашлось способного заменить Кунаева?”. “Почему к нам нужно завозить руководителя со стороны?” — вот главные доводы толпы, требующей отменить решение ЦК. Я очевидец этого “декабрьского востания”, более того, во время двухсуточной осады здания ЦК находился внутри него; окна моего кабинета выходили на площадь — было видно и слышно, как ведёт себя новая политическая сила, которая никак не именуется, никого конкретно не представляет, якобы стихийно “по зову

сердца” в определённое время в определённом месте собравшаяся в толпу. Толпа эта медленно колышется на площади, гудит непрерывным стадным рёвом с прорывающимися протуберанцами индивидуальных вскриков, сольного или группового женского визга, впечатляюще истеричного. Толпа по мере ограждения её милицией и солдатами с пластиковыми щитами из мирной становится агрессивной; в руках у участников появляются палки и арматурные прутья, летят камни, осветительные ракеты; переворачиваются и поджигаются машины...

Я ещё вернусь к этому событию, исторически знаменательному политическим родством с цепочкой явлений, продолжающихся и по сей день в виде различных “бархатных”, “розовых” или “оранжевых” революций. А в контексте разговора об “эпохе Кунаева” важно обозначить именно эти два знаковых события её начала и конца: массовый наплыв в казахские степи разнонациональной молодёжи для освоения целины, превративший республику в “лабораторию дружбы народов”, и это “декабрьское восстание” с почти не скрываемым лозунгом: “Казахстан — для казахов!”

Что же получается? Кунаев взрастил националистически настроенных младоказахов? Как легко впасть во грех скороспелых выводов! Самое сильное впечатление от наблюдения за толпой на площади в течение тех двух декабрьских суток — не факелы пылающих машин, не искусство “самоорганизации” толпы, а внезапно наступившая мертвящая тишина, как только из динамиков раздалось слово: “проявления казахского национализма”. Это впервые была озвучена оценка молодёжного выступления, данная собравшимся той же ночью городским партийным активом. От слова “национализм” смёрзлись челюсти. С этим словом у казаха ассоциируются несправедливые репрессии против лучших сынов нации, таких как С. Сейфуллин, Т. Рыскулов, У. Джандосов, М. Жумабаев и др. Минута зловещей тишины взорвалась уже новым, удесятёрённым протестом: нет, нет и не было никакого казахского национализма! Для меня лично, хорошо знакомого со многими казахскими писателями, художниками, артистами, которых считали в отдельных кабинетах “националистами”, хотя публично это слово не произносилось (времена другие), та впечатляющая минута тишины и взорвавшийся после новый протестующий гул были, по сути, “моментом истины”. Дело в том, что для себя лично я не мог определить, считать ли национализмом позицию тех самых “националистов”, принимать ли сторону их прокурорствующих критиков, или позволить укрепиться зреющему где-то в глубине души убеждению, что несправедливо считать национализмом прорывающиеся у наиболее чутких людей страстные слова и поступки в защиту и во славу своей нации. Да, они могут быть резкими, неприятными, даже ошибочными, против которых нужно бороться, но нельзя же их объявлять преступными! А ведь ярлык “националист” был почти синонимом слова “преступник”. Разве преступно любить свой народ? И вот эта напряжённо-тихая минута на площади перед новой волной возмущённого гула дала мне чёткий ответ на терзавшие сомнения: нет, нет и нет системе навешивания ярлыков! Кончилась эта эпоха.

Ведь для “человека, родившегося на верблюде”, эпоха Кунаева стала как раз временем расставания с “ярлыками”, временем обретения национальной гордости и может с полным правом считаться самым светлым и

самым счастливым периодом из всей его исторической жизни, когда из кочевого тысячелетнего “застоя” вдруг брызнули искры молодой, рванувшейся к современной цивилизации нации. Эти “искры” — не только вспыхнувшие в степи огни 87-ми новых городов, 1600 новых совхозов только в годы подъёма целины, освоенные месторождения, построенные гиганты промышленности, линии энергосистем (в докладе Д. А. Кунаева к 50-летию республики приводился подсчёт: за это время на территории современного Казахстана выросло ещё 14 “Казахстанов”); главные “искры” — люди. Благодаря целенаправленной политике по “выравниванию” уровней республик и ускоренному “выращиванию” национальной интеллигенции действительно брызнуло созвездие талантов союзной и даже мировой величины, таких как академики К. Сатпаев и Н.Базанова, писатели М. Ауэзов, Г. Мусрепов, А. Нурпеисов, поэт О. Сулейменов, артисты Б. Тулегенова, Е. Серкебаев, Р. Багланова, Р. Рымбаева, А. Днишев, художники К. Тельжанов, С. Мамбеев и многие другие. Да и сам Д. А. Кунаев как государственный и партийный деятель — из этого же “созвездия”.

Родившийся в 1912 году, он к моменту образования Казахской ССР — окончивший Московский институт стали и сплавов инженер, один из создателей одного из первых гигантов индустрии республики — Балхашского медеплавильного комбината, откуда в начале Отечественной войны взят на высокую должность заместителя председателя Совнаркома республики. Так что с тридцатилетнего возраста и практически до конца жизни (умер в 1992 г.) Д. А. Кунаев находился у пульса управления Казахстаном: заместитель председателя, председатель Совета Министров, президент Академии наук, первый секретарь ЦК КП Казахстана. Правда, во времена “хрущёвского волюнтаризма” была проведена непонятная никому “рокировка”: уже являясь первым секретарём ЦК, он был переведён на вторую позицию — снова председателем Совмина (1962-1964). Зачем нужно было менять на заведомо слабее его работника — И. Юсупова, — теперь уж никто не скажет, да и сам Хрущёв и тогда не смог ничем мотивировать этот кадровый кульбит, кроме сомнительного предлога выдвижения на руководящую работу лиц из нацменьшинств (И. Юсупов — уйгур). “Лабораторный” опыт Хрущёва вскоре лопнул, и Д. А. Кунаев снова вернулся на первую должность.

Однако отрицательный опыт — тоже опыт, как утверждают учёные. И проведённый над Д. А. Кунаевым эксперимент, во-первых, ему самому придал ореол незаменимого, а, во-вторых... В этом “во-вторых”, может быть, и кроется объяснение происхождения той национальной энергии, которая выплеснулась на площадь в 1986-м. Надо иметь в виду, что со времён образования Киргизской АССР и Киргизского крайкома ВКП(б) партийную власть здесь до Кунаева возглавляли, скажем так, ставленники центра, начиная от печальной памяти Ф. И. Голощёкина (1925-1932), отличившегося убийством царской семьи в Екатеринбурге и жесточайшим голодом в Казахстане, и кончая Л. И. Брежневым (1955-1960), которого и сменил Д. А. Кунаев, став, таким образом, первым Первым руководителем Казахстана — казахом. Надо иметь в виду, что в памяти партийного актива республики ещё живы были революционные и послереволюционные имена Т. Рыскулова, С. Сейфуллина, У. Джандосова, а также позднейших деятелей Шаяхметова и Ундасынова, пострадавших кто за “национал-уклонизм”, кто за “буржуазный национализм”. Хотя, по большому счёту, не среди казахов надо было искать “буржуазию”, чтобы находить какие-то “уклонизмы”.

Более характерной в республике была борьба с феодально-байскими пережитками. Здесь была почва под ногами. “Бай” (буквально) “богатый”. В традиционном казахском обществе эта фигура имела ключевое значение не только для понимания его классовой структуры. Владелец табунов и отар, он же, как правило, становился полновластным хозяином аула, состоящим, опять же, как правило, из его родственников (представителей его рода), для которых он был и единственной непререкаемой властью, “отцом родным”, работодателем, благодетелем или прокурором. Таким образом, “байство” как устойчивая тысячелетняя традиция организации жизни кочевников стало и устойчивым психо-мировоззренческим национальным признаком. Быть баем (богатым) значит быть уважаемым — такая схема универсальна не только для феодальных отношений, и не является чьим-то национальным “изобретением”, но у казахов в силу их исторической особенности (сохранение до XX века практически однородной профессиональной среды — кочевого скотоводства) она, эта схема, оказалась наиболее консервативной, на которую не могли влиять ни западные ветры буржуазных свобод, ни соседнее русское “разночинчество” и “народничество”, ни советские классовые приоритеты.

Феодально-байская психология в какой-то мере осуждалась и самим казахским народом в его издёвке над “казакпайством”, этим чванливым цеплянием за отсталые формы жизни как якобы за истинно национальные черты, но глубинная, ментальная суть “байства” долго оставалась, а порой и усиливалась, проявляясь в национальных выдвиженцах на руководящие посты. В казахстанском обществе советского периода возникла действительно “лабораторная” аура национальных отношений, прежде всего, казахско-русских. С одной стороны, было много сёл, аулов, трудовых коллективов с однородным национальным составом, где не было необходимости применять “лабораторную” калькуляцию процентного представительства в президиумах собраний, в выборных комитетах и комиссиях, в наградных и поощрительных списках. Но, с другой стороны, чем дальше, тем больше становилось и территорий со смешанным населением, и многонациональных коллективов, где нужна была уже “алгебра” сочетания пропорций и качества национального представительства, которая не всегда была под силу выдвиженцам с феодально-байской психологией.

Динмухамед Ахмедович Кунаев представлял собой тип руководителя, который не просто приобретает громкое имя в силу поставившей его в центр внимания исторической случайности; он из тех, кто со временем вырастают в национальных героев, как бы не прилагая для этого личных усилий. Возможно, родился он где-нибудь в Конго, он назывался бы Патрис Лумумба, в Мозамбике — Сомора Машел, в Гвинее — Амилькар Кабрал, в ЮАР — Нельсон Мандела, на Кубе — Фидель Кастро... Но я не уверен, что кто-нибудь из них стал бы Кунаевым, родился казахом в его время. В Советском Казахстане, как и во всём Советском Союзе, “национальному герою” надо было владеть высшей алгеброй интернационализма, чтобы в идеологической ауре дружбы народов не “уклониться” в свою ещё живущую феодально-байскую психологию или, наоборот, так оторваться от неё, стать таким уж безнационально-интернациональным, что тебя родная мама не узнает.

Помимо национального фактора авторитет советского руководителя любого ранга зависел от личного умения подчинить своё такое уж характерное общему безличностному; при этом оставаться живым человеком, а не функцией. Народ каким-то десятым чувством определял истинное “нутро” даже у самого умелого “артиста”. А Кунаеву и “играть” не приходилось. Его обаятельная интеллигентная улыбка, высокая стройная фигура с чуть утяжелённой походкой к старости, неторопливо-уверенные движения, взвешенная немногословность — уже его внешний вид выдавал натуру несуетливую, цельную, располагающую к себе, внимательную. Сколько я его видел и знал, не могу припомнить ни одного штриха рисовки, работы на публику, внешней аффектации, столь присущих большинству публичных политиков.

Перебирая в памяти сотни руководителей разных рангов — от директоров совхозов, председателей колхозов, начальства районного, областного и республиканского масштаба до тех, кто на виду у всей страны, чьи качества мне позволяет сравнивать личный опыт общения, я странным образом интуитивно выделяю наиболее авторитетных по этому “кунаевскому началу” — отсутствию аффектации. Озабоченные, углублённые в свои мысли, которые сначала кажутся второстепенными, а потом вырастают в значительную новизну, эти люди в моём представлении являются чистым продуктом советской эпохи. Назовём их людьми единого с обществом интереса, у которых действительно не расходились личные и общественные интересы, и не потому, что таково было идеологическое требование, а в силу внутреннего коллективистского склада натуры. Люди, которых я имею в виду, обладали недюжинными талантами, волей, самодисциплиной — всеми необходимыми качествами для успешной самореализации личности и, наверное, в любых условиях и на любом поприще им сопутствовал бы успех. Но не просто об успешных людях я веду речь. Во взаимоотношениях руководителя с подчинёнными редко складывается атмосфера всеобщего обожания руководителя. Бывают не менее авторитетные по своим качествам и результатам деятельности “начальники”, но они остаются в рамках своих функциональных параметров известности, субординации, пиетета. Как армейский мундир с различиями на погонах. Все командиры как командиры, а вот кто-то становится для солдат “батей”...

Таких первых “батей” я встретил на целине, где меня после университета избрали секретарём райкома комсомола. Объезжая на мотоцикле “владения свои” — колхозы и совхозы района, я с молодым максимализмом давал молниеносно-размашистые характеристики персонажам партийно-хозяйственного и комсомольского актива. Уже в первый год активного “изучения” руководящего человеческого материала пришло понимание большой разницы между первым впечатлением (одежкой), анкетной схемой кадрового учёта и глубинной сутью человека на посту. И, пожалуй, самым существенным моим “открытием” в “начальствоведении” стало наличие или отсутствие в человеке на посту той самой аффектации. Трудно объяснить, откуда у человека появляется “выраженье на лице”, что он начальник, и как он ни актёрствует, как ни пытается быть “своим в доску”, нет к нему того влечения подчинённых, какое вдруг появляется к человеку без “выраженья на лице”, который сразу ими признаётся “нашим”, которого почему-то хочется называть только по отчеству: Иваныч, Матвеевна, Ильич...

Первым “Ильичом” в моём “учебнике” стал Тихон Ильич Рахманин, директор нового совхоза “Бобровский”, приехавший на целину не то из Тамбовской, не то из Курской области уже Героем Социалистического Труда. Легендой стал совхозный сад, который он заложил, когда ещё жили в палатках, до первой борозды. А в здешних местах яблони сроду не цвели. В первые годы целины была, мягко сказать, большая текучесть кадров. Так вот, от Тихона Ильича люди не уезжали.

Другая “Ильинична”, Антонина Ильинична Башкатова, директор Берегового совхоза, поразила другим. Она как будто специально хотела восстановить против себя всех, с кем работала. Суровая, резкая, могла и по “матушке” пустить, она, кажется, никому доброго слова не сказала, а все любили её. Не удержусь, чтобы не рассказать эпизод, свидетелем которого был. В одну из комсомольско-молодёжных бригад Берегового совхоза во время сева, где я как раз находился, вдруг неожиданно заглянул проезжавший мимо секретарь ЦК Компартии Казахстана по сельскому хозяйству Григорий Андреевич Мельник. Кто он такой, мы узнали потом. А сначала увидели коренастого, полноватого, с глянцевого лысиной сердитого мужика в развевающемся габардиновом плаще и с налипшей на сапогах грязью: только что прошёл по пашне. Вернее, сначала было слово... Как только открылась дверца “Победы”, над притихшим полевым станом, над степным простором полетели его знаменитые фиоритуры “в бога, в душу, в ангидрит твою перекись марганца, в медный купорос, в пробирочку...”. Вскоре выяснилось, что гнев уполномоченного справедлив, разнос — по делу, оставалось только виновато прятать глаза. Оказалось, пройдя по соседнему полю, он быстро усёк “хитрость” недобросовестных трактористов: у края поля глубина вспашки нормальная, а там дальше, куда учётчики ленятся ходить, трактористы поднимают лемеха, лишь бы изобразить борозду, — и наматывают гектары на предельной скорости (оплата-то по гектарам!). Думали, что хоть появление директора Башкатовой снизит градус его кипения, женщина ведь... Какое!

— А ты, директор, куда смотришь? — набросился он и на неё. — Это что, такая твоя борьба за культуру целинного земледелия?! Хозяйство вести — это тебе не м...дями трясти! — и сам даже запнулся не столько от недопустимости грубой мужиковатости в разговоре с женщиной, сколько от нелепости смысла обвинительной метафоры.

— Потому и трясут, Григорий Андреевич, что м...даки, — спокойно ответила Башкатова, умело переадресуя обвинения истинным виновникам и тактично выводя зарвавшегося гостя из деликатной неловкости.

А ещё в районе было два уникала. Два старика, два первых и единственных (бессменных) руководителей хозяйств с момента их образования в 1930 году. Василий Сергеевич Выдрин — Песчанский совхоз, казак станицы Песчанской, и Николай Мефодьевич Козолуп — колхоз “Победа” (деревня Полтавка), из стольшинских переселенцев с Украины. В войну уже были в возрасте, потому на фронте не воевали; воевали на месте. В основном, с районным и областным начальством, которое их почему-то не любило и пыталось снимать с работы чуть ли не ежегодно (по итогам хлебозаготовок), но за них вступалось всё население, которое их, наоборот, любило. “Попомни, — говорил мне Николай Мефодьевич, — самая сильная власть — это колхозная демократия!”.

Потом я ещё немало встречал таких любимцев-руководителей: Н. Головацкий (Талды-Курганская область), Е. Зайчукова (Целиноградская),

Кан Де Хан (там же), М. Коптёлов (Алма-Атинская), Я. Геринг (Павлодарская) и другие. Их как будто и немало, но и не много. Все они, пожалуй, и одного процента не составят всего кадрового потенциала, который всё течёт, всё изменяется, не успевая закрепиться в памяти народной. “От качества ведущего слоя зависят судьбы государства”, — писал русский философ И. Ильин, которого мы, к сожалению, тогда не читали, но очевидное то и так бросается в глаза. “Кунаевское начало”, как я называю непоказное внутреннее качество руководителя, дисгармонировало с насаждаемым в хрущёвские времена стилем эффективной самоподачи. Главное — хорошо отчитаться перед вышестоящим начальством, и тебя запомнят, оценят. Движение так называемых “маяков”, развёрнутое в стране на фоне лозунгов “догнать и перегнать”, за двадцать лет построить коммунизм, породило плеяду легковатых функционеров власти, стремящихся крутиться на холостом ходу, не утруждая себя полезной нагрузкой для остальных “шестерёнок”. И такая пошла рапортomanия, такая система припудривания, такая режиссура выстраивания информационно-пропагандистских мизансцен с переполитизированной лексикой, что всё это практически отрывало “ведущий слой” от ведомых, превращая его в отдельную касту, имя которой — номенклатура. Мои любимые козолупы и выдрины тоже считались номенклатурой, но абсолютно лишённые умения крутиться вхолостую. Я сам, попавший в эту среду, на себе испытал ремни трансмиссий номенклатурной системы.

Только стал секретарём райкома комсомола, — первое задание новичку системы: реализовать призыв ЦК ВЛКСМ “Молодёжь — в животноводство!”, создать в колхозах и совхозах комсомольско-молодёжные фермы. Дело, разумеется, нужное. Молодые пастухи, чабаны, табунщики, гуртоправы ещё встречались кое-где, а вот молодых доярок, свинок, телятниц, птичник практически не стало. Доживали ровесницы Козолупа и Выдрина с изуродованными от многолетней ручной дойки ревматическими руками. С внедрением машинного доения эта проблема решалась сама собой. Механизация ферм создавала приемлемые для молодёжи условия работы; туда её и призывать не надо — сама придёт. А звать я должен был в стоящие на отшибе продуваемые и промокаемые, без света и тепла, обросшие горами навоза так называемые скотопомещения, все сплошь довоенной постройки, ни разу не ремонтировавшиеся. Не искушённый в политесах и выкрутасах, я звоню в обком с, казалось бы, неопровержимыми доводами: прежде чем звать молодёжь, надо создать условия. Не с того конца, мол, начинаем... И нарываюсь на лобовой ответ: “Ты что, против решения ЦК ВЛКСМ?”. Пожалели новичка: посоветуйся, дескать, в райкоме партии. Иван Фёдорович Кабурнеев, первый секретарь райкома партии, дал мне первый урок номенклатурной науки. Наэлектризованный сходящимися к нему тысячами проблем, он с ходу расшифровал мою “шараду”: “В обком ответь: в новых целинных совхозах все фермы будут твоими, комсомольско-молодёжными, новенькими, с иголки, с электродоением, с навозоудалением, с тёплыми помещениями для молодняка. А в старых... — чуть запнулся, что-то вспомнив, и как заговорщик, перешёл почти на шёпот. — Езжай-ка к Козолупу и Выдрину. Я видел у них на фермах молодых доярок. Собери их в кучу — вот и у тебя будут сразу две фермы. Всё”. И схватился за дребезжащий телефон. Я претворил его “ЦУ”, хотя и ворчали старики, что перетасовка доярок — дело непростое;

коровы ведь привыкают, но, в конце концов, с кряхтением поддались на мои уговоры. В газетах, по радио, на пленумах, совещаниях, слётах трубили о “патриотическом порыве комсомольцев и молодёжи Песчанского совхоза и колхоза “Победа”. Хоть сквозь землю провалились! Оказывается, я уже и “авторитетный вожак”, и “умелый, инициативный организатор”. Каково было всё это читать и слышать, осознавая, что на самом-то деле в результате моей “инициативной, организаторской работы” славные ряды животноводов не пополнились ни одной новой душой?! “Ничо, паря! — лукаво сощурясь, колнул меня большим пальцем в бок Василий Сергеевич на очередном пленуме райкома партии после очередного славословия в мой адрес, — когда несправедливо хвалят, пережить ещё можно, а вот уж когда облыжно ругают, — спасу нет!”.

“Облыжность” тоже не заставила себя ждать. В 1956 году на целине был хороший урожай. Распаханные и засеянные огромные площади вдруг дали столько зерна, сколько не готова была ещё принять незрелая инфраструктура целинных хозяйств. Не хватало ни комбайнов, ни машин, ни дорог, ни элеваторов. Прямо в степи под открытым небом расчищались площадки, на которых вырастали буквально “золотые горы” зерна. Ажиотаж был велик. Шла “битва за казахстанский миллиард пудов”. (По традиции хлеб измеряли пудами, хотя вся статистика была в центнерах и тоннах. Но пуды давали “красивую” цифру). Я уже работал первым секретарём Павлодарского обкома комсомола и находился, так сказать, в штабе одного из фронтов этой битвы. Правда, у комсомола на тот момент была ещё своя особая забота, своё отдельное обязательство: поднять “голубую целину”, развести на всех водоёмах уток. В области выращивалось где-то до 300 тысяч уток. Мы пообещали за год довести утиное поголовье до 5 миллионов. Однако в “битве за миллиард” во время уборки было не до уток. Эшелон за эшелона прибывали со всей страны помощники — студенты, “пэтэушники”, рабочие. Их надо было встречать, размещать, кормить и работой загружать. Вся эта неквалифицированная масса направлялась, в основном, с лопатами к тем самым “золатым горам”, теперь уже почерневшим буртам, перелопачивать сгоревшее зерно. Ещё раз не удержусь от зарисовки одного из эпизодов того времени, отражающей напряжённость “битвы за урожай”.

Привокзальная площадь Павлодара забита машинами, украшенными флагами и приветственными лозунгами на бортах. Их прислали хозяйства области к очередному эшелону, ожидаемому из Тулы. Рядом сквер оккупировала транзитная группа в несколько сот человек “пэтэушников” из Ростова. Здесь конечный пункт маршрута Ростов — Павлодар, а им надо дальше, в Барнаул. Почти сутки ждут пересадки. Недовольство томительным бездельным ожиданием, зависть к другим, которых встречают с музыкой, выливаются в хулиганство. В окна подошедшего из Тулы поезда полетели камни... Как работает “мысль” толпы? Как в непредвиденной ситуации могла сорганизоваться в считанные мгновения выскочившая из вагонов воинственная мужская масса, уже голая до пояса (чтобы отличать своих), на ходу вооружившаяся подвернувшимся штакетником и с жутким утробным рёвом “А — а — а!” выплеснувшаяся на площадь?! Волна полуголых туляков, орудующих штакетниками, как мечами, прокатилась по скверу, разметав росточкан и их пожитки, по рядам ожидавших их украшенных машин, разбивая лобовые стёкла, избивая и разгоняя шофёров. Потом мы в сквере

найдем убитым одного щупленького ростовчанина, который почему-то не смог убежать, и не найдем машин, чтобы развозить туляков.

Эшелон за эшелон, эпизод за эпизодом... Далеко уведет цепочка воспоминаний, а надо помнить, что наша тема прервалась на слове “облыжка”. Может быть, и не совсем точно употребил тогда Василий Сергеевич это народное словечко, но оно стало для меня названием другого, отличного от козолупо-выдринского, стиля руководства: своекорыстного, конъюнктурного, нагло-властного, приблизительно-неопределенного, бравадно-хвастливого. В тот год первой “битвы за казахстанский миллиард” его, этого стиля, было навалом.

Сколько же было уполномоченных! От вышестоящих. Потому и свысокасмотрящих. Но в то же время полностью зависимых от тех, кого приехали опекать, потому что не знают да и не могут знать обстановку лучше их. Не могут давать указаний (подписывать решения), но в то же время как бы и наделены полномочиями руководить, направлять и поправлять. Их не любили, а надо бы жалеть. Более двусмысленного положения трудно придумать. Хорошо, у меня оказался “смышлёный” уполномоченный ЦК ВЛКСМ Владлен Малёхонков: “Отправь, — сказал, — меня на охоту, и я тебе не буду мешать”. А над первым секретарём обкома партии Семёном Дмитриевичем Елагиным стояла целая бригада из Москвы и Алма-Аты. Очень деятельная бригада. Ведь мечта каждого уполномоченного — перевыполнить государственный план. А тут даже невооружённым глазом видно: урожай выше всяких планов. Область до подъёма целины сдавала государству двадцать-тридцать миллионов пудов. После подъёма эта цифра поднялась до семидесяти-восемидесяти. Бригада родила идею: область возьмёт обязательство сдать 100 миллионов пудов! Цифра красивая, вдохновляющая (столько хлеба весь Казахстан не всегда сдавал до целины). Прошли собрания, совещания, пленумы. Подтвердили: даём 100 миллионов! Семён Дмитриевич Елагин, балагур и весельчак, на сей раз на трибуне был без привычных шуток: отвечать-то ему, а не бригаде. (“Недогнёшь — цел останешься, — нередко подмигивал он, — а перегнёшь — себя сломаешь. Это вон комсомолу, — кивал в мою сторону, — можно и даже нужно перегибать. Над ним партия есть — поправит. А нас поправлять некому”). Можно только догадываться, как на него давила бригада, если он даже после “прогиба” до 100 млн. вскоре прогнулся ещё до 120. Пересчитали, поднатужились, разрешили Заготзерно производить приёмку хлеба прямо на токах (в буртах), провели собрания, совещания, пленумы и утвердили это повышенное обязательство. Семён Дмитриевич Елагин, лёгкую фигуру которого привыкли видеть всегда прямой, пружиняще-подпрыгивающей, ссутулился, почернел, сморщился. И уже даже представить невозможно, в каких умах зародилась, через какие щели выползла идея “встречных обязательств”, якобы идущих от сердец тех, кто на полях: “Даёшь 150 миллионов пудов павлодарского хлеба!”. Семён Дмитриевич Елагин забыл своё балагурство и только как-то криво подхихикивал самодовольным шуткам сияющих уполномоченных. Битва завершилась. Область триумфально рапортовала о сдаче Родине 155 млн. пудов. Отгремели страда и послеуборочные тосты, обмыты ордена и премии. Сам Сулов вручил области орден Ленина. Лишь к концу зимы раздался громкий треск лопнувшей “перегнутой палки”: в закромах Родины оказалось не 155, а только 120 млн. пудов павлодарского хлеба. “Приписки!” — зашелестело, загрохотало, завизжало

вокруг с такой же страстью, с какой звучало слово “Даёшь!” во время “битвы за урожай”.

Полетели головы почти всех причастных к хлебу областных руководителей. Меня эта новость застала в отдалённом колхозе, отрезанном от мира снежными заносами. Разыскал меня по телефону секретарь ЦК комсомола республики Роберт Савельев и не своим, всегда иронично-радушным, тоном, а холодно-официально сообщил, что я вызываюсь на бюро ЦК. Яснее ясного. “Партия велела, комсомол ответил: есть!”. Прилетев в Алма-Ату вечером накануне заседания бюро, я зашёл в гостиничный номер С. Д. Елагина. Всё бывшее областное руководство было здесь. Снятые с должностей сидели за большим круглым столом, играли в преферанс и пили коньяк. Семён Дмитриевич Елагин снова был балагуром и весельчаком, хлёстко бил картой по столу, приговаривая: “Хочешь жить — умей крутиться!”. Увидев меня, удивлённо воззрился:

— А ты чего тут?

— Вызвали на бюро.

— Тоже снимать будут?

Я пожал плечами. Он запрокинул голову на спинку стула, замер, глядя в потолок, и вместе с ругательством заключил:

— Не скоро коммунизм построим!

Отчёт мой на заседании бюро, как я и предполагал, был не за хлеб, а за уток. Хлеб — дело общее, и за него уже ответили, кому надо. А утки — комсомольское обязательство. Никто вас за язык не тянул, сами назвали цифру 5000000. Изволь отвечать! Да, мы не дотянули до обязательства. Результат: 3,5 млн. Рост за год — в 11 раз. А расчёты не сошлись, потому что была большая отбраковка яйца — ведь собирали его по дворам, падёж молодняка — наши упрощённые траншейные птичники не спасали от перепада температур. Да и поставки инкубаторов... Вот наши данные в разрезе каждой десятидневки. И я выложил на стол гроссбухи, подшитые нашим начальником штаба “голубой целины”, зав. орготделом обкома комсомола Володей Аллейновым. ... Долго потом сидел в приёмной, ожидая решения своей участи.

Гораздо позже, когда я, простившись с комсомолом, закончил Академию общественных наук и работал уже в ЦК партии, поведал мне Косай Егизбаев, как решалась моя участь после того, как он предложил мне подождать в приёмной. Выслушав мой отчёт, члены бюро робко (потому что заранее было всё предрешено) высказались в духе “казнить нельзя помиловать”. Не продублировать комсомолу решение партийного органа было просто невыносимо. Но и резать по-живому, убивать опыт, который надо бы распространять, рука не поднималась. Рука Косая подняла трубку, связавшись с первым секретарём ЦК ВЛКСМ Сергеем Павловым, с которым до того уже была согласована моя отставка. С. П. Павлов отличался крутостью суждений, не любил компромиссов, тем более отступлений от уже принятых решений. Все это знали, и надо отдать должное мужеству Косая, который попытался противостоять номенклатурной облыбности. Добился только ворчливой отсылки к ЦК партии республики: Павлов-де не будет возражать, если ЦК найдёт приемлемым ограничиться обсуждением. Косай всё подробно рассказал Кунаеву и услышал в ответ:

— Да его не снимать надо, а брать на республику: пусть занимается всей сельской молодёжью.

Так “кунаевское начало” коснулось и моей личной судьбы.

После потрясений на алма-атинской площади им. Л. И. Брежнева 16-17 декабря 1986 года, причиной которых, как мы помним, стала замена казаха Кунаева на русского Колбина, особенно после Постановления ЦК КПСС, давшего политическую оценку этому событию как “проявление казахского национализма”, резко раздвоилось мнение о личности Д. А. Кунаева. Одна крайняя точка зрения: скрытый националист, рядившийся под интернационалиста; потому-то, мол, и вышла его защищать националистически настроенная молодёжь. Г. В. Колбин в своих выступлениях тоже делал намёк на солидарность Кунаева с этой бунтующей молодёжью. Раскрывал такую подробность: дескать, он и другие члены бюро просили Кунаева приехать на площадь, выступить перед “бунтарями”, успокоить их и просить разойтись по домам. Он этого не сделал.

Никакого казахского национализма нет в природе! — другая точка зрения, не согласная с Постановлением ЦК КПСС. “Вы ловите чёрную кошку в тёмной комнате, тем более что её там нет, — обращаясь непосредственно к Колбину, говорил писатель Сафуан Шаймерденов на пленуме правления Союза писателей Казахстана, посвящённом этому событию. — Никакой Кунаев не националист, он просто “мешок обещаний”. Обещал много, но ничего не сделал для казахского народа”.

Так кто же он, Динмухамед Ахмедович Кунаев? Кстати, повсеместно в Казахстане его называли Димаш Ахмедович, сохраняя уменьшительно-ласкательное материнское сокращение полного имени. В этом факте есть что-то символическое. У казахов есть языковая норма уважительного обращения к старшему с добавлением частицы “-еке” (Абай — Абеке, Динмухамед — Демеке и т. д.). Сохранение детского ласкательного варианта — уникальный случай. Это имя придавало неожиданную теплоту при восприятии самого облика Руководителя Республики вместо холодно-официального “Динмухамед Ахмед-улы”. Хотя, если обращаться к личным впечатлениям более “близкого” знакомства с ним, когда стал работать секретарём ЦК комсомола, то, откровенно, ничего особенного припомнить не могу, кроме естественного пиетета комсомольца перед крупным партийным деятелем, да и просто старшим по возрасту (20 лет разницы). И всё же, вспоминая сегодня свои тогдашние восприятия этой фигуры как субординационное уважение и даже юношеско-романтическое восхищение всегда подтянутым, умным, тактичным “главным начальником”, я не могу не отметить один из главных кунаевских уроков, который я усвоил как молодой функционер казахстанского республиканского масштаба.

Я недаром так много в начале этого повествования говорил о своём сибирско-казацком генезисе. Так вот, “оттого, что я с севера, что ли”, мне пришлось здесь, на этой республиканской “гобе” (вершине), корректировать, а в чём-то и менять свой взгляд на Казахстан, на роль и значение казахов в Казахстане, как это ни покажется странным кому-то. Сначала царапнуло услышанное от Кунаева выражение: “Мы с вами не в Рязанской губернии”. Почему должна быть какая-то разность с Рязанью? Я-то как раз и чувствовал, и понимал, и привыкал, и хотел воспринимать, что нет никакой разницы. Все мы счастливые дети Советской страны. И прежний взгляд с севера на Казахстан меня укреплял в этой уверенности: местные наши казахи, учась и работая вместе с русскими, немцами, поляками, корейцами и другими, не

возникали как отдельная проблема. Начав заниматься сельской молодёжью республики, я, разумеется, всё мерил своим северным целинным аршином. Там были проблемы нового целинного земледелия, основанного на противозерозионной технике, энергооснащённость полеводческих бригад и животноводческих ферм, обучение молодёжи новым технологиям, культурно-бытовое устройство, организация досуга молодёжи в целинных агрогородках и т. д. И — никаких национальных проблем! Так же, как и в Рязани. А тут вдруг возникает свой собственный казахский национальный вопрос. Центр и юг Казахстана (кроме крайнего орошаемого юга) занимает зона полупустынных и пустынных земель, плоскогорья Казахского мелкосопочника с засушливыми летними суховеями и зимними смертельными для скота на подножном корму оледенениями — джумом. Сельское население этого огромного степного пространства в основном мононациональное, казахское. Основное занятие этого сельского населения — скотоводство. Преимущественно овцеводство. Ведётся оно традиционно, как велось и тысячелетия назад. Молодёжь разбужена прогрессом, тянется в города, пасти отары некому. В иных хозяйствах чабанами остались только немощные старики. Утром его посадят верхом на лошадь, а вечером снимут...

— Вот куда надо звать молодёжь! — говорил нам, секретарям ЦК комсомола республики, Димаш Ахмедович. — Причём не из Рязани (далась ему эта Рязань!) или Белоруссии, как на целину. Сюда, в овцеводство, они не пойдут. Это родная стихия казахов. И надо, чтобы молодые руки перенимали стариковский “таяк” (рабочий шест чабана). — И развивал перед нами мысли, которых не было в его докладах и публичных выступлениях. Общее направление этих мыслей приблизительно таково. Все мы в Советском Союзе делаем одно большое дело, строим счастливое будущее для своих народов. Дело святое. Для каждого. Но у каждого есть свои собственные проблемы, которые никто — ни сосед, ни дядя из Москвы — за него не сделает. Взять хотя бы нашу аульную молодёжь. Рядом вырастает Казахстанская Магнитка, Соколовско-Сарбайский ГОК, ТЭЦ, ГРЭС, шахты, рудники, целинные совхозы. А посмотрите, много ли там рабочих-казахов? Надо прямо сказать: нет казахского рабочего класса. А без рабочего класса нация однобока. Да, мы представляем квоты для аульной молодёжи в вузы и техникумы. И казахская национальная интеллигенция у нас растёт, но на рабочих профессиях мало казахов. Разумеется, мы работаем без оглядки на национальность, все для нас равны. Это большое достижение — наше интернациональное братство. Но оно, как бы точнее сказать, начинается с определённого уровня: надо владеть русским языком, достаточными знаниями, культурой общения. И надо прямо говорить: наша аульная молодёжь, которая и должна пополнять рабочий класс (а производственные коллективы у нас, как правило, многонациональны), не готова к такому интернациональному общению. С другой стороны, молодой казах не хочет и дедовским делом заниматься — пасти овец (тут Димаш Ахмедович и привёл тот самый пример с аксакалом, которого утром посадят на лошадь, а вечером снимут). И посоветовал комсомолу заняться пополнением казахского рабочего класса, воспитанием молодых чабанов.

Присутствовавшая на этой беседе секретарь ЦК ВЛКСМ Л. Балясная, приехавшая на съезд комсомола Казахстана, после того, как мы вышли от Д. А. Кунаева, сказала нам восхищённо: “Как же повезло вам, ребяташки, с партийным руководителем!”. В чём именно повезло, сразу не уточнила, но

потом передавали её отзыв о Кунаеве: не часто увидишь в национальной республике руководителя из коренной национальности, который бы так смело и открыто поднимал проблемы своей нации, не боясь обвинения в национализме. В нём сердце истинного интернационалиста. Не только по этой фразе, которая стала для меня, неопытного ещё общественного работника, некоей формулой определения внутренней сути человека, я навсегда занёс Любовь Кузьминичну Балясную в свой “иконостас” руководителя козолуповско-выдринского типа с “кунаевским началом”.

В комсомольской работе было много шума и звона. И мы сами смеялись над “комсомольской статистикой” (“Сколько посадили деревьев? — Тысячу. — А сколько липы? — Да всё липа!”). Но вспоминая сегодня весь тот шум и звон как весёлое “музыкальное сопровождение” жизни и деятельности, мы видим, что результаты-то были. Пусть не в тех максималистски-звонких объёмах, но оставался реальный подъём производства, поголовья, гектаров, тонн, метров... И людей! Ведь даже те мои “стыдные” комсомольско-молодёжные фермы... У Козолупа и Выдрина молодёжь-то уже была в животноводстве. А потом — и звон помогал. За теми 3,5 млн. уток стояли конкретные девушки и юноши. Как сейчас вижу двух красавиц среди гогочущего “войска” на ферме Байгунусского совхоза — Веру Малинину и Римму Молоденкову, двух вчерашних школьниц, золотых медалисток. Вспоминаются скромные, учтивые, внимательно слушающие напутственные речи юноши-казахи, которых комсомол Казахстана направляет учиться мастерству сталевара в Нижний Тагил, Днепропетровск, Кривой Рог. Среди них пока ничем не выделяется ставшее после очень громким имя — Нурсултан Назарбаев.

Работа с молодыми чабанами дала мне конкретное видение проблемы кунаевскими глазами. Чего греха таить, весь пропахший целиной, весь такой лозунгово-стремительный, хотя и набивший уже шишки на “голубой целину”, я видел поставленную перед собой новую задачу как очередную “целину”. Но, окунувшись в стихию отгонного животноводства, побывав во многих удалённых точках южных и западных областей республики, я сначала просто присмирел. Огромная вечная книга человеческого бытия открылась мне в этих пустынных и полупустынных барханах. Надо было бы родиться вот на этой кошме, под которой прячутся скорпионы, вот в такой юрте или на навьюченном верблюде во время кочёвки, надо было с детства впитать в себя сладчайший запах кизячного дыма, заострить глаз на едва заметные извилины бесконечной линии окоёма, чтобы безошибочно ориентироваться в этом разрежённом пространстве, чтобы хоть как-то понимать замысловатые знаки этой книги степного бытия. А ведь именно здесь, в этих юртах, аулах, отгонах, кочёвках — все истоки казахского народа, его языковая, нравственная, поэтическая и философская основа. Теперь, уже в так называемое постсоветское время, когда тревожно встал вопрос о судьбе русской деревни в контексте выживания русской нации, я постигаю более глубокий смысл кунаевского взгляда на проблему молодых чабанов. Несомненно, его волновала не только внешне-производственная, а именно эта, глубинная, национальная сторона “чабанского вопроса”.

Проведённый нами Первый слёт молодых чабанов Казахстана дал начало внедрению новой организационной формы ведения овцеводства — укрупнённых механизированных чабанских бригад по примеру бригады Айтбека Мусаева из совхоза “Тимурский” Чимкентской области, ставшего моим

другом на всю жизнь. Наши укрупнённые бригады требовали больших финансовых вложений в овцеводство, по сути, лишь для создания цивилизованных условий чабанам. Стратегический выигрыш, связанный с приходом молодёжи в отрасль, руководители хозяйств как-то туго просчитывали. Они тыкали нам в глаза расчёты, на сколько возрастёт себестоимость баранины, шерсти, шкур, каракуля, и консервативно сопротивлялись. Но за нами стоял Кунаев, и комсомол смело бросался на ретроградов. В связи с этим вспоминается мне ещё один кунаевский урок. Столкнувшись с “тихим саботажем” хозяйственников, ЦК комсомола подготовил записку в ЦК партии и Совмин, в которой, в общем-то, повторил требования тех самых “саботажников”: заложить в государственный план строительство энного количества типовых центров укрупнённых чабанских бригад с отдельной строкой в бюджете, разумеется. На одном из заседаний бюро мы услышали ответ Димаша Ахмедовича в его рассуждении о принципах планирования. Смысл этого высказывания сводился к обидной для нас насмешке над “некоторыми”, кто представляет план как директиву сверху. Придумал или увидел что-то где-то новое — давай-ка его внедрим повсеместно! Нужен-де только приказ и деньги. А тот, кому приказываешь, кто на своём месте должен выполнять твой приказ, или хлопает глазами от непонимания, или тут же прикидывает, а нельзя ли употребить эти деньги на кричащую нужду. Ты сначала внедри идею в головы исполнителей, чтобы именно они просили включить в план и выделить средства на это новшество.

Сегодняшним “задним умом” я слышу в том рассуждении Кунаева не только (и не столько) урок нам, ретивым комсомолятам, сколько отголоски более серьёзных мыслей о сотрясавших страну повсеместно внедряемых хрущёвских новациях. А тогда поразила кажущаяся “противоречивость” его. Ведь наша записка являлась как бы логическим продолжением его же указаний о создании условий для молодых чабанов, и мы были абсолютно убеждены, что укрупнённые чабанские бригады — практически единственный путь привлечения молодёжи в овцеводство... И вдруг получаем “втык”. И от кого? От самого нашего идейного вдохновителя в этом деле! Это был урок диалектического непрямолинейного подхода к делу, когда рождение чего-то нового понимается не как результат твоей пусть и мудрой мысли, а как сложный механизм оплодотворения твоей идеей жизнетворного народного организма, который — единственный — и даёт начало новой действительности.

Этот “кунаевский урок” я ещё раз вспомнил, когда, работая над диссертацией в АОН, наткнулся на одну ленинскую теоретическую мысль, что “следует считать достигнутым лишь то, что вошло в культуру, в привычки, в быт народа”. Не каждому дано представить путь длиной от зарождения мысли в голове человека до её воплощения, причём уже в формах культуры, в виде привычек. Говорят, диалектическим мышлением обладают немногие, примерно один из тысячи. Сам Димаш Ахмедович не любил теоретизировать. Даже как бы нарочито дистанцировался от абстракций. Когда вдруг возникали споры вокруг какой-то проблемы, он со своей деликатной улыбкой обращался к Н. Джангильдину или С. Имашеву (секретарям по пропаганде в разное время) с одной и той же фразой: “А что на это скажет нам главный

идеолог?”. Звучало это как бы с лёгким налётом иронии: дескать, вот приходится задевать высокие материи ради неких “низких истин”, но сам факт обращения к теории говорил о постоянной работе некоего диалектического механизма в его мышлении, видящего единство в борьбе противоположностей. Он не отсекал в этой борьбе одну из противоположностей только потому, что она ему не нравилась, не торопился своим авторитетом придать одной из сторон статус “истины в высшей инстанции”, как это, к сожалению, делали и делают многие облечённые властью. Так или иначе, вынужденный говорить решающее слово перед принятием постановления, он обязательно смягчал удар для побеждённой в споре стороны какой-нибудь шуткой или пожеланием отыграться в другой раз, в другом деле. Имея возможность в течение двух десятков лет наблюдать этого человека пусть не настолько близко, но всё же довольно часто во многих внутриаппаратных моментах, случайных и неслучайных встречах, я не припомню случая, чтобы он, что называется, “вышел из себя”, повысил на кого-то голос.

Не впадал он и в поучительный тон, столь свойственный политикам его уровня, когда банальности выдают за откровения. Обладая грамотной русской литературной речью, он практически не пользовался этим “инструментом” в публичной политике. Правда, и время было другое, без частых пресс-конференций, телеинтервью и т. д. Он как официальное лицо признавал “своими” только формулировки официальных документов, письменных речей. Кажется, никогда не отклонялся от текста доклада или выступления. И я, по большому счёту, не могу этот суховатый кунаевский стиль осуждать, сравнивая его, например, с хрущёвским “безразмерным” стилем.

Дела в республике под его руководством шли вверх по всем плановым и неплановым показателям. От пятилетки к пятилетке не только прибавлялись тонны хлеба, стали, угля, нефти, но и повышалось благосостояние населения: то было пять холодильников на сотню семей, а вот уже — чуть ли не в каждой семье; вот уже автомобиль и мотоцикл перестали быть роскошью на сельском дворе; растёт спрос на ковры и мебельные гарнитуры... При всех огромных очередях на квартиры, порой возникающих на этой почве конфликтных ситуациях, радость новоселий испытывало всё большее число семей. В докладах и выступлениях Д. А. Кунаева можно проследить этот рост от съезда к съезду, от пленума к пленуму. Там же, в тех докладах, можно найти и его личное эмоциональное отношение к цифрам: то сдержанное удовлетворение, то явное беспокойство, а то и прямое недовольство, например, затягиванием строительства объектов соцкультбыта (больницы, школы, магазины, клубы).

В тех же докладах и речах Д. А. Кунаева, в этой, без преувеличения, его политической автобиографии можно натолкнуться, например, на размышление о том, что рост культурных запросов населения выдвигает совершенно новые задачи. В целинных хозяйствах подросли дети. Некоторые родители вынуждены уезжать из-за невозможности обучать одарённых детей в музыкальных и художественных школах. Наша задача: удовлетворять растущие потребности. (И я знаю примеры этого удовлетворения — музыкальные школы в совхозе “Тимирязевский” Северо-Казахстанской области, в колхозе “30 лет Казахстана” Павлодарской и др. Причём в упомянутом колхозе председателем Я. Геринг, благодаря “колхозной демократии”, как он с серьёзной гордостью утверждал, установил такие зарплаты, что переманил лучших преподавателей из областного центра).

Сейчас, когда я смотрю на Д. А. Кунаева из так называемого постсоветского, посткоммунистического пространства и времени, где та эпоха и то государство заклеены как тоталитарные, недемократичные и, стало быть, руководитель крупного ранга того времени подлежит заведомому неприятию как функционер тоталитаризма, то думаю: есть в этой придумке про тоталитаризм что-то лукаво-дьявольское. Не могу я упрекать Димаша Ахмедовича в недемократизме. Ведь надо видеть, от чего и к чему шли, хуже или лучше становилось народу день ото дня, год от года. Надо держать в уме, что пережили до этого. Наоборот, сравнивая сегодняшние “демократические” порядки с тем временем, я вижу в том “тоталитаризме” больше демократии: все постановления, законы, инструкции, планы составлялись под углом зрения “блага народа” (без всякой пропаганды). Была создана система контроля за выполнением всех планов, законов, инструкций. Был периодический отчет всех от мала до велика за свою деятельность и ответственность за невыполнение. И если в докладе Д. А. Кунаева прозвучало недовольство в связи с “недостроен” в соцкультбыте, то завтра уже ожидай серьёзный разбор в соответствующих организациях. И не нужен был Кунаеву какой-то “пиар” своей персоны. Правда, нечто “пиаровское” сквозило в триумфальных выездах в целинные области перед уборкой “миллиардного” урожая, которые он совершал иногда вместе с Л. И. Брежневым. Но это был, скажем так, “бесполезный пиар”, поскольку эти фигуры не нуждались в “раскрутке”. Однако в общественную атмосферу такие поездки вносили приподнятое настроение всех участников уборки от сознания своей государственной значимости, праздничные мотивы в совершаемые ими большие и малые победы, которые не только оправдывают, но и украшают существование. И, ей-же-ей, очередную Звезду Героя на грудь Д. А. Кунаева воспринимали (по себе сужу) с искренней радостью, как свою награду. Про Брежнева ухмылялись, а за Кунаева — радовались.

Даже подумать о Кунаеве что-то плохое никто не мог: не давал повода. Искатели компромата у таких людей ищут его ещё и у детей, на которых, говорят, “отдыхает природа”. Так Кунаев и тут не дал повода: не было у него детей. А жена Зухра Шариповна появлялась с мужем только в театрах и на концертах, скромно-учтивая, в сдержанно-приличном “прикиде”. Никаких шушуканий, сплетен, “перемываний косточек” — всей этой “великосветской” пошлости — не было вокруг его имени. Правда, бросал косвенную тень брат М. А. Кунаев, президент Академии наук республики, пристрастие к спиртному которого не являлось секретом.

Из каких-то личных пристрастий Кунаева отмечается только охота. Не афишируемая, разумеется (никто никогда не знал, когда и где он охотился), но и не скрываемая им самим в разговорах (“Вчера Леонид Ильич звонил, похвастался, какого кабана завалил”). Перед смертью обидела старика перестроечная власть, устроив водевиль проверок после гдьяновских разоблачений “узбекского дела”. Ему было предложено вернуть все дорогие подарки, которые он получал на высоком посту. Он вернул 40 охотничьих ружей. Красивых, дарственных. Других дорогих подарков не оказалось: и свои, и иностранные высокие гости не утруждали себя поиском подарка, зная о хобби адресата.

Окончание в следующем номере.

Ирина ВИНТЕР

Гордость павлодарского Прииртышья

Не принято подчёркивать, сколько женщине лет. Не принято, так не принято... Скажем так — юбилей. Он уже в нетерпении караулит у дверей Ольги Николаевны Григорьевой, любимицы многих и многих почитателей её творчества. Ольга Григорьева — поэтесса, причём, на взгляд всех, кто держал хоть однажды в руках любой из её поэтических сборников — с большой буквы. Невысокая, хрупкая, но с огромным дарованием — она гордость павлодарского Прииртышья, да и не только павлодарского, её творения знакомы любителям поэзии в Казахстане, в России (они увидели свет в журналах “Простор”, “Нива”, “Студенческий меридиан”, “Миша”, альманахе “Южная Звезда”, в сборнике материалов Международного конгресса “Русская словесность в мировом культурном контексте” и других), в Германии, Израиле, куда её книги шлют своим бывшим землякам из СНГ родственники и знакомые.

Удивительно, как наши женщины всё успевают?! Одни только домашние заботы и дела могут замучить: чтобы и тесто не “вышло” за края, и мясо не пригорело, и муж утром надел чистую глаженую рубашку, и детки были ухожены, и в доме порядок, и на даче. А потом ещё надо и самой принарядиться, подкраситься и нестись на работу и там, между делом, не забывая позвонить домой, проконтролировать — всё ли в порядке — подогрел ли сын обед, выполнил ли домашнее задание. Вечером снова масса дел. И так — бесконечно.

Для многих женщин такая жизнь как заколдованный круг, в котором сосредоточено всё их жизненное пространство, и вырваться из него трудно. Книгу прочесть, газету просмотреть, хороший сериал не пропустить — это уж как получится. О каких-то других интересах многим приходится только мечтать, и так, слава Богу, достаточно большой послужной список приходится на их долю, а время так немилосердно ужато и так быстротечно.

Но всегда найдётся лазейка даже в самом узком месте...

В тот ворох и уйму дел, лежащих на плечах женщин, некоторые из них умудряются “впихнуть” кусок времени, отведённый для творчества. И творят! Причём не тят-ляп, а профессионально, ёмко и красочно. Поистине — не хлебом единым жив человек. Кто-то прекрасно вяжет, кто-то занимается флористикой, кто-то выращивает необыкновенные розы, а кто-то пишет книги. Их у Ольги Григорьевой не меньше пятнадцати. И не только поэтических, есть и в прозе. Но влюблена она в поэзию, причём так же сильно, как любит жизнь, родину, край, в котором прожила большую часть своих лет.

Выходите! Остановка “Счастье!”

К Иртышу — с автобуса — гурьбой...

Или:

*Как сладко на родине спится,
Как будто и прошлого нет.
На кухне скрипят половицы —
То мать затевает обед.*

Детство её прошло в Новосибирске, а после седьмого класса семья переехала в Казахстан, с которым Ольга и не расстанется все эти долгие годы. Закончив с золотой медалью школу, она поступила в Алма-Ате в КазГУ, на факультет журналистики. После его окончания вместе с мужем приехала в Павлодар. Прииртышское раздолье, лёгкий, как будто парящий над Иртышом город, бесконечные дымчатые степи, пахнущее мёдом разнотравье лугов — вся эта красота вдохновляет, помогает творить, здесь талант Ольги раскрылся в полную силу...

Трудно поверить, что эта худенькая женщина — мать троих взрослых сыновей. Сыновья — её отрада, её забота, её счастье. Они тоже внесли своим шумным, радостным, насыщенным детством немало хороших поэтических строк в её творчество. Поэтические сборники “Данилкин кораблик”, “Приключение Бузика”, “Прогулка на Иртыш” (рождение каждого сына ознаменовалось рождением книжки) и другие тонко характеризуют психологию самых маленьких граждан. Уж ей-то, воспитавшей трёх детей, этого не изучить! Поэтесса всегда находит темы для малышей и так красочно и интересно их описывает, что дети приходят в восторг. Например, о сказочном мальчике Бузике:

*С милым маленьким мальчишкой
Подружилась вся семья.
Мама шьёт ему штанишки,
Бузе домик строю я.
Папа пилит и строгаёт —
Будет Бузiku кровать...*

Доходчиво для детей и интригующе, что же будет дальше?

А самая нужная книга для будущих учеников это “Павлодарская азбука”, которая без труда научит маленьких подготовишек читать и писать. На каждую букву в красочном и интересном словаре написано четверостишие. Малыши гораздо лучше усваивают урок, легко запоминая небольшие образные стихотворения. Вместо монотонного, нудного заучивания из учебника новая книга Ольги Григорьевой “Забавный самоучитель казахского языка” — бесценный подарок всем детям и учителям, так как здесь главное — быстрота запоминания, когда русские слова рифмуются с казахскими. Этот самоучитель широко используется в детских садах и школах Павлодара. И, может быть, недалог тот день, когда по этим азбукам будут учиться дети всей нашей многонациональной страны.

Ольга Николаевна любознательный и неутомимый человек. Чтобы лучше узнать о жизни и творчестве любимых ею поэтов, к примеру, Марины Цветаевой, она ездила на их родину, а потом рождались новые стихи, полные любви и сострадания к классикам русской поэзии, пережившим гонения и другие тяжелейшие удары судьбы.

Ольга Григорьева не только колоритная поэтесса, она часто выступает и в качестве прозаика. Очерки, философские эссе о знаменитых людях:

Марине и Анастасии Цветаевых, Павле Васильеве, Всеволоде Иванове, Леониде Мартынове, Евгении Евтушенко и других вошли в её прозаические книги. Несколько лет назад она написала пьесу о Цветаевых “Дочери царя”, спектакль по которой с успехом идёт на сцене Усть-Каменогорского театра драмы. Ольге с юности полюбили стихи М. Цветаевой, во многом благодаря которым она и устремилась в поэзию. А когда она как корреспондент областной газеты узнала, что сестра Марины — Анастасия Цветаева — в своё время жила в Павлодаре, то была потрясена этой новостью. Здесь неугомонный патриот своего края, поэтесса Ольга Григорьева развернула такую поисковую работу и написала столько различных статей и очерков, что о них вскоре узнали не только в области, стране, но и в России.

А потом, как “цветаевед”, павлодарская поэтесса участвовала на традиционном цветаевском костре в Тарусе, где когда-то жили Марина и Анастасия Цветаевы. Думала ли Ольга, когда в детстве зачитывалась М. Цветаевой, что судьба приведёт её в этот благодатный край, который так любили сёстры. Жизнь иногда преподносит людям, страстно добивающимся хороших результатов в своём деле и, кстати, достигшим их, такой большой подарок, который останется в памяти навсегда и которым вполне можно гордиться.

В 2006 году Ольгу Григорьеву в качестве докладчика пригласили на третьи Международные Цветаевские чтения, проходившие в Елабуге (здесь трагически закончила свой жизненный путь великая Марина Цветаева), единственную, кстати, из Казахстана. Там Ольга Николаевна познакомилась с ценителями и исследователями творчества русской поэтессы, приглашёнными из Франции, Чехии, Германии, Украины, Белоруссии. Там же на теплоходе, где проходил праздник поэзии, состоялась выставка фотографий Ольги Григорьевой, которая с большим успехом прошла ранее в Павлодаре и Астане, организованная в столице Российским центром науки и культуры при посольстве Российской Федерации в Казахстане. Автор посвятила её Году Пушкина в Казахстане и Году Абая в России. Ведь кроме стихов Ольга Николаевна увлекается фотографией, коллекция которой состоит из снимков с видами Павлодара, Астаны, Омска, Воронежа, Москвы, Новосибирска, Тарусы, Задонска и других. Фотографии и стихи, стихи и фотографии... Как говорит сама поэтесса: “Именно на стыке фотоискусства и поэзии возникает сопричастность неповторимым мгновениям Жизни”. Прекрасное всегда рядом с прекрасным!

В Москве в 2006 году вышел первый том антологии “Современное русское зарубежье”, куда вошли лучшие произведения лучших прозаиков и поэтов СНГ. Антология будет семитомной, в первый вошли стихи Ольги Григорьевой, Валерия Михайлова, Владимира Гундарева и других авторов-казахстанцев.

Одно из трудных, но интересных дел в её творчестве — это переводы с казахского и с немецкого на русский. Стихи поэтесс Шолпан Байгалиной и Нелли Ваккер в переводе на русский Ольги Григорьевой вошли в её сборник под названием “Вечный сюжет”. Этим работа над переводами не ограничивается, сейчас у поэтессы ещё ряд произведений казахских поэтов, которые тоже увидят свет на русском языке.

Жизнелюбие, уважение ко многому, что окружает неравнодушно го человека, восхищение красивым и возвышенным, любовь и чистота

помыслов — это Ольга Григорьева. Равнодушно читать её невозможно. Каждый найдёт в её стихах что-то личное, сокровенное, знакомое ему одному. Очень убедительно звучат её строки о жизненных невзгодах, о нравственной нечистоплотности, о подлости и жестокости, которые порою поджидают неискущённого человека, о трудностях, пережитых старшим поколением, в частности, родителями.

*... От пенсии гроши считает молча мать.
И шинами шуришит "тойотовская" рать.
На чашечках весов лежат добро и зло...*

Но в основном стихи Ольги Григорьевой лиричны, чисты, как первый снег, образ которого часто сопровождает её лирику.

*Быть добрым,
Быть добрым, как снег,
Негромкий, вечерний, пушистый...*

На стихи О. Григорьевой написаны десятки песен, которые постоянно звучат на праздничных концертах. Композиторы А. Амосов, И. Булатов, Н. Дукенбаев, Д. Жакибаев, Н. Корзенников, К. Сатиев, Л. Лобченко, М. Пульга, С. Немолочнова сотрудничают с поэтессой уже немало лет.

Ольга Григорьева — член областного литературного объединения имени Павла Васильева. Она с большим вниманием и интересом следит за творчеством молодых поэтов и много им помогает. Своим творчеством вдохновляет молодые дарования на высокое искусство, как когда-то, в свою очередь, её вдохновила Марина Цветаева. Её вклад в культурную жизнь области и страны очень ценен. По велению сердца Ольга Григорьева ревнитель культуры, культуры, которая однажды умирала от всех неурядиц и тягот, навалившихся на страну, от равнодушия одних и беспомощности других. Но искусство воскресло с новой силой благодаря и Ольге Григорьевой, и её неравнодушным собратьям по творчеству...

Награды тоже подтверждают её вклад в культуру: почётный знак Министерства культуры, информации и общественного согласия РК "Деятель культуры"; грант акима Павлодарской области К. А. Нурпеисова, присуждённый в 2005 году "За профессионализм, мастерство, актуальность публикаций и активную гражданскую позицию"; диплом акима города Павлодара Б. С. Демеуова "За пропаганду и сохранение культурно-исторического наследия, за личный вклад в воспитание и привитие эстетического вкуса подрастающему поколению", многочисленные грамоты и дипломы.

Ольга Григорьева — яркая личность, умная и красивая женщина. В ней сочетаются прекрасные человеческие качества, которые в полной мере видны в её произведениях: грустных, нежных, задорных, не терпящих фальши и жестокости, а главное — на редкость талантливых.

г. Павлодар.

Ольга ГРИГОРЬЕВА

Цветаевский ТЕПЛОХОД

Мне 49 лет. Я плыву из Москвы в Елабугу. У меня за спиной... О, все мои беды, проблемы, сомнения просто ничтожны по сравнению с теми, что были за спиной у неё, 49-летней Марины Цветаевой, отплывавшей из Москвы в Елабугу ровно 65 лет назад, 8 августа 1941 года.

Пароход назывался «Александр Пирогов». По словам очевидцев, он был замаскирован зелёными ветками, это было бы даже красиво, если бы не знать, для чего сделано... Москву уже бомбили, и эта наивная маскировка была от предполагаемого налёта фашистских самолётов.

Марина Ивановна панически боялась бомбёжек, боялась за судьбу сына. А Мур, услышав слова матери о решении эвакуироваться, пишет в дневнике: «... Я не ожидал от матери такого маразма. Она говорит, чтобы я «не обольщался школой...». У неё — панические настроения: «лучше умереть с голоду, чем под развалинами». Она говорит, что будем работать в колхозе. Идиотство! Какого чёрта работать в колхозе — неужели она думает достать себе пропитание этим? ... Утром я ей совершенно ясно и определённо и точно сказал, что в Татарию не поеду. Она ответила, что меня не просит...».

Такая обстановка была в семье накануне отъезда.

Её провожали Борис Пастернак и Виктор Боков. Когда они спросили, есть ли у неё с собой еда, она сказала: «Буфета разве на пароходе не будет?». Боков побежал покупать пирожки...

8 августа 1941 года Георгий Эфрон записывает в дневнике: «Нахожусь на борту «Александра Пирогова», который плывёт по каналу Москва — Волга. После трагических дней — трагических, главным образом, из-за отсутствия конкретных решений и почти фантастических изменений этих решений, после кошмарной погрузки на борт мы, наконец, отчалили. ... Всего путешествие продлится 8 дней. Окончательное место назначения город Елабуга, на реке Каме. ... Довольно паршиво, но всё, что я мог

Шлюз канала Москва — Волга.

сделать, чтобы противостоять этому отъезду, я сделал, включая угрозы, саботаж отъезда и вызов на помощь общих друзей...”.

8 августа 2006 года. Мы тоже плывём по каналу Москва — Волга. Это гидротехническое сооружение просто поражает! Корабль заходит в узкий “пенал” шлюза, и вода начинает понижаться на 7-8 метров. Стоишь на палубе и потихоньку опускаешься вместе с теплоходом в этом коридоре, определяя по его мокрым стенам, насколько глубок шлюз. Затем противоположные ворота открываются — и плывём дальше.

Канал решил проблему водоснабжения Москвы. Сейчас 60 процентов воды, которую потребляют москвичи и предприятия российской столицы — это волжская вода!

На 128-километровой трассе канала — 11 шлюзов, 40 плотин, 8 водохранилищ, 5 насосных станций, 8 гидроэлектростанций, всего 240 сооружений. Строился канал с 1932 по 1937 год и, конечно, кроме “технического” памятника — это горький памятник сталинской эпохи. Хронику сооружения канала описал А. И. Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ”. Страшно представить, сколько тысяч “каналармейцев” покоятся на его берегах...

Любовалась ли Марина Ивановна помпезными воротами шлюзов? Или, глядя на эти берега, вспоминала дочь, мужа, сестру, которые были репрессированы?

Наш теплоход, повторяющий последний путь Марины Ивановны, называется “Герой Александр Головачёв”. Сюда, на третьи международные Цветаевские чтения, собрались те, для которых имя Цветаевой стало не просто любовью, а, наверное, судьбой. Почти сто человек из разных стран мира и регионов России.

Интересно, что почти каждый пассажир “Цветаевского теплохода” так или иначе географически представлял какой-то отрезок жизненного пути поэта.

Директор культурного центра “Дом-музей Марины Цветаевой” в Борисоглебском переулке Э. С. Красовская вместе со своими сотрудниками представляла Москву, где родилась и выросла Марина. Директор музея семьи Цветаевых в Тарусе Е. М. Климова — город детства сестёр.

Л. Б. Владимирова, кандидат медицинских наук, руководитель “Литературной гостиной” Одесского Дома учёных была, можно сказать, посланцем Украины, благословенного волошинского Крыма, где познакомилась Марина со своим будущим мужем Сергеем Эфроном. Недолго были они вместе, недолго были счастливы и, может быть, одно из таких мест, кроме Коктебеля — город Александров Владимирской области, где сёстры Марина и Ася жили с мужьями и детьми в 1916 году. Александровский музей сестёр Цветаевых представляла на конференции учёный секретарь Э. Б. Калашникова.

Война, революция, эмиграция... Свою книгу “Марина Цветаева в Чехии” привезла из Праги исследователь жизни и творчества поэта Г. Б. Ванечкова.

Из Германии приехала Лилия Цибарт, организатор Цветаевских костров в этой стране, кстати, наша землячка, родом из Казахстана. Лилия родилась и жила в Актау Карагандинской области. Вместе с дочерью они сняли фильм “Сказочный Шварцвальд” по главам “Воспоминаний” А. И. Цветаевой.

В Париже живёт сейчас Ирина Ивановна Емельянова, преподаёт русский язык в Сорбонне. Она дочь Ольги Ивинской. Тем, кто знает и любит

творчество Бориса Пастернака, не надо объяснять, что значила эта женщина в его судьбе... Ирина Ивановна долгие годы дружила с дочерью Марины Цветаевой — Ариадной Эфрон.

Из зарубежных гостей очаровала всех Сельма Анзира, переводчик произведений М. Цветаевой на испанский язык, она живёт в Испании, в Барселоне.

Любовь Мистрюкова, врач из Минска, везла в Елабугу землю с тех мест, где погиб в 1944 году сын Марины Цветаевой Георгий (об этом чуть позже).

Я представляла Казахстан, Павлодар — город, связанный с жизнью Анастасии Цветаевой. Я была счастлива познакомиться на конференции с теми, кто дружил с Анастасией Ивановной. Это Доброслава Анатольевна Донская — почётный профессор московского института гуманитарного образования, член Российского дворянского собрания. Это Ирина Сергеевна Исаева, доктор сельскохозяйственных наук, помогавшая А. И. Цветаевой в работе над книгой “Неисчерпаемое”. Это литературный секретарь А. И. Цветаевой, искусствовед Станислав Айдинян. Все они, конечно, знают о нашем городе, о том, что живёт здесь внук Анастасии Ивановны — Геннадий Васильевич Зеленин, с которым они не раз встречались в Москве “у бабушки Аси”.

На конференции были люди, имена которых для любого цветаевода — просто легенда. Кандидат физико-математических наук Лев Мнухин, писатель из Казани Рафаэль Мустафин, директор Болшевского музея Зоя Атрохина, это Даниил Санников, доктор физико-математических наук, сын замечательного русского поэта Григория Санникова. В Данииле Григорьевиче соединились для меня два дорогих имени. Его отец дружил с Павлом Васильевым, а мать (в девичестве Назарбекян) — с Мариной Цветаевой.

... Наше путешествие было и горьким, и одновременно — бесконечно радостным, ибо не так уж часто собираются воедино столько единомышленников, понимающих друг друга с полуслова. Наверное, Марина была бы рада, узнав про этот “Цветаевский теплоход”...

Ах, как ёкнуло сердце, когда наш корабль отчалил от пристани, и между кормой и берегом появилась узкая полоска воды, потом она начала расширяться, расти... Почувствовала ли Марина в этот миг, что уплывает из своей любимой Москвы навсегда, навечно? Или всё же надеялась вернуться?

Мы разместились в комфортабельных каютах, нас накормили прекрасным ужином... 65 лет назад, конечно, всё было по-другому. Георгий пишет в дневнике: “Мы плывём в 4-м классе — худшем. ... Мы спим сидя, темно, вонь, но не стоит заботиться о комфорте — комфорт не русский продукт. ... В смысле жратвы — хлеб с сыром, пьём чай. Мне на вопрос жратвы наплевать. Но чем будет заниматься мать, что она будет делать и как зарабатывать на жизнь?”.

Давно уже пытаюсь разгадать тайну её ухода, я вчитываюсь в скупые строки воспоминаний очевидцев, пытаюсь убедить себя, что она всеми силами цеплялась за жизнь, что не плыла в Елабугу на верную гибель. На пароходе она распродала свои вещи, мотки французской шерсти. “Собирала деньги на первое время житья в новых местах”, — пишет в своих воспоминаниях Галина Алперс. Значит, хотела жить! А может быть, собирала деньги, чтобы оставить их потом сыну, Муру?..

Первые часы путешествия все мы просто стояли на палубе, у перил, смотрели на отдаляющуюся Москву, на закатное солнце, на волну за кормой. Смотрели — и молчали... Мы шли дорогой Цветаевой.

Утром состоялось торжественное открытие чтений. Как заметил кто-то, наша встреча — конечно, праздник, но там, внутри, это берег уплывающий...

Д. А. Донская прочла на открытии чтений стихотворение, которое написала Наталья Николаевна Горбачёва, внучатая племянница А. А. Фета. Это стихотворение — приветствие участникам третьих Международных Цветаевских чтений называется “В час добрый, чудо-теплоход!”:

*И вновь сегодня горьким тем путём,
Которым ты ушла от нас когда-то,
Оставив всё: Москву, Трёхпрудный дом,
Всё-всё, что в этой жизни было свято,
Плывёт, минуя годы, теплоход.
Плывёт туда, до горького причала,
Манящего несбыточным: “А вдруг?”
Которого не будет... Ты то знала,
И ждал тебя там только Рок твой.
Крюк.
Плывёт сегодня чудо-теплоход!
Ещё ты знала, верила — час будет!
И вот такой вот чудо-теплоход
К тебе путём, что был жесток и труден,
Друзей России новой повезёт!
И в добрый час!
И пусть себе плывёт!..*

Как сказала на открытии Галина Данильева, замечательный поэт, цветаевед, старший научный сотрудник Московского Дома музея М. Цветаевой: “Нам честь и участь быть окликнутыми...”.

После обеда 9 августа мы подплывали к Угличу. Удивительной красоты храм — с красными стенами и синими куполами стоит на берегу, это церковь Димитрия “на крови”.

... Сойдя на берег, убеждаешься, что россияне наконец поняли выгоду расположения своих городов на туристических маршрутах. Туристический бизнес процветает. На пристани встретили нас весёлые мужички с гармошкой. Вдоль берега — нескончаемые ряды с сувенирами, одеждой, угличскими часами... Продавцы идут в ногу со временем, с иностранцами бойко торгуются по-английски.

И перед входом в Угличский кремль русские народные песни представляет ансамбль в народных костюмах, артисты добросовестно отработывают свой хлеб... Как тут не бросишь денежку в лежащую на земле кепку!

Но вот из века 21-го попадаешь в век 15-й. Сказочный Углич, один из древних городов России. Его основание относят к 937 году, когда посланец княгини Ольги выстроил крепость на высоком берегу Волги.

С Угличем связано одно из страшных и трагических событий русской истории, здесь был убит младший сын Ивана Грозного, семилетний Димитрий. Его зарезали среди бела дня, во время прогулки. Возмущённые горожане расправились с убийцами, а потом комиссия, приехавшая из Москвы, определила, что мальчик “погиб сам, играя с ножичком...”. Горожан за “самоуправство” жестоко наказали, и даже колокол, возвещавший о беде, сослали в Сибирь, вырвав ему “язык”...

Сейчас на месте гибели мальчика стоит церковь Димитрия “на крови”. Разрешили нам ударить в этот огромный колокол, возвращённый в Углич лишь в 90-е годы ушедшего века. И колокол загудел, воскрешая картины истории...

О, этот угличский колокол, символ поэтов всех времён! Власти и режимы заставляли их молчать — “вырывали язык”, ссылали в тьмутаракань... И всё же — пусть через века! — их горячее набатное слово услышат, их правду поймут.

Как мечтала Марина Ивановна, возвращаясь из Франции, быть услышанной — найти своего читателя! Увы, стихов не печатали, книг не издавали, пришлось зарабатывать на жизнь переводами. Режим обрекал на поэтическую немоту...

9 августа 1941 года Георгий Эфрон пишет в дневнике (по-французски): “Плыви, плыви... И мы плывём. К какой судьбе? Самое глупое то, что вода обычно вкладывает в наши уста слова вроде “судьбы”, “будущего” и т. д. Но, кстати, куда я плыву? Я даже, собственно, не знаю. Всё зависит от.. всего. Что будет делать мать? Где она будет жить в связи со своей работой: в Елабуге или в Казани? Есть ли десятиклассная школа в Елабуге? Все эти вопросы теснятся в моей бедной голове...”

... Главный вопрос — вопрос работы для матери, чтобы обеспечить “жильё и питание”, да и плату за мою школу”. (Заметим в скобках — у 16-летнего Мура не возникает и мысли о том, что можно поискать работу и для себя...).

И дальше в этой записи — аналитические и откровенные признания автора, позволяющие во многом понять его поведение, взаимоотношения с матерью и другими людьми: “Одним словом: я не люблю людей. 99 % людей мне представляются чудовищными существами, это какие-то наросты, раны. Они мне противны. Я всегда в них, в их мнениях, в их манере выразаться распознаю какой-нибудь недостаток или тик, которые мне представляются уродливыми и доминирующими в личности их обладателей. Я жажду гармонии... Плыви, плыви... Пойду на палубу второго класса”.

Утро 10 августа. Мы в Ярославле. У памятника Некрасову экскурсовод, конечно, прочёл хрестоматийное: “О Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя как я...”.

Ярославль, основанный в 1010 году, входит в Золотое кольцо России. Смотреть его нужно не один день (а тем более не полдня, как мы)... Но, тем не менее, успели мы и прогуляться по набережной, и сфотографироваться в белоснежной беседке на высоком берегу Волги, и полюбоваться на ковёр из цветов на “стрелке” — традиционном месте отдыха горожан. Успели

посмотреть храмы постройки 17-го века: церковь Благовещения, церковь Спаса на городу, Фёдоровский кафедральный собор, церковь Михаила Архангела. Архитектура каждого храма — неповторима, схожесть лишь в одном — зелёные купола. В церкви Ильи Пророка (тоже 17 век), которая стоит на центральной площади города, мы побывали внутри, восхитились её убранством, уникальной росписью на стенах. На одной из них изображён конец света: ангелы сворачивают небо. Подумалось о Марине. Наверное, её состояние было близким к этой картине. На земле правил Сатана. Ангелы сворачивали небо...

10 августа 1941 года “Александр Пирогов” сделал остановку в Рязани. Мур описывает в дневнике, как пассажиры парохода бросились к колхозникам, которые, “пользуясь войной, продают овощи по невысказанным ценам”. Отношения с матерью всё ухудшаются: “Мать, забыв о своём упорном желании уезжать, теперь уже говорит о возвращении в Москву. Она говорит, как я говорил в Москве, что люди, едушие в Елабугу, богаты и смогут устроиться и хорошо жить. ... Словом, все как-то устроятся, кроме нас. По правде говоря, перспективы у нас плохи. Я же отказываюсь говорить с матерью о будущем. Я ведь действительно всё это предвидел: и перемену её настроения, и то, что она не на своём месте ни на этом пароходе, ни в Елабуге, я всё предвидел; и я всё сделал, чтобы не уезжать... Она же всё сделала, чтобы уехать, и ей это удалось. Если это ей не нравится, так ей и надо”.

**Пленарное заседание в Елабужском университете.
Выступает Лев Мнухин.**

Организаторы третьих международных Цветаевских чтений, которые назывались “Творчество М. И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции” — Елабужский государственный музей-заповедник и Елабужский государственный педагогический университет,

мэр города Елабуги Ильшат Гафуров сделали всё для того, чтобы поездка стала незабываемой. Восемь дней на теплоходе были насыщены до предела. Работа научной конференции сменялась остановками и экскурсиями, каждый вечер была культурная программа. С нами ехали прекрасные московские актёры: Елена Муратова, доцент института современного искусства, мастер художественного слова, актриса Театра киноактёра и Евгений Радомыслинский, профессор школы-студии МХАТ, которые показали два спектакля: “Поэт Марина Цветаева” и “Цветаева и Пастернак”. Во время спектаклей мгновениями казалось, что это сами Борис и Марина перед нами, их жизнь, их любовь...

Незабываемый вечер романса подарили Жанна Кондратенко и Анатолий Лиховицкий — солисты вокальной студии “Орфей” из города Королёва.

В один из вечеров Станислав Айдинян показывал фильм “Сердце поёт” с участием своего отца Артура Айдиняна, очень известного в 50-е годы певца, рассказал о нём много интересного.

Были презентация новой книги Натальи Громовой “Дальний Чистополь на Каме...” и вечер памяти Лидии Либединской.

Был поэтический вечер председателя русской секции Союза писателей Татарстана Лилии Газизовой и поэта из Москвы Алексея Смирнова.

Дочь известного советского поэта В. Луговского Людмила Владимировна Голубкина представила фильм об отце “Жить, жить — любить” (реж. Али Хамраев). Луговской, кстати, в годы войны был в Алма-Ате, участвовал в работе над фильмом Эйзенштейна “Иван Грозный”. “Песнь опричников” в фильме — на его стихи.

Словом, теперь остаётся только удивляться — как мы успели так много за восемь дней? Кажется, что эти встречи, спектакли, экскурсии, презентации, заседания длились уж никак не меньше месяца...

11 августа. Наш “Александр Головачёв” подплывает к Нижнему Новгороду. Все высыпали на палубу, фотографируются — очень уж красива панорама высокого волжского берега со стенами Новгородского кремля. На набережной стоит огромный памятник Валерию Чкалову. Установлен он был через два года после его гибели, в 1940 году. Значит, пассажиры парохода “Пирогов” тоже видели этот памятник...

“Петербург — голова, Москва — сердце, а Нижний Новгород — карман России”, — так говорили о знаменитых Нижегородских ярмарках. В начале 20-го века с 15 июля по 15 августа в этот город ежегодно

Стены Новгородского кремля.

съезжались до 200 тысяч человек! То, чем торговали на ярмарках, смогли мы увидеть в музее истории города. Кстати, самой выгодной была торговля солью, так что солепромышленники из казахских степей были вполне вознаграждены за дальний путь...

Как рассказала экскурсовод, пять столетий назад на слиянии Волги и Оки был заложен каменный кремль. Более 20 раз его осаждали враги, но ни разу не смогли взять! Длина стен (вместе с башнями) нижегородского кремля больше двух километров, высота стен с зубцами — 12 метров, башен — от 18 до 22 метров, а толщина стен на уровне земли — 5 метров! Настоящая средневековая неприступная крепость!

Сейчас сохранилось 12 башен из тринадцати. Мы побывали в Дмитриевской башне. “Посмотрите под ноги, — сказала наш очаровательный гид. — Обратите внимание на кирпичи!”. Кирпичи под ногами были побольше современных, а приглядевшись, можно увидеть в них круговые полоски, так как замешивались они вручную. Между кирпичами — светлый “цемент”, сделанный исключительно на яйцах. Вот и лежат эти кирпичики уже 500 лет, не белеют, не рассыпаются, как современные... И ещё тысячу лет пролежат!

На рейде в Горьком “Александр Пирогов” стоял два дня. Должно было подойти другое судно, которое повезёт эвакуированных дальше. “На борту делать ни черта, решительно, — пишет Мур в дневнике. — Теперь-то мать начинает осознавать отрицательные последствия своего безумия, заключающегося в том, что мы уехали почти без предварительной подготовки... Я с огромным трудом достал хлеба в Горьком — эвакуированные должны иметь соответствующую бумагу. Все те, кто едут с нами, её имеют. Самая большая разница между нами и остальными членами эшелона Литфонда в том, что у них с собой много денег, у нас же очень мало. Мы вынуждены есть одну порцию супа на двоих”. Несмотря на трудности, сын Цветаевой всё же отмечает окружающую их красоту: “Погода прекрасная, Волга сверкает... Волга очень красивая река, действительно красивая...”. Марина Ивановна, видимо, этих красот уже не замечала... С нервотрёпкой и неразберихой они пересели на пароход “Чувашия”.

Вместе со своими новыми друзьями Соколовским и Сикорским 15 августа Георгий гулял по Чебоксарам (где была в это время мать, он не пишет). Город ему очень понравился: “Городок чистенький, с заводами и красивыми видами на Волгу, город-образец, который оставил очень хорошее впечатление... Даже есть кафе, кино, театр...”.

И нам, через 65 лет, столица Чувашии понравилась чрезвычайно — город поразил чистотой, уютом, низкими ценами и... своей картинной галереей. Здесь мы увидели полотна Левитана, Коровина, Репина, Сурикова, Шишкина, Айвазовского и многих-многих других корифеев русской живописи. В одном из залов, где представлены картины художников-передвижников, меня ждала неожиданная встреча. На стене в широкой золочёной раме висела картина “Горный пейзаж. Дорога в Крым” Виктора Павловича Батурина (1863 — 1938), долгие годы жившего в Павлодаре, учителя Павла Васильева! Это была словно встреча с близким человеком! Как оказалась картина Батурина в далекой Чувашии? Видимо, вместе с

другими полотнами её передали из Москвы в период организации Чебоксарского музея.

Ещё один “привет из Казахстана” я получила в геологическом музее Чебоксар. Музей действительно уникален, в нем более 3200 экспонатов — камни, минералы из всех уголков мира. А основой послужила коллекция, которую более 20 лет собирал, а семь лет назад подарил городу геолог, лауреат Госпремии Нуриян Аюпович Андрбаев. Удивительные по красоте камни, немало из которых геолог привёз из Казахстана — Джекказгана, Жайрена, Джамбула, Карагайлинского месторождения. Это малахит, самородная медь, хризопразы и много других.

И главный экспонат музея — огромная друза аметиста — тоже привезена из Казахстана! Камень лежит на отдельном столе, к нему подводят посетителей, предлагают приложить к его поверхности ладонь и почувствовать, как он отдаёт тепло и “заряжает энергией”. Я, конечно, тоже “подзарядилась” казахстанским солнышком, тем более что почти всю дорогу наш корабль сопровождали дожди...

Ещё мне понравился в Чебоксарах сказанный экскурсоводом афоризм, принадлежащий одному из известных чувашских купцов 19-го века Прокопию Ефремову: “Не дремли, не плошай, не обижай!”.

Георгий Эфрон, при его требовательности и нетерпимости к людям, высоко отзывался о Дмитрие Сикорском, с которым подружился на теплоходе: “Сикорский очень приличный парень, очень современный, умный, сильный, он умеет говорить, и он остроумный...”. А Марина Ивановна сблизилась с матерью Димы — Татьяной Сергеевной Сикорской, замечательной переводчицей, которая вместе с мужем — С. Болотиным сделала достоянием русских слушателей многие песенные шедевры зарубежной классики. Т. С. Сикорская писала дочери М. Цветаевой Ариадне Эфрон в 1948 году (письмо отправлено в Рязань, где жила после отбытия срока в лагерях Ариадна Сергеевна): “... В течение 10 дней пути мы очень сблизились с Мариной Ивановной, читали друг другу стихи, грустили о Москве. Она иногда подходила к борту нашего маленького пароходика и говорила: “Вот так — один шаг, и всё кончено”. Мне было даже трудно утешать её тогда — мы все были в очень тяжёлом настроении...”.

Большие надежды возлагались на Казань. У Марины Ивановны была бумага от директора Гослитиздата на имя директора Татарского издательства о том, что Цветаева — “переводчица высокой квалификации”. Был шанс устроиться на работу. Мур пишет в дневнике ещё 11 августа: “Я твёрдо буду добиваться перевода в Казань. Единственное, что я знаю, это что Казань город с университетом, столица автономной республики. Как бы она ни была убога, Казань всё же большой город, в каком-то смысле культурный центр. Во всяком случае, там мы сможем найти больше занятий, чем в Елабуге...”. Но 16 августа, когда пароход стоит на рейде в Казани, Мур благоразумно размышляет: “Сегодня утром мать хотела высадиться в Казани на свой риск и страх, со всем багажом, всё оставить при речном вокзале и попробовать тут же устроиться в Казани, не доезжая до Елабуги. Но я разгромил этот план как слишком рискованный — вдруг ничего не получится?”. Они решают ехать до конца — в Елабугу, там оценить обстановку, а потом уж при необходимости вернуться в Казань...

Наш Цветаевский теплоход подплывает к Казани, издали виден белоснежный кремль... В этом городе находится музей одного из моих любимых поэтов — Евгения Боратынского, очень хочется в него попасть!

“Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...”. На этой самой Казанке, в конце 10-го — начале 11-го века возникло поселение под названием Керман. Это был северный форпост могущественного тогда государства — Волжской Булгарии.

В 2005 году Казань широко отпраздновала своё 1000-летие. Прекрасный современный город, в котором, словно драгоценные камни в золотой оправе, сохранены исторические памятники — такова сегодня столица Татарстана. По историко-культурной ценности и сохранности культурного наследия Казань относится к классу “А” (как Москва и Санкт-Петербург). Кстати, в современных постройках увидела я много похожего на нашу новую столицу. Цирк, как и в Астане, в форме летающей тарелки. В стеклянной “пирамиде” (правда, поменьше казахстанской) разместился культурно-развлекательный комплекс.

Метро в Казани — пока самое короткое в мире: 5 станций, 7 километров.

Но, конечно, туристов больше привлекает старина — кремль, древние постройки.

На территории Казанского кремля к 1000-летию города была построена красавица-мечеть Кул Шариф. По архитектурному замыслу она напомнила мне павлодарскую, но, конечно, более грандиозна.

Рядом с мусульманскими святынями здесь и святыни христианские. В июле 2005 года в Казани Патриарх Алексий II передал верующим Чудотворную Казанскую икону Божией матери. Удивительное путешествие иконы по миру заслуживает отдельного рассказа — Великобритания, Америка, Португалия, Ватикан... В августе 2004 года папа Иоанн Павел II передал икону в дар Русской православной церкви. Мы поклонились этой святыне в Крестовоздвиженском соборе Казани. Большая очередь верующих стоит перед иконой с ликом Божией матери и Младенцем на руках, богатая риза иконы — великолепной ювелирной работы, украшена более чем тысячей драгоценных камней...

Я поставила свечку за упокой рабы Божией Марины.

Анастасия Ивановна написала после смерти сестры: “Марину убило неверие в Бога...”.

Православию в жизни сестёр Цветаевых был посвящён интереснейший доклад, сделанный на конференции Доброславой Анатольевной Донской: “Господь и Бог, я жажду чуда...”.

К сожалению, в музей Боратынского я не попала — слишком краткой и насыщенной была наша экскурсия по Казани. Что ж, есть повод приехать сюда ещё раз...

К вечеру подплываем к Болгару. В 140 километрах от Казани на высоком берегу Волги лежат руины этого древнего города. Вечер просто сказочный: тишина, зеркальная гладь Волги, воздух, настоящий на разнотравье, которым не дышишь, а просто пьёшь его и не можешь напиться...

В древнем Болгаре.

Великий Болгар, возникший в IX-X веках, был экономическим, политическим и культурным центром Волжской Булгарии. Здесь находилась ставка хана, чеканились монеты, бурно развивались ремёсла... В пригород Болгара под названием Ага-Базар приезжали купцы из Средней Азии, Ирана, Византии, Китая.

Сейчас на месте древнего города — исторический памятник Болгарское городище и небольшая деревня Болгары, жители которой нет-нет, да откоплют у себя на огороде какую-нибудь историческую ценность. (Экскурсовод по секрету сообщила, что этой весной, копая огород, сосед обнаружил золотой браслет...). Разумеется, на территории городища ведутся официальные археологические раскопки, ведь каждый метр земли хранит здесь следы материальной культуры прошлого. А с «чёрными археологами» ведётся беспощадная борьба...

Мечети, мавзолеи, ханская усыпальница, Чёрная и Белая палаты, ханская баня. Особенно нам понравился последний объект — остатки бани, говорящий о том, как жили тут люди много веков назад. Это было каменное здание с отопительными каналами, керамическими трубами, печью из песчаника. Пол подогревался, и моющиеся ходили в деревянных сандалиях. Для забора воды с торца здания был устроен водоём. Бани были местом общения, своеобразным клубом (как сейчас сауны). Так что всё уже было, было...

В мавзолеях поражает мастерство древних строителей — полусферические купола созданы, словно из кружев, из маленьких туфовых кирпичиков. Для улучшения акустики в углах Восточного мавзолея поставлены керамические трубы — колосники, а в Северном мавзолее резонаторы устроены в форме объёмных сосудов. В этом мавзолее — выставка эпиграфических памятников — надгробных плит. Со всей территории городища собраны эпитафии. Все они начинаются словами о Всевышнем: «Он живой, Который не умирает, а всё живущее умрёт...».

Когда мы поднялись по 150 ступеням на самый верх большого болгарского минарета и любовались, как солнце, плавясь и сверкая, садится в волжскую воду, у меня зазвонил сотовый телефон. Все вздрогнули — так нелепо было это чудо цивилизации среди древнего покоя, умиротворения и тишины. Звонили мои домашние (где Казахстан, а где Болгар!). И сразу, несмотря на волжские красоты, захотелось домой, на Иртыш...

И всё же скучать по дому было некогда. Дни и вечера были заполнены до предела... Одно из самых ярких впечатлений — авторский вечер Виктора Леонидова. Если кто-то смотрел фильмы Никиты Михалкова “Русский выбор” и “Русские без России”, наверняка вспомнят песни, звучащие в конце каждой серии. Так вот, их автор-исполнитель тоже путешествовал с нами. Виктор Владимирович не просто бард. Он кандидат исторических наук, сотрудник Российского фонда культуры, автор шести книг и более 500 статей по культуре русского зарубежья. В. Леонидов представил свой новый диск “... стране, оставшейся в названиях...”. А его песня “Елабуга” звучала и на теплоходе, и в Чистополе, и на закрытии Цветаевских чтений в Елабужском университете:

*Над берегами раскинулась радуга,
Дождь наконец-то не льёт...
Сердце заволжское, здравствуй,
Елабуга,
Город последний её.
Раньше гремело здесь имя Мамаево,
Правил купцов домострой.
Нынче разлита Марина Цветаева,
Тут породнилась с землёй.
Здесь и ходила от дома до пристани,
Чуда от Бога ждала.
Думала, верила — выручит Чистополь,
Только судьба не легла...*

К пристани Чистополя причалили рано утром, а вечером предыдущего дня, уже в сумерках, проплывали Берсут. На высоком, заросшем лесом берегу виднелись какие-то строения, кусочек пляжа. Здесь, в Берсуте, был интернат для эвакуированных детей. В июле 1941 года из Подмоскovie на Каму были отправлены пионерлагерь и детсад Литфонда. Многих родителей даже не успели предупредить. Да и сами дети, особенно детсадовцы, не поняли, что происходит. Известный актёр Алексей Баталов, который в детстве тоже попал в Берсут, вспоминал: они думали, что их просто перевезли в другой пионерский лагерь...

На борту нашего теплохода находился человек, для которого Берсут и Чистополь были не только названиями, а частью жизни. Даниил Григорьевич Санников рассказывает:

“Борис Алперс, профессор ГИТИСа, писал о моей маме Елене Санниковой (Назабекян): “Она покончила с собой через два месяца после того, как покончила с собой таким же образом Марина Цветаева в соседней Елабуге. Они заранее договорились об этом при своих встречах в чистопольской эвакуации”.

Конечно, “заранее договорились” — это его домысел, хотя на тему смерти разговоры несомненно велись... О том, что они встречались в Чистополе, когда Цветаева приезжала туда на три дня, есть несколько свидетельств. Прежде всего, это свидетельство Галины Георгиевны Алперс, жены Бориса Алперса. В 1985 году она написала воспоминания о том, как она ехала вместе с Цветаевой на пароходе, как она должна была сойти в Елабуге. Алперс пишет: “К концу пути я твёрдо решила, что в Чистополе я сойду на берег и, вопреки всем запретам, там и останусь... Я самовольно выгрузилась со всеми вещами на берег и заявила, что дальше не поеду, здесь у меня сестра, так я назвала близкую мне Санникову, жену поэта Санникова...”. Марина Цветаева и Мур поплыли дальше, в Елабугу.

“Перед поездкой на эту конференцию, — продолжает Д. Г. Санников, — я позвонил своему брату Никите, который на три года старше меня, и спросил, помнит ли он Цветаеву в Чистополе. Он сказал, что как-то был на рынке вместе с мамой, куда-то отошёл, а когда вернулся, мама стояла с какой-то женщиной. Мама представила её: “Это Марина Ивановна Цветаева”. Никита сказал, что это имя ему в то время ничего не говорило... Дело в том, что он не был в Голицыно, где мои родители зимой 1940 года познакомились с Мариной Цветаевой. Там был я. Помню, как мама, отец и какая-то женщина гуляли по расчищенным аллеям, я с ними, но никакого внимания на эту женщину я, конечно, не обратил, и сказать, что я видел Цветаеву — это будет преувеличением. Хотя формально я её видел...”.

Галина Алперс вспоминает о встрече на улице в Чистополе: “Нас было четверо: Субботина, Сельвинская, Санникова и я... К нам незаметно подошла Цветаева. “Я здесь два дня, в Елабуге — невозможно, там я совсем одна, хочу в Чистополь, здесь друзья; приехала говорить с Асеевым, он отказывается помочь. Что делать?! Дальше — некуда!!!”. С каким отчаянием сказала она последние слова.

“Приезжайте сами, не спрашивайтесь ни у кого! Я так и поступила. И работу найдёте, мы открываем столовую и все там будем работать”, — сказала я, правда, не совсем уверенная, что у неё те же права.

“Как было бы хорошо! — воскликнула она с надеждой. — Я буду мыть посуду”, — и она молитвенно сложила свои худые, натруженные руки.

“Ну что вы, Марина Ивановна, вы будете буфетчицей”, — возразила ей Сельвинская.

“Нет-нет, с этим я не справлюсь, я хочу быть судомойкой, я хорошо мою посуду”.

Разговор шёл совершенно искренне и серьёзно”. (Г. Алперс. “Чистопольские воспоминания о Марине Цветаевой”, журнал “Русская мысль”, ноябрь 2000 г., публикация Д. Санникова).

В этом разговоре поражает не столько инициатива отчаявшейся Цветаевой, сколько слова Сельвинской. Какая щедрость: предложить поэту работать буфетчицей!

Мур пишет в дневнике 18 августа: “Жёны писателей сказали, что они всё сделают, чтобы устроить матери возможность жить в Чистополе...”.

И ещё одна цитата из воспоминаний Г. Алперс: “... Мы ещё постояли, поговорили о своих трудных делах, и кто-то полушутя вспомнил местное чистопольское выражение: “Хоть головою в Каму”. Выражение это чаще всего применялось по совсем пустяковым поводам.

“Да-да, верно: хоть головою в Каму!” — горячо воскликнула Цветаева, её так же горячо поддержала моя Санникова, и они, взявшись за руки, отделились от нас и ушли в боковую улицу. На другой день Цветаева, ничего не добившись от Асеева и Тренёва, уехала в Елабугу, где её ждал сын.

Через три дня после этого памятного вечера пришло известие, что Цветаева повесилась в Елабуге, а ещё через несколько дней покончила с собой Санникова...”

“На самом деле, — комментирует Даниил Григорьевич, — мама ушла из жизни 25 октября 1941 года. По свидетельству той же Г. Алперс, она очень боялась предстоящей зимы, говорила о том, что детям будет без неё лучше, о них позаботятся... Так же Марина Ивановна говорила о сыне.

Сыновьям Е. Санниковой Данилке и Никите было тогда 10 и 13 лет... Даниил Григорьевич вспоминает, как мать приезжала к ним в интернат в Берсут, в каком подавленном состоянии она была. Им в группе читали какую-то сказку, и мама даже не вызвала его. Даниил, узнав позже, что она приехала, побежал на берег Камы за ней. Она шла со старшим братом, Никитой. Данилка отдал ей небольшую связку сушёных грибов, которые он сам собирал и старательно сушил, а мальчишки украли у него часть... Его захлестнуло чувство жалости — и от того, что остальные связки грибов у него растащили, а он так хотел подарить их маме, а потом это чувство жалости перешло и на мать...

Д. Г. Санников вспоминает: “Мама, конечно, находилась в тяжелейшей депрессии. Это состояние, видимо, усугубилось после смерти Цветаевой... Она привязала бечёвку от посылки отца с фронта к вьюшке печи. Но, поскольку расстояние было маленькое, она подогнула колени и так, потихоньку затягивая на себе петлю, умерла.

Я показывал выдержки из её писем на фронт отцу очень опытному психиатру, он сказал, что это тяжелейшая депрессия, на грани выживания — или даже за гранью выживания. Существует мнение многих психиатров, что причиной самоубийства в 95 процентах случаев является депрессия. А оставшиеся пять процентов — это невыявленная депрессия. Обычно об этой психической болезни боятся говорить, именно потому, что это психическая болезнь. Но на самом деле депрессия — это единственная психическая болезнь, которая проходит бесследно. Если человек переживёт депрессию, он возвращается к своему первоначальному состоянию. Если переживёт...

Нашему отцу командование не сразу сообщило о смерти жены, поэтому он приехал в Чистополь только зимой. Я помню, как мы с братом провожали отца на аэродром. Самолёт улетел, и мы стали возвращаться. Дул очень сильный встречный ветер, был сильный мороз, а как мы были одеты, понятно... И я помню, как я просто почувствовал, что могу не дойти. Ветер был такой сильный, пронизывающий, что приходилось идти нагнувшись. Мы, конечно, шли молча. И я каким-то звериным чутьём чувствовал реальную опасность...

Когда я спросил у брата, помнит ли он этот эпизод, он сказал, что не помнит. Он вообще не любит вспоминать о Чистополе, потому что вся тяжесть смерти матери легла на него неизгладимым жутким впечатлением. Он первым застал её мертвой. Прибежав в интернат, он стал кататься по полу и кричать... Я убедился не так давно, что у него до сих пор сохранилась эта глубокая травма, эти переживания. Об этом говорит и тот факт,

что за 35 лет со дня смерти отца он только один раз побывал на его могиле, и то не по собственной воле... Всё это его сильно травмирует.

А от меня смерть мамы скрыли, сказали, что она уехала в Тифлис к бабушке. Постепенно, постепенно я стал понимать, что мамы нет. Но для меня это растянулось на какое-то время... Когда отец приехал, чтобы забрать нас с братом из Чистополя в Москву, он повёл меня на кладбище. А я попытался свернуть его с дороги. Он этому воспротивился. Я заплакал. Заплакал и он... На кладбище я встал на колени и поцеловал большой валун, камень, который положил мой брат на могилу матери. Я запомнил место — недалеко от часовенки и от входа на кладбище. Когда в 90-м году я приехал в Чистополь и пришёл на кладбище, увидел, что всё заросло деревьями, было много новых захоронений... Я нашёл только разрушенную часовенку. Цветы, которые мне подарили дети (примерно моего чистопольского возраста), я просто разбросал возле этой часовенки. Не удалось мне найти и дома, где жила мама. Его тоже нет...”

В Чистополе Даниил Григорьевич поехал на кладбище. Нас в первой половине дня повезли знакомиться с городом. Вторая половина была “цветавской”.

“Чистополь мне очень нравится. Милый захолустный городок на Каме...” — писал Борис Пастернак в письме к старшему сыну. Поэт жил в этом городе с 18 октября 1941 года до 25 июня 1943 года. Дом-музей Б. Пастернака теперь одна из достопримечательностей небольшого камского города. В двухэтажном кирпичном доме по ул. Володарского, 75 — всё, как было при поэте — деревянная лестница, ведущая на второй этаж, кухня, маленькая комната, в которой посредине стен своеобразной каймой-бордюром идёт повторяющийся рисунок: две смотрящие друг на друга птички. Раньше, рассматривая чистопольские фотографии Пастернака, я никак не могла понять, что за странный рисунок у него за спиной, вроде сидящих на проводах ласточек. Может быть, монтаж? Всё объяснилось просто: оказывается, в доме какое-то время был детский сад, и орнамент из птиц достался жильцам “по наследству”.

*... Из кухни вид:
Оконце узкое
За занавескою в оборках
И ходики,
И утро русское
На русских голубых задворках.*

Напротив дома до сих пор растут старые липы, которые видел Пастернак, сохранилась и старая аллея посередине улицы...

Поэт в Чистополе перевёл “Ромео и Джульетту” Шекспира, сборник польского поэта Ю. Словацкого, писал свои стихотворения. Перевод “Ромео и Джульетты” Борис Леонидович читал в зале Дома учителя в феврале 1942 года.

В Чистополе в годы войны жила целая колония поэтов и прозаиков, среди них А. Тарковский, А. Фадеев, А. Арбузов, Вс. Багрицкий, Л. Леонов, К. Тренёв, К. Федин, Н. Асеев и многие другие. В большой комнате музея

Б. Пастернака развёрнута экспозиция “Чистопольские страницы”, где представлены рукописи, письма, фотографии, книги не только самого поэта, но и его окружения.

Борис Леонидович писал из Чистополя письма нашему земляку Вс. Иванову: “Дорогие Тамара Владимировна и Всеволод! — пишет Б. Пастернак 12 марта 1942 года. — Каждый раз, как тут являлось что-нибудь новое, мне всегда хотелось записать это для вас...”.

... Много интересных экспонатов в Чистопольском музее уездного города, к примеру, велосипед, сделанный местным умельцем только из деревянных деталей!

**В Доме-музее
Б. Пастернака в Чистополе.**

В музее — богатейшая коллекция живописи, включающая работы западноевропейских и русских мастеров конца 19-го — начала 20-го века.

Над высоким берегом Камы парит белоснежный Николаевский собор с 47-метровой колокольней. Он был построен в 40-х годах 19-го века. Николай Чудотворец — покровитель всех, находящихся в пути, значит, и нас тоже!

Очень красивая узорная мечеть зелёного цвета украшает старую часть города. Ей уже 110 лет. Словом, как и в Казахстане, в Татарии мирно соседствуют храмы и мечети, в дружбе живут мусульмане и православные. К началу 19-го века в городе и уезде насчитывалось 90 церквей и 144 мечети!

Туристов всегда завозят в фирменный магазин часового завода “Восток”. Известные чистопольские часы тут можно купить по себестоимости. Кроме часового завода работают

судоремонтный, мебельная фабрика, крупные строительные организации.

В этом году городу исполнилось 225 лет. Первопоселенцами были здесь беглые крестьяне. В середине 18-го века их выслали, а новые поселенцы, увидев пустующие пашни, так и назвали это место — Чистое поле.

Если бы, если бы... Если бы Пастернак приехал в Чистополь не в октябре, а в августе... Изменилась бы судьба Цветаевой? Может быть, и нет. Нас водили её дорогами — к дому Асеева, к интернату, к зданию горсовета, где Марина Ивановна в коридоре ждала решения своей судьбы: пропишут — не пропишут в Чистополе.

Мур писал в дневнике: “Меня в Чистополе привлекает то, что это всё же второй город Татарии, после Казани, что там 5 школ, есть культурная молодёжь, сыновья писателей (а также их дочери) — словом, общество, которое, может быть, не такое уж и плохое, во всяком случае, лучше, чем в Елабуге...”.

*День тот представить
Ни сил нет, ни вымысла,
Трудно, как в льдах кораблю.
Как написала — простите, не вынесла,
И затянула петлю...*

Может быть, под впечатлением песни В. Леонидова “Елабуга” написала я эти строчки:

*То не лёд опасный, ладожский,
Зашатался, заскрипел...
Это берег твой елабужский
Принимать нас не хотел.
Он окутался туманами,
Словно заячьей дохой.
Да с рябиновыми ранами,
Да с Мариной строкой...*

Они родились на палубе теплохода, когда мы стояли на Каме, рядом с Елабугой в сплошном тумане. Высокий берег чуть проглядывал сквозь него, ключья тумана стлались по воде, постепенно таяли под лучами солнца. Елабуга пряталась, не хотела пускаться... А может быть, останавливала, придерживала, чтобы мы сошли на этот берег не в спешке, чтобы ещё раз представили, каково было ей, Марине, 65 лет назад... Полная неизвестность. Ни своего угла, ни средств к существованию... Сын, ставший чужим, постоянно упрекающий за то, что завезла его в такую дыру...

“... Говорят, мы прибудем в Елабугу сегодня ночью, — пишет Мур. — Нас будет 13 человек (дурная или хорошая цифра?)”.

Нехорошей оказалась цифра... Если говорить о мистике, то — со мной согласятся все, кто занимался творчеством Марины Цветаевой или просто любит её стихи — с её именем всегда связаны какие-то неожиданные встречи, мистические совпадения или даже чудеса! Ну, к примеру, чем не мистическое совпадение. Наш теплоход назывался “Александр Головачёв”, в честь прославленного героя Великой Отечественной войны. Фамилия московского скульптора, автора памятника Марине Цветаевой в Елабуге — Александр Головачёв! (В соавторстве с В. Демченко). Никогда в своей жизни, в своих многочисленных поездках не встречала я земляков своей мамы, она родилась в небольшом городке Яранске Кировской области. Познакомившись с Даниилом Григорьевичем Санниковым на Цветаевском теплоходе, я узнаю, что его отец, поэт Григорий Санников, родом из Яранска!

Участницей Цветаевских чтений была удивительная женщина Людмила Борисовна Владимирова, приехавшая из Одессы. Она плыла не только последним путём Марины Цветаевой, но и путём своей мамы, которая эвакуировалась из Ленинграда в Татарстан в августе 1941 года. Маму звали Татьяна Андреевна, она была беременна. Людмила Владимировна

родилась 2 сентября 1941 года (в день, когда хоронили М.Цветаеву). Можно представить её волнение, когда, войдя в каюту теплохода, она стала знакомиться с соседкой. Та протянула руку: “Татьяна Андреевна!”. Потом Людмиле Владимировне пришлось объяснять, почему слёзы появились у неё на глазах при этом имени...

Елабуга встретила нас ласково и приветливо, как самых дорогих гостей, артисты в национальных костюмах пели русские и татарские песни... Участников третьих Елабужских международных чтений подвезли к мемориальной площадке. Этот уникальный комплекс был открыт благодаря инициативе мэра Елабуги И. Гафурова и Президента Татарстана М. Шаймиева 31 августа 2002 года, во время первых Цветаевских чтений. Площадь Марины Цветаевой с бронзовым бюстом поэта на высоком гранитном постаменте, надпись, повторяющая её автограф, белоснежная полукруглая арка. Очень красивый, торжественный памятник Цветаевой.

В 2003 году в рамках этого мемориального комплекса открылся литературный музей М. Цветаевой, а в 2005-м был выкуплен из частной собственности дом, где ушла из жизни Марина Ивановна. Сейчас это Дом памяти поэта. В тот же день, 4 июня 2005 года, в здании рядом с литературным музеем открылась Библиотека Серебряного века. Мы с восторгом смотрели на то, что делается в этом небольшом татарском городке для сохранения культурного наследия.

— Город гибели Поэта стал и местом возрождения Птицы Феникс — Марины Цветаевой, — сказала Гульзада Руденко, директор Елабужского государственного музея-заповедника. Кстати, в музей-заповедник, кроме Цветаевского комплекса, входят Дом-музей замечательного русского художника Ивана Шишкина, музей-усадьба “кавалерист-девицы” Надежды Дуровой (прототип героини фильма “Гусарская баллада”), музей истории города Елабуги, выставочный зал, художественный салон. Везде мы побывали.

Сейчас Елабуга, население которой не превышает 70 тысяч человек, принимает более 80 тысяч туристов в год!

От новой пристани Елабуги дорога в сам город идёт среди густого соснового леса. Как объяснил экскурсовод, это территория национального парка “Нижняя Кама”, созданного в 1991 году. Верхние ветви высоких корабельных сосен уже освещались утренним солнышком, а внизу ещё царил полумрак, чернел бурелом, из которого, казалось, вот-вот выйдут знаменитые шишкинские мишки... Они тут и водились! Елабуга — родной город замечательного художника-пейзажиста И. И. Шишкина, и многие его известные картины написаны именно здесь: “Корабельная роща”, “Сосновый бор”, “Рожь”, “Лесные дали”, “Кама близ Елабуги”.

В Доме-музее И. И. Шишкина хранится более 20 полотен великого живописца. Одна из картин — “Жатва” появилась в экспозиции необычно. Холст нашли под полом, когда 30 лет назад стали делать ремонт дома. Наверное, художник не очень высоко его ценил, а может, при каких-то обстоятельствах он был спрятан, сейчас неизвестно...

Ещё один музей — усадьбу Надежды Андреевны Дуровой, легендарной “кавалерист-девицы”, личного ординарца фельдмаршала Кутузова, неизменно посещают все туристы. Дурова не только прототип героини “Гусарской баллады”, она ведь была и талантливой писательницей, чей талант высоко ценили Пушкин, Гоголь, Белинский. Перед старым городским

кладбищем, где она похоронена, стоит памятник. Дурова, естественно, на коне и в гусарском мундире...

Мэр Елабуги Ильшат Гафуров, доктор экономических наук, говорит, что сохранение исторической части города власть рассматривает как одно из условий конкурентоспособности созданной здесь экономической зоны. Успехи молодого мэра и его команды подтверждают правильность выбранной стратегии. Так, в 2000 году по решению ЮНЕСКО Елабуга как город культуры, науки, образования, развитой экономики получила диплом и золотую медаль "Пальмовая ветвь мира". А на следующий год за особые достижения в области экономики город был награждён Почётным знаком Петра Великого. Сейчас в Елабуге — настоящий демографический взрыв, обусловленный не в последнюю очередь вниманием властей к социальной сфере. К примеру, все врачи города имеют свои квартиры. А в одном из новых домов три квартиры пока пустуют — ждут молодых специалистов!

"Думая о будущем — не забывать о прошлом!" — девиз елабужан.

В 2006 году писательская общественность объявила Ильшата Гафурова лучшим мэром России. Этой награды он был удостоен "за созидательную энергию, выразившуюся в создании мемориальных комплексов М. И. Цветаевой, И. И. Шишкина и Н. А. Дуровой, в установке памятника купцу-литератору Д. И. Стахееву и поддержке Международных Цветаевских чтений". Елабужане чествовали своего градоначальника на празднике Сабантуй.

В дореволюционной Елабуге купеческая династия Стахеевых была знаменита на всю Россию. Дмитрий Иванович Стахеев прославился ещё и как талантливый писатель. В 2003 году перед зданием университета ему был установлен памятник, на нём надпись: "Русскому купечеству — благодарные потомки". Кстати, само здание тоже можно назвать памятником, и не только памятником архитектуры, но и памятником любви. После смерти Д. И. Стахеева его жена Глафира Фёдоровна передала 500 тысяч рублей серебром (сейчас это — миллиарды!) городу для строительства епархиального училища. В этом солидном здании и находится сейчас педуниверситет. В нём проводятся международные Стахеевские чтения, на которые приезжают учёные и потомки купеческого рода со всего мира. Недавно в Елабуге открылся музей купцов России. А когда в 1989 году нынешний ректор университета Н. Валеев участвовал в "Клубе кинопутешественников" — популярной передаче на ЦТ — и говорил добрые слова о российском купечестве, о его вкладе в культуру, в развитие города, его тут же вызвали в обком на "проработку". А через год горком партии чуть было не сорвал организованную Валеевым Всесоюзную научно-практическую конференцию, посвящённую роли купечества в дореволюционной России...

В Елабуге — более двухсот архитектурных и градостроительных памятников, купеческие дома 19-го века, что придаёт городу неповторимый облик, привлекает сюда тысячи туристов. Неизменно приезжают они и на Чёртово городище — единственный на территории России наземный памятник домонгольской эпохи. Башня крепости-мечети болгарского периода стоит на высоком мысу над устьем реки Тоймы. С этой высоты хорошо видны и бескрайние речные просторы, и дорога, которой ходила со старой пристани в Елабугу Марина Цветаева, и сам город, его мечети и церкви, утопающие в зелени.

Военная крепость Волжско-Болгарского царства под названием Алабуга появилась на Каме, в устье реки Тоймы тысячу лет назад. После распада этого царства крепость вошла в ханство Казанское. А когда Иван Грозный в 1552 году взял Казань и присоединил её к Московскому государству, Алабуга (тогда уже Елабуга) получила новое название — село Трёхсвятское. Стало оно так называться потому, что царь подарил этому древнему поселению икону трёх Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Екатерина II присвоила Елабуге статус уездного города и включила его в Вятское наместничество. А герб выдала такой: “В серебряном поле сидит на пне дятел и долбит оный, ибо там множество сего рода птиц...”.

Все эти сведения (и множество других) узнали мы в музее истории города, который, наряду с другими, входит в Елабужский государственный музей-заповедник.

... Музей И. И. Шишкина стоит на высоком крутом берегу, заросшем травой. Любуясь на этот двухэтажный купеческий особнячок, я соступила с тротуара и... оказалась в воде, промочила ноги. В густой траве бил родничок. Приглядевшись, мы увидели, что их на склоне — десяток, не меньше. Родниковая вода стекает в Тойму, Тойма впадает в Каму, Кама — в Волгу. Так и Елабуга — один из чистых родников памяти, духовности, красоты, культуры, которые питают будущность России...

***В Доме памяти М. Цветаевой.
Здесь она жила последние 10 дней своей жизни.***

М. Цветаева писала о каком-то германском городке, мол, если бы здесь жил, или родился, или хотя бы останавливался Гёте, этот городок обрёл бы смысл. “Марина Цветаева оправдала Елабугу”, — прозвучало на конференции.

... И вот он, дом, где ушла из жизни Марина Цветаева. Она прожила здесь всего десять дней. В то роковое воскресное утро хозяин дома М. И. Бродельщиков вместе с внуком уехал на рыбалку. Хозяйка Анастасия Ивановна вместе с Муром пошла расчищать место для аэродрома, всех горожан и эвакуированных направляли на эти работы. Марина Ивановна была в доме одна. И был гвоздь в сенцах — толстый, самодельный, с крупной шляпкой, вбитый в перекладину...

Её любимый Мур писал в своём дневнике ещё 22 июня 1940 года: "... Дума о смерти — преступление, так как означает трусливый уход из жизни в неведомое, которое ещё никто не постиг, потому что никто оттуда не возвращался". А строки, написанные им 31 августа — 5 сентября 1941 года, потрясают и сдержанностью, и скрытой болью. Ему было всего 16.

"За эти 5 дней произошли события, потрясшие и перевернувшие всю мою жизнь. 31-го августа мать покончила с собой — повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэродроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося её "освободить". И кончила с собой. Оставила 3 письма: мне, Асееву и эвакуированным...".

И ещё одна цитата из дневника Георгия Эфрона за 19 сентября 1941 года: "... Страшно всё надоело. Что сейчас бы делал с мамой? По существу (эти два слова по-французски. — **О. Г.**) она совершенно правильно поступила — дальше было бы позорное существование".

Директор Дома памяти Елена Викторовна Поздина рассказывала о последних часах Поэта. Она же была нашим экскурсоводом по Петропавловскому кладбищу Елабуги. Памятник Марине Цветаевой, который стоит сразу у входа, конечно, просто символ. Анастасия Ивановна Цветаева, приехав в Елабугу в 1960 году, поставила крест с надписью: "В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева". Споры о том, где на самом деле она похоронена, делятся до сих пор. Одна из предполагаемых могил, с низкой железной оградкой, сплошным ковром заросла земляникой... Ещё в 1913 году, в Коктебеле, Марина Цветаева написала пророческие строки:

*Идёшь, на меня прохожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!*

**В Доме памяти М. Цветаевой.
Календарь остановлен
31 августа 1941 года.**

*Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь — могила.
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!
... Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет...*

Несколько лет назад раздавались голоса о том, что надо произвести эксгумацию, чтобы точно определить, где похоронена М. Цветаева. Но, как пояснили елабужане, согласно геологическим исследованиям, под кладбищем на глубине двух метров — плывуны, земляные пласты сдвигаются. То есть, если даже и разроют эти могилы, Марины там всё равно нет. Да и не нужно этого делать. Поэт — не в земле, не на кладбище, а в своих стихах, в наших душах... Хорошо, что есть место, где можно просто ему поклониться.

Понятней ли мне теперь загадка её ухода? Совсем нет. Тайна стала ещё больше, чем была, она росла во время пути, на теплоходе: как могла Цветаева, великий поэт, видя эти волжские просторы, эти сказочно красивые высокие берега Камы, эту красоту Божию — затаить в себе мысль об уходе?..

Все версии, предлагаемые исследователями, достоверны. И ни одна из них (в отдельности!) не могла служить причиной самоубийства. Конечно, как писала А. Саакянц, это море причин, обстоятельств и поводов.

Война, которую М. Цветаева восприняла как конец цивилизации, конец истории: её любимая Германия напала на её любимую Россию!

Обстановка в стране — страх, недоверие, подозрительность. Репрессированы муж, дочь, сестра Анастасия.

Вечная бытовая неустроенность (хотя, как писала Анастасия Ивановна, “от ударов материального неустройства Цветаевы не умирают”).

Конфликты с сыном, страх за него.

**Могила Марины Цветаевой
в Елабуге.**

Невостребованность. “Поэтическая немота”. А ещё есть версии “вербовки в НКВД”, душевного и физического нездоровья и т. д., и т. п.

Но, как пишут психологи, самоубийство не бывает поступком, бывает только процессом.

На кладбище, где лежит Поэт, участники третьих Цветаевских чтений не только возложили цветы. Свершилось действие, от которого у многих заблестели слёзы на глазах. Сюда, в Елабугу, была привезена земля с могил родных людей Марины Цветаевой. Координатор фонда “Русское зарубежье” Ирина Невзорова привезла землю с мест, где покоятся дочь Цветаевой Ирина, умершая в Кунцевском приюте в трёхлетнем возрасте в страшные годы гражданской войны, и муж Сергей Эфрон, расстрелянный в сталинских застенках 16 октября 1941 года. Любовь Мистрюкова из Минска привезла землю из белорусских лесов, с того места, где погиб в 1944 году сын — Георгий Эфрон.

Вот так, символически, воссоединилась семья, которую разбросал и сгубил безжалостный российский 20-й век...

Может быть, странно, но гнетущее впечатление от самого слова ЕЛАБУГА — как символа гибели поэта — развеялось именно там, на тихом елабужском кладбище, возле памятного камня, среди огромных сосен. Марина стремилась быть Психеей, духом, душой, самой Поэзией, которой тяжёл и невыносим этот земной быт. Так в чём же тогда трагедия её ухода? Она наконец стала тем, чем всегда хотела быть...

*И палящее солнце уже превращалось в медь.
И спускалась на Елабугу благодать.
Она выбрала эту землю, чтоб умереть.
Она выбрала эту гору, чтоб здесь лежать.
И она не могла не знать, что сюда придут
И поклонятся, и станут читать стихи.
И поэтому — светел её приют.
И могилы — нет. И слёзы у нас легки.
И поэтому — будь навеки благословен
Этот край, этот берег, елабужская вода...
Ведь Марина — не камень, не крест, не тлен.
Это только то, что осталось в нас. Навсегда.*

Павлодар — Москва — Елабуга — Павлодар.

Фото автора.

Редакция “Нивы” сердечно поздравляет своего постоянного автора, прекрасного поэта Ольгу Григорьеву с юбилеем и желает Ольге Николаевне новых творческих обретений, здоровья, счастья и всего самого доброго на жизненных путях-дорогах!

Владимир ШЕСТЕРИКОВ

Розы и ракеты

Из цикла
“Пришшимские хроники”

Розы на его “фазенде” в “Солнечном” особенные. Крупные, яркие. Они пламенеют на высоком кусту, и кажется, что это дерево роз. Дарит он их своим родным, близким и друзьям от всей души.

Заниматься самым мирным делом на земле — выращивать цветы, фрукты — ему, бывшему “технарю”, совсем не зазорно. Впрочем, почему — бывшему? У него ведь и в коттедже, созданном по собственному проекту, и на садовом участке стоит нажать на кнопку — и автоматически открываются двери, и льётся для полива вода.

О таких говорят: мастер золотые руки. Но ещё у него золотая голова. И то, что в течение долгого времени он был во главе “мозгового центра” одного из самых крупных заводов нашей оборонки — свидетельство большого творческого потенциала Б. И. Колесникова, лауреата Государственной премии СССР, бывшего главного инженера ПЗТМ.

В канун Нового года ему исполнилось семьдесят — возраст, когда хочется оглянуться назад, прокрутить в памяти те мгновения, что “спрессованны в года” и прошли под грифом “секретно”. И если говорить о самых памятных событиях, то это, пожалуй, — связанные с производством ракетного комплекса “ОКА”, ракет “Точка”, а также “Точка-у” (улучшенная), испытания которой, кстати, прошли в самый канун Нового года, когда оставалось совсем немного до дня рождения Бориса Ивановича.

Чрезвычайная ситуация

Особенно жива в памяти та напряжённость на заводе, когда осваивался комплекс “ОКА”, создавалась “Точка” в своём первом варианте — тогда впервые на ПЗТМ весь цикл работ по созданию ракеты стал полностью проходить на петропавловском предприятии.

Чтобы наладить её производство, был открыт новый цех двигателей, устанавливалось новейшее оборудование, как, например, обрабатывающий центр “Горизонт”. Создавался сварочный цех со своими линиями, испытательным стендом, уникальным участком сварки с помощью лазерного луча.

В это же время готовилась новая очередь завода под кодовым названием “Корпус Т”. Работа шла в три смены, нагрузка в тот момент на весь коллектив выпала колоссальная.

Но после того, как Горбачёв подписал с американцами Договор “ОСВ-2”, снятие с производства уникального ракетного комплекса “СС-20” на Воткинском заводе (это побратим ПЗТМ) привело к его недогрузке. И Министерство оборонной промышленности принимает решение о передаче из Петропавловска в Воткинск двигателей и комплектов систем для изготовления установочной партии “Точки-у”. Если бы Воткинский завод до конца года успевал провести испытания ракеты, её производство передавалось ему. Но это бы аукнулось на ПЗТМ.

Чтобы определить стратегию и тактику в данном вопросе, директор завода Ефремов собрал техсовет, члены которого высказались за выполнение решения министерства, ибо никто не верил, что до конца года удастся организовать выпуск и испытания установочной партии.

Однако Колесников настаивал на обратном. Его аргументы заключались в следующем. Производство ракеты в прежнем варианте уже налажено. Другое дело, что поджимали сроки: год подходил к концу.

Колесников в глубине души, шестым чувством, что ли, надеялся, что при том энтузиазме, который не раз уже в трудные моменты проявлял коллектив, и невозможное возможно. Пройдя на заводе путь от слесаря до главного инженера, возглавлявший в разное время цеха от сборочного до ракетного, он знал все тонкости производства, а уж о возможностях предприятия тем более. И директор согласился с ним.

Ситуация в тот момент в самом деле была чрезвычайной. Не раз в жизни коллектива случались подобные “ЧС”, но ведь выходил же из трудного положения.

Операция “Масачинки”

Ещё в далёкие послевоенные годы ребята с “Холодильника” (так называлась юго-восточная окраина города), где жила большая многодетная семья Колесниковых, задумали совершить, если выразиться языком детектива, операцию под кодовым названием “Масачинки”. Прихватив кто сумку, кто наволочку, отправились “масачить”, что на дворовом жаргоне означало собирать колоски, за железнодорожный разъезд. И надо же такому случиться, попались мальчишки на глаза объездчику, который погнался за детворой на коне. Ребята, как воробьи, разлетелись по полю. А Колесо (дворовое прозвище Колесникова) незаметно для всех скатился в придорожную канаву, где буйно росла лебеда. Тем же, кто бежал по открытому полю, пришлось, спасаясь от хлыста, бросать сумки...

Что и говорить, на долю его и сверстников, подранков войны, выпали суровые полуголодные годы. И хотя отец, Иван Григорьевич, работая на “железке” помощником машиниста, получал по тем временам неплохую зарплату, денег не хватало. Воспитанием детей заниматься было некогда.

Их воспитывала улица. В то время на “Холодильнике” верховодила и промышленяла всякая шпана. И после того как сын окончил восьмилетку, Иван Григорьевич трудоустроил сына в локомотивное депо котельщиком. Ремонт котлов — дело не из лёгких: сварка, клёпка. В горячий цех несовершеннолетних принимать не полагалось. А Борису Колесникову в то время едва минуло шестнадцать. Но “сработала” фамилия: бывший начальник депо тоже был Колесниковым.

Дисциплина в депо была строжайшая. За 15 минут ещё до того, как возвестит о начале рабочего дня деповской гудок, надо было каждому, кто трудился в котельном, повесить бирку со своим номерком на специально установленную доску. Если кто не успевал к этому времени, попадал в список опоздавших.

Работа в котельном цехе стала для Колесникова школой жизни, тем более что её приходилось совмещать с учёбой в 9 и 10 классах вечерней школы. Но именно в эти годы у юноши воспитывалась дисциплинированность, закалялся характер.

Испытание на прочность: Красноярск-26

В 1955-м году Бориса Колесникова призвали в армию, когда он лишь чуть-чуть не дотянул до выпускных экзаменов в школе рабочей молодёжи.

Призывника отправили в воинскую строительную часть (или, как говорили тогда, в стройбат) в самое “пекло” ядерной энергетики, в Красноярск-26. Это была огромная зона за колючей проволокой, расположенная в глухой тайге. Засекреченные объекты скрывались за сопками в непролазных таёжных далях.

Поначалу Колесников прошёл курс молодого бойца, освоив профессию бетонщика, и три месяца “вкалывал” на одном из объектов. Командиру роты Хопте, человеку железной воли и дисциплины, не позволявшему другим подразделениям обогнать его хоть в чём-нибудь, новобранец пришёлся по нраву. И он вскоре назначил его командиром отделения по снабжению. Колесникову пришлось изрядно помотаться, доставляя вверенным ему объектам стройматериалы.

Хоптинцы были первыми не только на строительстве, но и на смотрах художественной самодеятельности, конкурсах.

Колесников покорила своего капитана ещё и вокальными способностями. Обладая красивым драматическим тенором, он прошибал слезу у слушателей, когда исполнял под гитару старинные романсы.

А уж когда на смотре стенгазет военно-строительных частей хоптинская оказалась лучшей, Бориса Колесникова как редактора поощрили отпуском. Он же попросил у своего начальства дать ему возможность закончить десятый класс в вечерней школе, и ему пошли навстречу. В то время, как другие его сослуживцы отдыхали, командир отделения, устроившись в углу казармы, при свете “настойной лампы”, сделанной собственноручно из консервной банки, штудировал учебники. В 1958 году он был уволен в запас, не поддавшись на уговоры после получения аттестата зрелости продолжить обучение в военном училище.

Вернувшись домой, снова оказался в стенах уже ставшего родным локомотивного депо. На сей раз слесарем-автоматчиком.

В 59-м поступил на вечернее отделение филиала Уральского политехнического института, открытого в Петропавловске.

А в 62-м, уволившись из депо, перешёл на ПЗТМ, где и прошёл все ступени творческого роста, прежде чем стать главным инженером одного из самых крупных в Союзе оборонных заводов, участвовавшего в создании самых мощных в мире ракетных комплексов.

Такое восхождение было закономерным, ибо, начав в 16 лет работать котельщиком, а затем освоив целый ряд рабочих профессий: бетонщика, слесаря, сборщика, занимая должности мастера, начальника цеха, начальника производства и т.д., он был знаком со всеми сложностями заводского организма и как опытный хирург, мог предвидеть любую нештатную ситуацию.

“Свалился с неба”

После принятого решения по изготовлению установочной партии ракеты “Точка-у” директор завода Ефремов, Колесников, главные специалисты буквально дневали и ночевали в заводские корпусах. Был создан участок нестандартного оборудования, дополнительно установлено две рабочие линии по сборке ракеты. Работа кипела, не останавливаясь ни днём, ни ночью.

Наконец, когда в работе по созданию “Точки-у” была поставлена последняя точка, возникла ещё одна сложность. Её надо было ещё “отстрелять”, то есть провести соответствующие испытания на знаменитом ракетном полигоне Капустин Яр. А сроки уже поджимали. Подходил к концу декабрь. Переносить на будущий год испытания — значило пустить насмарку огромный труд коллектива. Более того, это было бы воспринято как невыполнение важнейшего оборонного заказа. А если учесть, что создание ракетной техники находилось под строжайшим контролем ЦК КПСС, можно представить, какие могли последовать санкции.

Казалось бы, кары не избежать, не случись чуда под самый Новый год. Но... “чудеса сбываются, когда в них веришь” — этот афоризм принадлежит французскому просветителю Дидро. Кто бы мог подумать, что в Петропавловск как раз в это время пожалует собственной персоной начальник полигона Капустин Яр генерал-лейтенант Пичугин со всем своим штабом. Нет, его сюда не посылали в срочную командировку. Да и не по своей воле оказался он в Петропавловске в самый нужный для руководства завода момент.

Просто самолёт, на котором он летел из Красноярска (Омск и Курган не приняли его на дозаправку), из-за нелётной погоды вынужден был приземлиться в Петропавловском аэропорту. Это случилось ночью. Команда Пичугина в полном составе направилась в гостиницу “Восход”, а там не оказалось мест. Ничем не смог ей помочь и дежурный горкома партии, куда с большим трудом генерал-лейтенанту удалось дозвониться. И тут кто-то вспомнил о своём знакомом в Петропавловске — главном конструкторе ПЗТМ Суюмбаеве. Как и другие специалисты завода, тот всё ещё оставался на рабочем месте, когда раздался неожиданный звонок.

Спустя несколько мгновений директор завода Ефремов позвонил находившемуся в 19-м цехе, занимающемся сборкой ракеты, Колесникову.

— Готовь халаты да пошире, — сказал он, под “шириной” имея в виду высокое начальство. — К нам едет сам Пичугин.

— Что за чудеса! Откуда он взялся? С неба, что ли, свалился?

— Вот именно с неба, — с превеликой радостью подтвердила телефонная трубка.

Гостей встретили на высшем уровне. Конечно же, обо всём договорились.

— Вы только доставьте нам завтра ракету, отстреляем её без всяких проблем, — твёрдо пообещал генерал-лейтенант Пичугин, вместе со своей командой очень довольный радушием хозяев.

На другой же день один из самолётов эскадрильи специального назначения, обслуживавшей завод, взмыл в воздух и взял курс на Капустин Яр. Испытание модернизированной ракеты под кодовым названием “Точка-у” прошло успешно. И как нельзя вовремя. Когда 29 декабря директор завода Ефремов позвонил с Капустина Яра министру оборонной промышленности Финогенову и доложил об успешных испытаниях новой ракеты, тот слегка опешил от этого сообщения и внушительно сказал: “Что за шутки! Не рано ли вы встречаете Новый год?” — в министерстве не верили в возможность проведения испытания ракеты за двое суток. Обычно на них отводилось минимум десять дней.

После поставки ракет “Точка-у” в ГДР в западной прессе появилось сообщение: “Советский Союз имеет ракетные комплексы, которые бьют с дьявольской точностью”.

“Господа!

Вы ошиблись на 100 метров”

Всё, что делалось на ПТЗМ, было скрыто за завесой секретности. О нём не упоминалось в прессе. Цензоры наряду с дежурными по номеру в редакциях местных газет внимательно следили, чтобы не просочилась в печать какая-либо информация. Усердие первых доходило до курьёзов. Как-то во время чтения гранок одному из них показалась подозрительной заметка о концерте во Дворце машиностроителей, находившимся на балансе завода. Была в ней упомянута fuga Баха. Вероятно, решив, что это “засекреченный объект”, цензор срочно разыскал редактора областной газеты Р. В. Сергееву и спросил, что такое fuga, и не лучше ли её на всякий случай убрать. Острая на язык, Римма Васильевна отреагировала немедленно:

— Fuga — это не фига. Можете её оставить.

В договоре ОСВ с американцами предусматривалось, что оборонное предприятие обязано было сообщить точные координаты своего расположения. Такие данные на ПТЗМ отсутствовали. И было принято решение — произвести соответствующие расчёты, исходя из нахождения реперной точки (геодезический знак на местности). Но когда “непрощенные” гости из-за океана прибыли в Петропавловск с инспекторской проверкой, они заявили, развернув свои карты: “Господа! Вы ошиблись на 100 метров”.

Не стал секретом для американцев обозначенный у них на картах “корпус Т”, где выпускалась “Ока”.

Это был уникальный ракетный комплекс. Пусковая установка монтировалась на четырёхосной машине. Комплекс плавал (для испытания

её в “корпусе Т” был построен бассейн), проходил через любые препятствия. Ракета летела к цели со скоростью звука. Её невозможно было обнаружить радаром. Имея дальность пуска в 400 километров, она не подходила под “параметры” договора, но очень уж не нравилась американцам, и они настойчиво требовали включить её в список ракет, подлежащих уничтожению.

Где-то в глубине души Колесников надеялся, что Министерство обороны, Генеральный штаб отстоят уникальный комплекс, но, как вскоре оказалось, Михаил Горбачёв пошёл навстречу американцам и потребовал, чтобы генеральный конструктор С. П. Непобедимый выехал на полигон Капустин Яр и принял участие в пуске ракеты на указанные в договоре 500 километров. Тот отказался, мотивируя свой отказ законами баллистики.

Партийный чиновник на отказ Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, профессора Высшего технического училища им. Баумана отреагировал фразой: “При чём тут ваши законы, когда есть указание ЦК”.

Сергей Петрович не поступился принципами и подал в отставку, пуск ракеты произвели без него, и она, словно подтверждая некомпетентность Горбачёва в данном вопросе, разумеется, не полетела на заданное расстояние.

Тем не менее лучший в мире ракетный комплекс, опережавший по боевым показателям зарубежные аналоги, был уничтожен. Причём на металлолом пошли даже тягачи.

Что значило это для главного инженера ПЗТМ, где успешно прошло его освоение и налажено серийное производство, свидетельствовала заметно прибавившаяся седина в чёрных, как смоль, волосах.

И хотя после того, как уничтожили даже оснастку для производства комплекса, в его жизни было ещё немало счастливых мгновений, как, например, создание ракеты “Точка-у”, противолодочной ракетной системы “Ливень”, метеорологических ракет и т. д., горечь от того, как легко обыграли Горбачёва американцы, осталась навсегда.

А ведь прежние руководители государства вряд ли сдали бы свои позиции в этом плане американцам. Кстати, один из бывших работников конструкторского бюро ПЗТМ поведал мне любопытную историю, касающуюся размещения заказа на производство ракеты “Точка” (не путать с “Точкой-у”!). На него претендовали Воткинский и Петропавловский заводы. Руководство ПЗТМ, поскольку приоритет всегда оставался за более крупным предприятием Воткинска, обратилось за помощью к первому секретарю обкома партии В. П. Демиденко. Тот активно подключился, и в один из приездов первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева просил посодействовать просьбе заводчан, которые в знак глубочайшего уважения к Димашу Ахмедовичу преподнесли ему сувенир — оригинальную игрушку-поделку ракеты, очень похожую на подлинное изделие.

Продолжение этого рассказа я нашёл в воспоминаниях бывшего заведующего отделом пропаганды обкома партии С. М. Преснякова: “Димаш Ахмедович не удержался от искушения испробовать её действие. С шутками и прибаутками он нажал красную кнопку “пуска”. Игрушка сразу ожила, засверкала радугой микролампочек, заурчала. Из какого-то отверстия

даже вырвался дымок. Ракета стремительно оторвалась от стола, взмыла в “небеса”. И тут произошла беда.

Никто из пяти-шести человек, присутствовавших в кабинете первого секретаря обкома, не заметил, что “живая игрушка” стояла прямо под огромной люстрой. От удара снаряда та разбилась вдребезги. Град битого стекла осыпал высокого гостя с головы до ног, причём некоторые куски стекла были увесистыми. К счастью, всё обошлось благополучно. Д. А. Кунаев абсолютно не пострадал. Он первым отошёл от шока и стал успокаивать нас шутками.

— Это я сам виноват. Не туда ракету навёл. Ну ладно, Василий Петрович (В. П. Демиденко — первый секретарь обкома), я получу получку и рассчитаюсь за люстру. Только жене об этом ни слова. Люстра-то была дорогой!

То событие прошло без последствий. Димаш Ахмедович был человеком необыкновенной доброты и чуткости к людям”.

Говорят, после того как он передал просьбу петропавловских “оборонщиков” Леониду Ильичу Брежневу, Генеральный секретарь, проявив личную заинтересованность в данном вопросе и подробно расспросив о новом виде ракеты, тут же отдал распоряжение соответствующему ведомству.

Впрочем, так ли было на самом деле или это кем-то придуманная легенда, не берусь судить...

Сейчас, сидя зимними вечерами у камина с верной спутницей жизни Тамарой Андреевной, Б. И. Колесников как бы заново переживает свою жизнь, в которой главными средствами к достижению цели были воля, труд, творчество. И на посту главного инженера ПЗТМ, и потом, когда развалился Союз, занялся предпринимательством, пытался наладить производство дешёвого строительного материала — бруса. И после того, как испытал глубочайшую личную трагедию, связанную с потерей близкого человека, в течение полутора лет возглавлял коллектив завода исполнительных механизмов, не давая ему “опуститься на дно”. Заметный вклад Б. И. Колесникова в развитие флагмана индустрии в Петропавловске, переживающего сейчас второе рождение, несомненно останется в истории области. Его постоянный поиск нового, творческие устремления, упорство в достижении цели по достоинству оцениваем мы, его земляки, и, разумеется, те, кто пришёл ему на смену.

г. Петропавловск.

Борис ТОКАРЕВ,
историк-архивист

Фрагменты истории

Безвременье

1919 — лихая година гражданской, братоубийственной войны. Помните печально знаменитое: “Белые придут — грабят, красные — опять же... Куды крестьянину податься?”. В такой же ситуации оказались и так называемые городские обыватели. И даже если некуда было податься, жизнь на этом не останавливалась. Хотя “кругом полыхала гражданская...”, надо было добывать хлеб насущный на прокорм себе и своим близким, а также, говоря современным сленгом, на “отстёгивание” красным продовольственным отрядам и белым реквизиционным командам.

Как же жил простой люд в “огне пожараищ”, как был организован его быт, досуг, как получали образование его дети, кто платил зарплату учителям? Ответы на эти вопросы дают чудом сохранившиеся в госархиве Астаны протоколы заседаний Акмолинской уездной земской управы за 1919 год.

Советская власть, установленная в Акмолинском уезде “окончательно и бесповоротно” 2 марта 1918 года, временно пала. Уезд оказался глубоким тылом колчаковской армии. Норматизацией жизненного уклада занимался орган местного самоуправления, оставшийся от царских времён — уездная земская управа, которая и ведала вопросами народного образования и культурно-просветительной работы. В своей деятельности управа опиралась на Союз кооперативов, который и выделял субсидии на общественные нужды.

Если проследить по архивным документам умонастроения большинства населения той поры, то превалирующим окажется обеспокоенность неопределённостью своего положения в “переживаемый момент”. Воистину, смутные времена иначе как безвременьем не назовёшь.

Отдел внешкольного образования управы в своём отчёте за 1918-1919 академический год докладывал первому земскому собранию:

“До 1-го января 1919 года внешкольного образования в Акмолинском уезде, как планомерной организации, не существовало.

В населении же в связи с политическими событиями, всколыхнувшими даже самые инертные его слои и поставившими перед ними ряд новых, неизвестных вопросов, требующих разъяснения, замечается усиленная тяга к просвещению. Когда среди отдельных интеллигентных работников является мысль и желание объединиться для совместной работы по борьбе с народной тьмой, население в лице своих наиболее сознательных элементов охотно идёт навстречу этому. Таким образом, ещё в 1918 году создаются два культурно-просветительных кружка: в селе Ново-Рыбинском и Ерофеевском... были даже опасения, как бы эти общества не были сочтены [колчаковской контрразведкой. — **Б. Т.**] за нелегальные организации”.

С 10 января 1919 года в уезде было открыто восемь культурно-просветительных обществ, которые существовали на членские взносы и отчисления местных кооперативов.

Культурно-просветительные общества взяли на себя дело по устройству театральных постановок и вообще “разумных развлечений для народа”. При их деятельном участии собираются библиотеки, члены кружков помогают в организации народных чтений и лекций.

Алексеевское культурно-просветительное общество отчислило на постройку высшего начального училища — 400 руб., на библиотеку — 60 руб. и 150 руб. — на покупку сценических принадлежностей.

С 12 февраля по апрель 1919 г. в уезде функционировали четыре школы для взрослых.

15 мая 1919 г. уездная земская управа ассигнует Акмолинскому уездному учительскому обществу 600 рублей на поездку делегата на 3-й съезд краевка Западно-Сибирского учительского Союза. Интересна мотивировка ассигнования: “Учитывая, что то или иное решение вопросов на съезде принесёт пользу школьному делу, успех которого, несомненно, близок и земству”.

В августе на совместном заседании представителей от уездного земства, городской управы и Союза кооперативов рассматривались вопросы организации центрального общеобразовательного музея и музея природы в городе Акмолинске. Положение об организации двух музеев было принято на земском собрании. Однако городская управа посчитала, что за недостаточностью средств в текущем году целесообразно приступить к организации только центрального музея. Правда, на совместном заседании представителей высказывались и другие мнения. Так, член городской управы Ялымов высказал пожелание “отложить это дело до более удобного политического момента”, опасаясь, что гласные [члены управы. — **Б. Т.**], “занятые, как и всё население, переживаемыми событиями”, сочтут это несвоевременным и откажут в субсидиях. После дальнейшего обмена мнениями постановили: организовать в г. Акмолинске центральный объединённый музей земства, города и Союза кооперативов, “управление которым поручить особо избранному из представителей данных учреждений органу”.

22 сентября 1919 года заседание Акмолинской уездной земской управы рассмотрело ходатайство педагогического совета женского высшего начального училища г. Акмолинска об открытии “при училище 4-го параллельного класса ввиду превышения нормы числа учащихся и отпуске средств на содержание этого класса”. Управа, признавая необходимость открытия “означенного класса, в котором могут обучаться и дети из уездов, а также дети-беженцы”, постановила: “ассигновать до 1-го января 1920 года пособие на содержание параллели при училище от уездного земства — 1500 руб.”.

... 25 ноября 1919 г. в Акмолинск вошли части Красной Армии. Началась эра новых времён.

Из далёкого прошлого

Архивные изыскания не всегда увенчиваются находками цельного комплекса документов, дающих всеобъемлющую картину того или иного события. Но даже отдельные документы, порой “без начала и конца”, могут сообщить нам такие факты, без которых невозможно почувствовать аромат эпохи. Вот небольшая подборка архивных “изюминок”.

“Вывесить на видном месте”

Публикуемый ниже документ, может быть, не столь уже важен как исторический источник, но является свидетельством того, что “малые” проблемы дореволюционного захолустного Акмолинска пересекаются с заботами городских властей нынешней столицы.

Документ этот сохранился только потому, что в первые годы Советской власти из-за нехватки бумаги служащие городских учреждений использовали в своей работе чистую оборотную сторону “старых бумаг”.

Вышел он из Акмолинской городской управы (тогдашнего органа городской исполнительной власти) 14 марта 1915 года и адресован Акмолинскому станичному атаману (тогда в состав города входила казачья станица Акмолинская).

“Городская управа, препровождая при сём 4 экземпляра объявления о содержании жителями города Акмолинска имеющихся собак на привязи или же отпускать таковых на волю исключительно только в намордниках, покорнейше просит Вас, милостивый государь, вывесить на видном месте.

Член управы (подпись)

Секретарь (подпись)”.

Внимательный читатель наверняка не мог не заметить, что озабоченность городских властей Акмолинска “собачьей” проблемой совпала по времени с лихолетьем Первой мировой войны.

Уездная индустрия

В дореволюционную пору промышленность в Акмолинске была представлена кожевенными заводами Ф. Д. Лобачёва (основан в 1900 г.), И. Морина (1915 г.), Б. Чайкина, овчинным — Фуколова (1896 г.). На каждом предприятии работало по 10-15 человек.

Механическая мастерская для ремонта сельскохозяйственных орудий — далёкая предшественница “Казахсельмаша” — действовала в 1912-1921 годах. Затем была восстановлена к 1928 году.

К концу 1921 года в Акмолинском уезде зарегистрировано свыше 60 предприятий с общим количеством 905 рабочих.

В 1925 году была перестроена заново городская бойня. В этом же году в Акмолинском уезде из 119 рыбных озёр было выловлено 3943 пуда рыбы.

В первой пятилетке (1929-1932 гг.) в Акмолинске были построены кирпичный и камышитовый заводы.

Мощность городской электростанции в 1931 году составляла 70 киловатт электроэнергии. Она давала свет на 700 лампочек.

На 1 января 1932 года в городе зарегистрировано 8 артелей: “Строитель социализма”, им. Калинина, “Кустарь”, “Сапожник”, “Булочник”, “Октябрь”, “Рекорд”, “Ломовик”. В них было занято 485 человек.

Население города только за три года первой пятилетки увеличилось на 130 процентов.

1936 год можно считать годом рождения Акмолинского мясокомбината. Производительность его в том году составляла 80 голов крупного рогатого скота (или 300 голов мелкого рогатого скота, или 150 голов свиней).

Сколько нас было?

Ответ на этот вопрос даёт статистика — самый прекрасный материал для размышлений. Итак, население города Акмолинска

составляло в 1832 году — 313 человек, в 1869 — 5172, в 1890 — 5640, 1912 — 14765, 1915 — 18740, 1926 — 18780, 1939 — 32000, 1963 — 140000 человек. Без комментариев.

НЭП в Акмолинске

Помните, у Пушкина, Пётр I думает о времени, когда “все флаги в гости будут к нам”. Эти пушкинские строки невольно пришли мне на память, когда в госархиве г. Астаны я наткнулся на уникальный в своём роде фонд — “Совторгфлота”. Подумать только! В глухом степном городишке, каким был Акмолинск в 20-е годы XX века, и вдруг.. торговое агентство морского флота! Воображение сразу же стало рисовать фантастическую картину многовекторных связей Степи с заморскими странами...

К сожалению, за долгие годы многие документы этого архивного фонда пропали. Образовавшиеся пробелы в его составе не дают возможности воссоздать картину прошлого полностью, в её хронологической последовательности. Но то, что сохранилось, знакомит нас поистине с *terra incognita*.

Действительно, что мы знаем о временах нэпа в Акмолинске? Из школьного курса истории многие помнят, что нэп (новая экономическая политика) — это временная уступка большевиков частному капиталу в двадцатые годы прошлого века. Уступка эта позволяла молодому советскому государству привлечь частные средства к делу восстановления народного хозяйства, разрушенного двумя войнами, — Первой мировой и гражданской.

Коротко о “Совторгфлоте”. Это было акционерное (заметьте, речь идёт о двадцатых годах двадцатого века) общество всесоюзного масштаба, выступающее в роли посредника (перевозчика) в осуществлении экспортно-импортных операций. Действовало оно под эгидой Наркомата внешней и внутренней торговли. Транспортную базу Советского торгового флота составили суда Добровольного флота, доставшиеся новой власти в наследство от царской России.

“Совторгфлот” располагал широко разветвлённой сетью региональных контор, филиалов, агентств. В его сферу входили бассейны Чёрного, Балтийского, Каспийского морей. Наряду с морским судоходством общество объединяло и речные флотилии, в том числе Иртышское пароходство. По роду назначения агентства делились на отправляющие (Одесское, Бакинское, Ленинградское и т. д.), сдаточные и перевалочные.

Акмолинское агентство относилось к сдаточным. Перевалочными для него являлись Кокчетавское и Петропавловское агентства. Все три агентства подчинялись Омской региональной конторе. Штат агентства был небольшой: управляющий, счетовод, два экспедитора, сторож склада. Основное назначение агентства, согласно уставу общества, — “отправка грузов по поручениям клиентов”.

Кто же были его клиенты? Перед нами список клиентов 1925 года. Все они разделены на три группы: государственные, кооперативные и частные лица. В числе государственных “Кожсиндикат”, “Упсырзаг” (т. е. управление по заготовке сыра), “Кишпункт” (сей пункт занимался сбором ценного сырья — кишок), “Маслоэкспорт” и т. д. Кооперация была представлена районными ЕПО (единицами потребительскими обществами) и

Союзами охоты, которых в ту пору в Акмолинске было два. В списке частных торговцев фигурируют 23 фамилии. Вот она, “соль земли”, — 23 жителя Акмолинска, поставляющие свой товар в дальнее зарубежье. Каждый из них имел патент на “личное промысловое занятие” (так именовалось в годы нэпа частное предпринимательство).

Первым управляющим Акмолинским агентством “Совторгфлота” был Хафиз Канафьевич Сутюшев, уроженец Акмолинска, сын местного торговца, и сам он, как собственноручно указывает в анкете, до вступления в должность тридцать лет “занимался коммерцией”. Небезынтересный факт: и Сутюшев, и все его последующие преемники на посту управляющих агентством были беспартийными и находились под бдительным оком местного ГПУ (главного политического управления, преемника ВЧК и предшественника НКВД). Кстати, по уставу “Совторгфлота” никаких сведений о коммерческих операциях в органы ГПУ управляющий не давал.

Но вернёмся к нашим товарам. Чем же была богата и изобильна Акмолинская губерния в те двадцатые годы? Общий план заготовок на 1927/28 годы включал в себя следующее.

Кожсырьё: крупного рогатого скота 150 тыс. 500 штук; конины — 22 тыс. 900 штук; верблюжки — 600 шт. (Для сравнения: в 1962 году на территории Целинного края числилось всего 8 верблюдов).

Живсырьё: щетина — 10 тыс. 880 кг; конский волос — 29 тыс. 710 кг.

Мехсырьё: жеребок меховой — 9 тыс. 200 шт.; козлиная пуховая — 10 тыс. штук; мерлушка — 6 тыс. штук.

Пушнина: лисица — 1933 шт.; корсак — 3230, волк — 2137, хорь — 29500, горностай (!) — 23000, заяц — 152400, сурок — 19100, суслик — 1370 тыс., водяная крыса — 356500, барсук — 150, хомяк — 1000.

Кроме того, планом предусматривались заготовки кишок, шерсти. Но основным экспортным товаром был, конечно, казахстанский хлеб. Пшеница твёрдых сортов, например, шла через Одессу в Италию для производства макарон. Для отправки хлебных грузов агентство содержало за штатом 33 агента.

Акмолинское агентство “Совторгфлота” числилось сдаточным, но это не означало, что грузопоток был односторонним. Сохранилась ведомость на грузы, поступившие в 1927 году. В адрес госорганов прибыло 26725 пудов, кооперации — 16145 пудов, частных лиц — 9531 пуд. Жаль только, отсутствует расшифровка номенклатуры грузов.

Акмолинское агентство было прибыльным, находилось на полном самообеспечении и в своей деятельности подчинялось только АО “Совторгфлот”, что часто вызывало раздражение местных властей. В конце двадцатых годов ЦК партии пошёл на свёртывание новой экономической политики (НЭП). Крепнувший режим уже не нуждался в услугах частного капитала. 5 апреля 1927 года Наркомат Рабоче-Крестьянской инспекции (РКИ) принимает постановление о запрете кредитования частных. Этим же постановлением “Совторгфлоту” предписывалось сократить сеть агентств, ограничившись только отправляющими. В итоге в октябре 1929 г. Акмолинское агентство “Совторгфлота” было ликвидировано.

Виктор АКСЁНОВ

Волчица

Рассказ

В Великую Отечественную, в отсутствие ушедших на фронт охотников, волки расплодились и приблизили свои логова к населённым пунктам, где зимой появлялись даже днём.

Волчица Воя, одичавшая овчарка, переселилась от сопки Беркутиха, что в верховьях речки Шемонаихи, к Белому Камню — мраморной сопке, возвышающейся в двух километрах от мельницы и в семи — от районного села Шемонаихи, по речке Берёзовке. Здесь, на надпойменной террасе, ей приглянулась скрытая осинами, берёзами и густым тальником старая барсучья нора.

**Виктор
Степанович
АКСЁНОВ**

родился 22 января 1935 года в г. Шемонаихе Восточно-Казахстанской области. Окончил Семипалатинский геолого-разведочный техникум, Томский политехнический институт, аспирантуру при Институте геохимии и аналитической химии Академии наук СССР (Москва). Кандидат геолого-минералогических наук. Автор 132 научных

работ, многих изобретений, открытия 12 новых минералов. Служил в армии. Работал геологом в партиях, учителем в школе, руководителем научных групп в НИИ, доцентом в Восточно-Казахстанском техническом университете. Ныне редактирует журнал "Восток".

Публиковался в журналах "Молодая гвардия", "Простор", "Иртыш", "Восток". Автор девяти поэтических сборников: "Дым отечества", "Иску-

шение", "Свет Иисуса", "В пути", "Баллады и поэмы", "Стихи и рассказы", "Долг", "Песни и романсы", "Война". За стихи "Индира" в 1987 году премьер-министр Индии Раджив Ганди прислал автору благодарственное письмо со словами: "Я тронут Вашими стихами "Индира"... Счастлив, что у неё в Советском Союзе есть такие друзья, как Вы". Знаменитый писатель России (и земляк В. Аксёнова) Анато-

лий Иванов писал в 1995 году: "Два весомых сборника стихов и поэм "Дым отечества" и "Искушение" позволят Виктору Аксёнову выйти на уровень известных поэтов России и Казахстана... Я рад, что потерявший зрение поэт Виктор Аксёнов не сдаётся, а упорно трудится, готовит к выпуску новые поэтические сборники".

Живёт в Усть-Каменогорске. В "Ниве" выступает впервые.

Козырьком нависшая над площадкой террасы гранитная плита хорошо защищала нору от дождей, а росшие по обе стороны деревья — от ветров. Воя была довольна выбором места и готовила его для будущего потомства.

В окрестностях волчьего логова было много мышей, сусликов, тушканчиков и даже сурков и зайцев. Зимой Воя во главе волчьей стаи совершала набеги на Шемонаиху, где добычей становились собаки, а иногда и зазевавшаяся домашняя живность. Только огромного полуовчара Тобика, сына своего, Воя не трогала. На людей Воя тоже не бросалась, и волки их обходили.

Летом 1943 года Воя оценилась тремя красавцами волчатами, которые унаследовали её тёмный окрас. Малыши росли игривыми, в отсутствие матери, ухажившей подкормиться, нарушали всякие запреты и, не подозревая опасности, резвились на площадке террасы.

Зайцев и сурков в ближайшей округе поубавилось. Вое приходилось довольствоваться сусликами да мышами. Овец и коров на мельнице охраняли собаки, и у мельника было ружьё. Мельницу Воя обходила стороной, и, охотясь, понемногу начинала осваивать наиболее удалённый участок — северные отроги и восточные лога Хребтов — гряды невысоких скальных сопков, где, она знала, можно было настичь сурка или зайца.

... В этот день она проснулась ещё до рассвета, накормила волчат и пустилась в далёкий путь. Пробежав с километр, вдруг ощутила тревогу за оставленных малышей. Повернувшись, припустила назад, к логову. Но здесь был полный порядок. Накормленные волчата ещё спали. Успокоившись, Воя снова побежала к сопкам.

За весь день она добыла лишь несколько мышей. И только к вечеру ей повезло: волчица вышла на зайца, который спокойно глодал кору молодой осины. Как ни хитрил, ни петлял ушастик, зубы хищницы сомкнулись на его шее. Воя была голодной, и расправа — мгновенной. Насытившись, она лёгкой рысцой возвращалась к логову — накормить изголодавшихся волчат молоком.

А на Берёзовке у Белого Камня развивались другие события. Одиннадцатилетний Витя Купряков, щуплый шемонаихинский мальчишка, с двумя дружками из эвакуированных пришли к мраморной сопке поудить хариуса. В иные дни Витёк налавливал тут по целому ведёрку этой вкуснейшей рыбы. Вот и теперь на шивере переката он на червя выдернул пять хариусов, его друзья — ни одного. Бывалый рыбак предложил им подняться на сопку разжиться кузнечиками, на которых хариус “идёт валом”...

Поднимаясь логом по чуть заметной тропе, они вышли на надпойменную террасу и... обомлели, увидев рядом играющих у норы щенят.

— Какие же это щенята, это волчата, — заспорил Витя, — вот и нора рядом!

Два волчонка мигом скрылись в норе, а третий оказался смелее, и был вознаграждён за это: Витя снял с пояса фляжку с молоком, намочил им тряпицу, которой фляжка крепилась к ремню, и капнул с неё молоко волчонку на нос. Тот слизнул и, потянувшись к тряпице, начал жадно сосать её, урча от удовольствия. Услышав знакомое сытое урчание, двое других волчат выползли из норы и стали отталкивать собрата.

— Такие симпатяги. Возьмём домой? — предложили в один голос эвакуированные.

— Опасно. Но можно попробовать, — вслух стал размышлять Витька, оглядываясь по сторонам. — Волчата голодные, значит, волчица ушла далеко. А домой мы их не возьмём, сдадим в “Заготживсырьё”. Там разберутся. Может, отправят в какой-нибудь зоопарк. Домой волчат нельзя — волки нас подстерегут и отомстят, растерзают ещё... — добавил Витя.

Они взяли по волчонку, упрятали каждого в свои заплечные котомки. Затем быстро поднялись на косогор и поспешили в село.

Было уже послеобеденное время, когда ребята пришли в заготовительную контору. Принявшая волчат женщина наградила смельчаков премиями. Они, довольные, понесли деньги домой, где, однако, не избежали взбучки за то, что связались с опасным зверем.

... Солнце катилось к закату. Приближаясь к логову, Воя не услышала обычного повизгивания детёнышей и почувала беду. Ни на площадке, ни в норе её малышкой не было. Тут же она угадала острый запах человека. Взяв след, Воя бросилась вверх по логу, влетела на косогор и рванулась к селу — туда, куда её и вёл след.

Ещё засветло она добежала до этой самой конторы “Заготживсырьё”, откуда запах повёл её к большому длинному барaku. Здесь, у двух дверей, он пропал.

Волчица вернулась за околицу села, уселась здесь и завывала... Селяне, слыша этот вой, крестились и проклинали волков, не дающих покоя ни зимой, ни летом. Спустя часа три, Воя вернулась в логово. Здесь она выла до рассвета, наводя ужас на домашних животных мельника, который после той ночи и назвал её Воей. По ночам она выла всё лето напролёт. А утром, слегка подкормившись мышами и сусликами, бегала по косогору, по водоразделу к Шемонаихе и обратно. Осенью волчица перенесла своё логово в один из распадков в северных отрогах скальных сопок. Но и отсюда она часто приходила к Шемонаихе...

Как-то пришедшего пораньше из школы Мишу мать попросила сбежать на лыжах на мельницу и узнать, работает ли ещё она. Надо было смолоть мешок пшеницы. Дело было привычное. Девятилетний Миша хорошо знал дорогу на мельницу, потому что летом ходил на мельничный пруд и дальше, под Белый Камень, рыбачить. А зимой бегал на Василенковский яр кататься на лыжах. Он взял лыжи старшего брата, две лыжные палки и пошёл по селу. За Шемонаихой пристегнул ремешки лыж к валенкам и, упиравшись палками, быстро заскользил в сторону мельницы. Пройти предстояло пять километров. Дорога была накатана санями, и идти было легко.

Спустя какое-то время мальчик заметил, что параллельно ему в направлении мельницы по косогору бежит овчарка. “Что это она здесь делает?” — думал он. Но так ничего и не придумал. А овчарка, немного отстав, снова догоняла его и снова бежала параллельным курсом.

“А не волк ли это?” — обожгла тревожная мысль, и Мише стало жарко. Он прибавил ходу. Собака сопровождала его до самой мельницы. Дом мельника стоял на небольшом возвышении, и хозяин в окно заметил маленького лыжника и его сопровождение. Схватив ружьё, он выскочил на улицу и выстрелил в воздух. Овчарка рванула в гору и исчезла в ложке. Когда Миша подошёл к мельнику, тот сказал: “А ведь тебя сопровождала волчица Воя. Людей она не трогает. И тебя охраняла от нападения волков. Зря её вспугнул выстрелом. Летом у неё шемонаихинские мальчишки украли волчат. Она до сих пор ищет своих детёнышей и похитителей. Кто же тебя,

ещё мальчика такого, послал ко мне?”. Миша ответил: “Старший брат в школе, а другому шесть лет только”. — “Ты, наверное, приехал спросить — работает ли ещё мельница? Работает, ещё работает. Температура нулевая. Водяное колесо почти не обмерзает. Ну, снимай лыжи и заходи в дом. Попьёшь чаю, и я тебя увезу домой на санях. Кобылка у меня, слава Богу, справная”.

Жена мельника тётя Дуся налила Мише кружку чаю, забелила его топлёным молоком, положила перед ним ломтики вяленой тыквы. Только он опустошил кружку, вошёл мельник Василий Емельянович и сказал: “Кобылка ждёт. Пойдём, Миша”. Мальчик с лыжами сел в сани. Устроился с ружьём и мельник. “Но, Карюха!”, — тронул за вожжи мельник, и лошадка-монголка рысью повезла их в Шемонаиху. Всю дорогу Василий Емельянович не проронил ни слова. И только при въезде в село сказал: “Умна Воя, не зря жила с людьми. Знает их повадки и силу ружья. Она ведь овчарка. Обидел её один дурак шибко. По пьянке бил плетью, привязанную на цепи. Она на него бросилась. Он решил её застрелить. Собака поняла. Изо всех сил рванулась и порвала подгнивший ошейник. Когда хозяин выскочил из дома, овчарка уже убегала. Он лишь немного ранил её дробью. Ушла она от людей к волкам”.

... Вот и Шемонаиха. Алтайская улица. Зашли в дом. Мельник, поздоровавшись, сразу же укорил Аню: “Ты пошто мальчика одного на лыжах отравила? Забыла, как волки лошадь с двумя бабами в санях растерзали? Эх, Аня, Аня! А мешок с зерном давай. Пшеница-то, наверное, с колхоза “Колос”. Завтра привезу смолотую. Да дай пустой мешок под отруби. Небось, заморила ребятишек-то? Вон, Миша — кожа да кости. А ведь на лыжах на мельницу пришёл. Молодец, хлопчик! А Колмогорова Романа попроси, может, даст вам немного муки-то, да и отруби пусть оставит. Всё — не одна картошка детям...”.

Аня помогла мельнику положить мешок с пшеницей в сани, и Василий Емельянович направил свою Карюху назад, на мельницу.

Через неделю после этого волчица Воя выследила всё-таки щупленького Витю Купрякова по запаху, сбила его с ног прямо на Алтайской улице, где он жил, схватив за воротник пальто, кинула себе на спину и побежала из села.

Витя, очнувшись от шока, заорал во всё горло: “А-а-а! Помогите! Спасите!”. Детский крик в конце села услышал комиссованный по ранению фронтовик и охотник Пётр. Он схватил двустволку со стены, выскочил в чём был на улицу и дважды выстрелил в воздух в направлении убегающей волчицы. Воя бросила ношу и намётом поскакала через Берёзовку в сторону сопок.

Пётр подумал, что волчица сбросила с себя барана. Он осмотрелся, но мальчишку не увидел. Зашёл в дом. Одедся по-зимнему и вышел, чтобы подобрать овцу. И каково же было его удивление, когда он, подбежав, вместо овцы увидел на дороге знакомого мальчишку — Витьку Купрякова. Тот от испуга не мог вымолвить ни слова. Наконец он полностью пришёл в себя. Пытался что-то сказать, но только ртом хватал воздух. Пётр понял, что от шока мальчишка потерял дар речи, поставил его на ноги и повёл домой. Потом Витя Купряков более месяца заикался, пока родственники не сводили его к бабке Кузнечихе в село Кабаново.

Старушка положила его на кровать, что-то пошептала над ним, неожиданно дёрнула за пятки так, что он вскрикнул, и сказала: “Говори за

мною: спасибо, добрая бабушка!”. Он без запинки повторил это и убедился, что уже не заикается.

А Кузнечиха сказала ему:

— Ты смертельно ранил, украв волчат, самую умную и даже вещую волчицу, которая никогда не делала вреда ни одному человеку, даже тебе. У тебя будет худая судьба, потому что волчица не простила тебя. Живи как все. Но оборони тебя Господь ещё хоть раз встретиться с ней! А теперь ступай.

— Бабушка! Откуда вы всё обо мне знаете? — спросил Витя.

— Ты мне сам сказал, сынок, своими мыслями и боязнью. Иди. Бог тебе судья.

Прошли годы. Витя Купряков бросил школу, работал в колхозе. После армии поступил в Шемонаихинскую сплавную контору, чтобы гонять с верховья горной Убы плоты до Шемонаихи. Уба — коварная река, с множеством порогов, крутых перекатов. В одном из таких мест его огромный плот разбило в брёвнышки. Виктору удалось спастись чудом. Больше десятка километров добирался он до жилья. Губительная простуда уже в Шемонаихе завершилась двусторонним воспалением лёгких и летальным исходом. Свидетели говорят, что перед кончиной, в бреду, он повторял: “Прости меня, волчица!”.

А дружки Вити Купрякова, те подростки, что утащили у Вои волчат, в начале сентября 1943 года уехали с родителями на свою родину, в город Калугу.

Волчица Воя больше не посещала Шемонаиху. Вскоре она ушла далеко из её окрестностей и образовала логово в одном из горных распадков, вблизи сёл Кабаново и Разино. Зимой во время налёта на кошары села Кабаново она прыгнула с сугроба на соломенную крышу овчарни, внезапно провалилась и упала на земляной пол. Резкий запах овец ошеломил её и она на мгновение задержалась. В это время дверь кошары отворилась, вошёл старик-сторож. Все овцы бросились за его спину. Почувствовав неладное, он зажёл большую керосиновую лампу на полке и сразу же увидел волчицу, прижавшуюся спиной в угол. Она не нападала на него и даже не скалилась, глаза её горели мольбой: “Пощади!”. А передние лапы были приподняты и согнуты. Но сторож не понял её, схватив стоявшие рядом стогомётные двухрожковые берёзовые вилы, бросился к волчице и крепко прижал её вилами за шею в угол. Рожки вил согнулись о каменные стены и плотно защемили шею волчицы со всех сторон. Она захрипела. Утром женщины, которые пришли в овчарню кормить животных, перевернули её вверх спиной: “Боже, Иваныч, ты же не волчицу убил, а чью-то овчарку”. Старик подумал, что ослышался: “Что ты сказала, Марья?”. Та отвечает: “Я говорю, что ты, старый, по ошибке овчарку придушил. Спина-то у неё чёрная”.

“Нет, дорогие, это всё-таки волчица. Какая собака будет через крышу сваливаться на овец? Не зайдя я вовремя, неизвестно, сколько овец она растерзала бы. А приди на помощь волки, все овцы были бы зарезаны. Слышал я от Ромы Колмогорова, что в Шемонаихе вожаком волчьей стаи была или овчарка, или помесь овчарки с волком. Шемонаихинцы говорили, что эта волчица никогда не нападала на людей. Возможно, это она. Ведь она могла меня в два счёта разорвать. Жалко, убил эту умную волчицу”.

Кузнечиха

(Из воспоминаний Марии Цветинской)

Потеряв своего мужа в начале Великой Отечественной войны, я целый год не могла прийти в себя, оплакивая его в Ташкенте — городе нашей скоротечной предвоенной любви. Старшая сестра Аня в письмах умоляла меня приехать в Шемонаиху и помочь вырастить маленьких детей. Муж её был на фронте, а семья бедствовала. Я оставила работу, сдала квартиру и вернулась в Восточный Казахстан, на свою родину.

Приехав, увидела безрадостную картину: передо мной стояли четверо малышей в рваных обносках. Сестра не работала, так как младшим было по два и четыре года, а старшим — по шесть и одиннадцать лет. Тяжёлого, как глина, чёрного ржаного хлеба по карточкам давали по двести граммов на человека (иждивенца) в сутки. Этого было чрезвычайно мало. И, если бы не картошка, выращенная сестрой и детьми, они погибли бы, как умирали от голода другие многодетные семьи.

Я сделала всё возможное, чтобы спасти положение. Меня приняли в Шемонаихинский районный отдел НКВД, так как я имела опыт работы в этой системе, выдали хлебную карточку (на целый килограмм в сутки!) и назначили спецпаёк в дни командировок. К тому же я стала получать довольно высокую зарплату. И постепенно положение нашей семьи стало выправляться.

Мы жили в казённом трёхкомнатном доме по улице Алтайской. Но, кроме нас семерых (мамы, моей сестры, меня и четверых детей), занимавших проходную комнату с большой русской печью и полатами, в остальные всю войну подсаляли эвакуированных.

По долгу службы мне приходилось вести учёт переселенцев из Поволжья и Северного Кавказа на территории, которая была больше нынешнего Шемонаихинского района раза в три. В постоянных поездках по сёлам в качестве транспорта за мной закрепляли орловского рысака по кличке Пнедко. Конь не раз спасал меня от волков, легко убегая от них в упряжке.

В тридцати километрах к северо-востоку от Шемонаихи, не доезжая до горно-таёжного Алтая в то время находилось большое село Кабаново — центральная усадьба колхоза "Рассвет". Ныне от села, насчитывавшего более трёхсот дворов, не осталось и следа. Всё запахано да поросло бурьяном. В шестидесятые годы двадцатого века Кабаново было отнесено к категории "неперспективных", подлежащих сносу. Сельчане, погоревав, переселились в деревню Медведку — поближе к райцентру, но многие, побросав дома и продав скот, уехали в город.

А ведь в Кабаново жили интересные люди: вольные переселенцы из Центральной России, потомки староверов с Польской ветки и Стародубья, внуки политических ссыльных и донских казаков. Рядом, в трёх километрах восточнее, раскинулось такое же большое село Разино — старинный казачий форпост, а севернее Кабаново приютилось сельцо Калуга Алтайского края, в котором было немало переселенцев из подмосковной Калуги.

Земли вокруг чернозёмные, плодородные — только не ленись. Урожай пшеницы в благоприятные годы достигали здесь пятидесяти и более центнеров с гектара. Сёла были богатые, с добротными деревянными

домами и подворьем, а крестьяне держали до десятка голов крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец, птицу, пасеки.

Но все эти цветущие деревни по воле разного ранга руководителей были ликвидированы. Уничтожающий “неперспективные” сёла процесс пронёсся в 60-е годы прошлого века по всему Союзу страшной бурей. Меньше чем за десять лет в стране исчезло более 60 процентов деревень. И это вершилось вроде бы с благой целью — укрупнения и всеобщей электрификации сельских населённых пунктов.

Экономили на проводах и электроэнергии. А значительно больше потеряли на многократно возросшем расходе горюче-смазочных материалов, так как расстояния от населённых пунктов до тех же пахотных участков во много раз увеличились.

С ликвидацией огромного количества сёл в городах появился дефицит отечественных сельхозпродуктов. А ведь народная мудрость гласит: “Ломать быстрее, чем строить”, “Семь раз отмерь, один — отрежь”, “Переезд крестьянина равносителен пожару”. Вот пожар и случился. Такова народная оценка этому грандиозному мероприятию.

На выезде из Кабаново, за мостиком через речку Захаровку, слева, у самой дороги стояла небольшая деревянная изба под одной крышей с сеньями и кладовкой.

В ней тихо доживала свой век бабка Кузнечиха — Кузнецова Устинья Яковлевна (за точность имени и отчества не ручаюсь: годы память затуманили).

Жила Кузнечиха обособленно от селян и слыла среди них колдуньей. И хотя колхозники побаивались её, однако в случае болезни или какой другой напасти обращались непременно к ней. Её молитвы, заговоры, целебные настои помогали и детям, и взрослым. Бабка Устинья безболезненно и бесплатно отводила порчу, сглаз, привороты. Лечила ревматизм, радикулит, малярию, воспаления лёгких, избавляла от алкогольного пристрастия... В благодарности мужики построили ей дом.

Всё это я узнала о Кузнечихе уже после того, как вынужденно переночевала у неё в одну из первых послевоенных зим.

... В Кабаново для проверки переселенцев я приехала после обеда. Зимние дни коротки: пока отметилась в правлении и отвела Гнедка на конный двор, начало темнеть. Приезжавшие из района уполномоченные ночевали обычно у председателя колхоза. В этот день Букин был в отъезде — в Шемонаихе, и в правлении мне дали записку к Кузнецовой с просьбой устроить на ночлег и накормить.

Так я оказалась непрошеной гостьей Устиньи Яковлевны. Встретив меня на пороге, она сразу же захлопотала у печи, достав ухватом чугунок с варевом, собрала на стол. Аппетитно пахнущий картофельный суп хлеба-ли не спеша деревянными ложками, закусывали картофельно-отрубными лепёшками. В конце ужина хозяйка угостила меня сладкой тыквенной кашей и запашистым цветочным чаем.

Я расхваливала вкусно приготовленную еду и рассказывала о Семипалатинске, где закончила техникум, об Алма-Ате, где училась в институте, о Ташкенте, где работала и жила в последнее время. Устинья Яковлевна внимательно слушала и не переставала всему удивляться: масштабам городов, домам, где жили десятки и сотни семей и подведено центральное отопление, а в каждую квартиру — холодная и горячая

вода. Картину городской жизни дополнил мой рассказ о трамваях, автобусах и многом другом.

— Боже мой! — восклицала моя собеседница. — Люди живут там как в сказках! А мы-то?

Потом она скуповато поведала о себе: что в молодости была красивой, но парни почему-то сторонились её, а тот, кто признался в большом чувстве, в четырнадцатом году был взят на войну с германцем и погиб. И ни словом не обмолвилась о своих лекарственных успехах, о чём я успела услышать в правлении колхоза.

После ужина она погасила самодельную свечу, но ещё долго я не могла уснуть.

Единственная комната была просторна, с большой русской печью, на которой она спала. В правом переднем углу, над этажеркой с книгами, — полка-божница с иконой Пресвятой Девы Марии, которой она молилась перед ужином и после, и я перекрестилась, чем очень угодила хозяйке.

Я лежала на просторном топчане в углу комнаты и, согрившись под стёганым одеялом и большой овчинной шубой, скоро задремала. Однако услышав голос Устиньи Яковлевны, проснулась и решила, что она обращается ко мне, но вскоре поняла, что женщина говорит сама с собой. Я стала прислушиваться.

— Вот ведь оказия-то какая: Серко тащит председательскую кошёвку шагом, а сам весь в пене, как будто двадцать вёрст галопом отмахал. И председатель Букин не сидит, а лежит в кошёвке, откинувшись навзничь, как мёртвый. И где-то шапку потерял, — бормотала она вполголоса.

Затем Устинья Яковлевна зажгла свечу, села на край печи и, подавшись вперёд, стала напряжённо всматриваться в безоконную, глухую, оштукатуренную и побеленную деревянную стену! Мне даже показалось, что она пытается разглядеть детали происходящего на улице. Но каким было моё изумление, когда при пламени свечи я увидела глаза хозяйки. Они буквально источали яркий оранжево-жёлтый свет, более сильный, чем у волка или совы в ночи. Никогда ни у кого из людей я не видела подобных горящих глаз. От всего увиденного меня охватил страх.

Вспомнились слова инвалида-счетовода, автора записки о ночлеге: “Говорят, что Кузнечиха — ведьма. Но она лечит людей по какому-то ей одной известному наитию. И зла не несёт. Так что не бойся. К тому же ты вооружённый милиционер и, надо думать, не трусиха”.

А меня, начитавшуюся мистики девчонку, всю трясло от ужаса. И хотя мне шёл двадцать шестой год, я действительно была потрясена и напугана увиденным.

Затаившись, я лежала на топчане, поминутно нащупывая под подушкой рукоятку нагана. Когда чуть начало светать, была уже на ногах. Бесшумно выскользнув за дверь, я побежала к правлению. Там увидела Серко, который при моём приближении заржал, протяжно и жалобно. В кошёвке лежал Букин. Обнажённая, с заиндевевшими волосами голова председателя свисала с её бокового бортика.

Вспомнились причитания Кузнечихи: “Оказия-то какая...”. Всё, что она говорила, глядя в глухую стену, сошлось.

Начали подходить колхозники. Когда они убедились, что Букин мёртв, я рассказала о том, что ночевала у Кузнечихи, которая ещё вечером сказала, глядя в стену: “Букин не сидит, а лежит, откинувшись навзничь, как

мёртвый. И шапку где-то потерял”. Никто моим словам не удивился. Я догадывалась, что кабановцы знают о возможностях Устиньи Яковлевны. Серко между тем распрягли, и местный подросток, вскочив на него, отправился сообщить родным Букина страшную весть. Я выразила присутствовавшим соболезнование и поспешила на конный двор запрягать Гнедка, чтобы ехать в соседнее Разино.

Вернувшись в Шемонаиху, я узнала, что председатель Букин перед отъездом в Кабаново завернул к старому другу, где выпили за встречу по ошибке древесный спирт. Товарища его промыванием желудка в районной больнице спасли. Букина же в зимней дороге спасти было некому. Погиб отличный председатель и добрый человек.

А с Кузнечихой, спустя полгода, летом я встретила её вновь и снова ночевала у неё. Устинья Яковлевна приняла меня ещё радушней. А когда я спросила, действительно ли она той памятной зимней ночью видела за стеной Серко с мёртвым Букиным в кошёлке, она ответила: “Видела, как все люди видят. Особенно, когда малость подсветила свечкой”.

До конца дней своих Устинья Яковлевна была убеждена, что ничем не отличается от других, а её уникальные возможности — обычные качества, присущие каждому из нас.

Минуло много лет. Тяжкие военные и послевоенные годы ушли в прошлое. Нет уже ни Кузнечихи, ни процветавшего Кабанова. Новое время смело выявляет непознанные возможности и ресурсы человека. Появляются экстрасенсы, люди со смещённым и обширным спектром зрения, видящие предметы в абсолютной темноте и даже сквозь стены. В их число можно смело включить нашу уникальную землячку Кузнецову Устинью Яковлевну.

Послесловие.

А четверых детей моей старшей сестры Ани мы общими усилиями спасли и вырастили. Все получили высшее образование, обзавелись семьями. Но судьбы их не сложились удачно. В 50-е годы, в период наземных испытаний атомных и водородных бомб на Семипалатинском ядерном полигоне, они, проживая в Семипалатинске, подвергались повышенной радиации. В результате старший Николай умер от рака в 48 лет. Остальные рано потеряли зрение, приобрели другие болезни.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (3172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (3272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Учредители:

В. Р. Гундарев и ТОО «Издательство «Фолиант».

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27. 01. 2003 г.

Сдано в набор 14. 02. 2007 г.

Подписано к печати 15. 03. 2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20,00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 1483.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.

НИВА

№4, 2007

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на второе полугодие 2007 года.

Журнал «Нива» - к вашим услугам.

«Нива» - для истинных любителей литературы.

Подписаться на «Ниву» можно в филиалах АО «Казпочта»,
ТОО «Эврика-пресс», ТОО Агентство «Евразия-пресс»,
ТОО СП «Аргументы и факты. Казахстан» и агентстве «Press.kz».

Индексы журнала:

для индивидуальных подписчиков - **75775** (в Астане - **76775**),
для предприятий и организаций - **25775** (в Астане - **26775**).